
99
ЗАРУБЕЖНАЯ ФАНТАСТИКА
ЯН ВАЙСС
ДОМ В ТЫСЯЧУ ЭТАЖЕЙ

Дом в тысячу этажей
Ян Вайсс

Аннотация
Ян Вайсс. Дом в тысячу этажей. Авторский сборник
Предисловие
Дом в тысячу этажей
I. Все начинается со сна — Человек на лестнице — Багровый ковер — Кто я?
II. Ужасное открытие — Руки — Лицо? — Что было написано в блокноте — Возможность стать детективом — Принцесса Тамара
III. Тайна первого зеркала — Дом в тысячу этажей — Наконец-то: дверца в мраморной стене — Человек, который потерял память — Новые сведения о Мюллере
IV. Кто такой Мюллер? — Металл легче воздуха — Человек номер 794 — Чем питаются люди в Мюллер-доме?
V. Вест-Вестер, город авантюристов — Гедония, город блаженства — Индустрия наслаждении в Гедонии
VI. Молодой старик — О чем поведало Броку зеркало в конце коридора — Распыленный

VII. И снова снится желтая лампа — Окна и люди — Трактир на краю света — Продавец снов
VIII. Торговля в Тигровой улице — Гостиница „Эльдорадо“ — Избранное общество в сборе — Революция в Мюллер-доме
IX. Гарпона — Мистер Перкер — яды — Сыворотка КАВАИ — Газ СИО — Линзы на висках слепого
X. Астроном Галио, Властелин звезд — Первый космический корабль — Звездный голод Мюллера — Как Галио стал гигантским нулем — Сударь Чулков, король 50000 звезд
XI. Любопытство Петра Брока к что из этого получилось — Нос отравителя — Схватка в трактире — Больше всех бесновался безрукий Гарпона
XII. Предательские стекляшки на висках слепого — Петр Брок в западне — Побег — Лифт — и снова сон
XIII. Глава о звездах — Звездная торговля и промышленность — Реклама — Раковина в качестве талисмана
XIV. Ужас темноты — Экспортно-импортный концерн „Вселенная“ — транспортировка на звезды — Петр Брок не может вспомнить — Голландская колония на Луне
XV. Типы переселенцев — Обедневший миллионер — Сладострастный донжуан — Миссионер

Альва — Преподобный Лар — Франтишек Фарани

XVI. Дама в черном — Предательское ожерелье — „Зря вы прячете лицо…“ — Брок наблюдает с близкого расстояния — „Тогда я стану принцессой гномов…“

XVII. Зал ожидания на пороге Вселенной — Бесполезные споры — „…всюду земля господня…” — Бархатный зал — Брок пытается спасти принцессу

XVIII. Сон — Старик с доброй улыбкой — Судьба переселенцев — Паршивый материал — „Еще одного дворника”

XIX. „А теперь — девочек…“ — Принцесса, потерявшаяся и вновь найденная — Галантность Мюллера — „… прошу улыбку…”

XX. Первое упоминание об Ашоргене — Пурпурный шатер в качестве лифта — Старый сводник утешает принцессу — Мадам Верони

XXI. Улица Эльвиры Карповой — Петр Брок принимает решение идти за адмиралом — „Я покину вас на некоторое время…“ — Улица Берты Бретар — Улица Анны Димер

XXII. Золотой муравейник — Жирный идол под балдахином — Хрустальные уста динамика — Техника биржи — Петр Брок узнает кое-что о

себе — „... скажите еще — социалист“
XXIII. „Покупаю!“— Два голоса начали борьбу — Петр Брок представляется Мюллеру — Свидание на улице Алисы Моор
XXIV. Святилище Агасфера Мюллера — Вино „Вознесение на небо“ — Петр Брок снова искушает бога Мюллера — Три выстрела в ковер
XXV. Лицо принца Ашоргена — Глаз Мюллера в спальне принцессы — Лифт в Гедонию — Снова желтая лампочка
XXVI. Монте-Карло в Гедонии — Балерина на пуантах — „Не верю я вашим звездам...“ — Император Марлон, божество Великого Солнца — Принцесса выигрывает — „Это вам на дорогу!“
XXVII. Опочивальня блаженных снов — Культ наслаждения — Небожители под прозрачным потолком начинают беспокоиться — Откушенный палец
XXVIII. Белая тьма — Запах и воспоминания — Снова лампочка — „Это мое прошлое“
XXIX. О звезде Ашоргенетеррамолистерген — Принцесса Тамара готова полюбить принца Ашоргена — „...наше ложе ждет...“ — Петр Брок снова пользуется тем, что он невидим
XXX. Принцесса Тамара думает, что она одна — Осторожнее, Петр Брок! — Руки можно схватить

только руками
XXXI. Петр Брок лжет — „... у меня еще нет лица...“ — Мюллер напоминает Броку о свидании —„...жду тебя...“
XXXII. Двери белые и черные — Зал пустых зеркал — Электрические звонки
XXXIII. Миллион великанов... — Бешеная гонка в шаре — Пойманное ничто — Окошко на вершине купола — „Он жив...“ — Что нужно запомнить...
XXXIV. „...Боитесь пойманного дьявола!“ — Каким видел Петра Брока Орсаг с помощью своих линз — „Что за бесстыдство...“ — „Он красив?..“
XXXV. Опять все начинается с лампочки — Петр Брок сдерживает слово — Ночь, планы, побег — Разваливающиеся королевства — Не будет счастья в мире, пока стоит Мюллер-дом
XXXVI. Переулок Воздухоплавателей — Морская чайка — лорд Гумперлинк — Солнце над Мюллер-домом — Брок прощается с принцессой — Сиденье рядом с ней остается пустым
XXXVII. Сирены тревоги — Приказ об аресте Петра Брока — Резиденция Мюллера — Брок приближается к Мюллеру — Сначала нужно искупаться
XXXVIII. Оригинал бога Мюллера — Баррика-

ды на 490-м этаже — „...нам придется уступить еще шестьдесят этажей...“ — Витек из Витковиц жив! — Старик Шварц и его газ — Ночью, когда враги уснут...

XXXIX. Снова Ашорген, которым сдул белую пушинку с плеча Мюллера — Орсаг бросается на помощь — Дерущиеся падают на пол — „Держите его!..“

XL. Брок пытается спасти рабочих Витка от старости — „Напиток победы“ — Бой на лестнице — Старик Шварц на спине чудовища

XLI. Пророк № 794 — „...потом я уничтожу живого Молоха!“ — Брок встречается с Витеком из Витковиц — „Отложи свое наступление до завтрашнего дня“

XLII. Газ из мехов будет уходить — Красный треугольник — Тоска старика Шварца — Прежде чем постареть... — Кнопка 100

XLIII. 100-й этаж — „Тебя обманули, Морская чайка!“— Прежде всего разыскать Мюллера — Личные телохранители Агасфера Мюллера — Его библиотека

XLIV. Как мучить цветы — Агасфер Мюллер играет в детской комнате — Сокровищница — Маски из человечьей кожи — Орангутанг

XLV. Машина всеведения — Да, это Он! — Его

голова на расстоянии протянутой руки — Голоса биржи

XLVI. „Герр Эрлебах!“ — Говорит горбун — „...из верблюда я превращусь в человека!“ — „Арестовать горбуна Чулкова!“ — Здесь будто бы место линьки целой собачьей своры — „Смерть паразитам!“

XLVII. Генерал Окс — „... око за око!“ — Мюллер предлагает Броку стать живым богом в Мюллер-доме — „Вот мой ответ!“ — Брок погребен...

XLVIII. Багровый треугольник остался на потолке — „Теперь будь здоров!" — Сон про тысячу этажей

Никто вас не звал
Тысячи людей ждут...
Тайну надо беречь
Нам было его жаль...
Редкая профессия

Аннотация

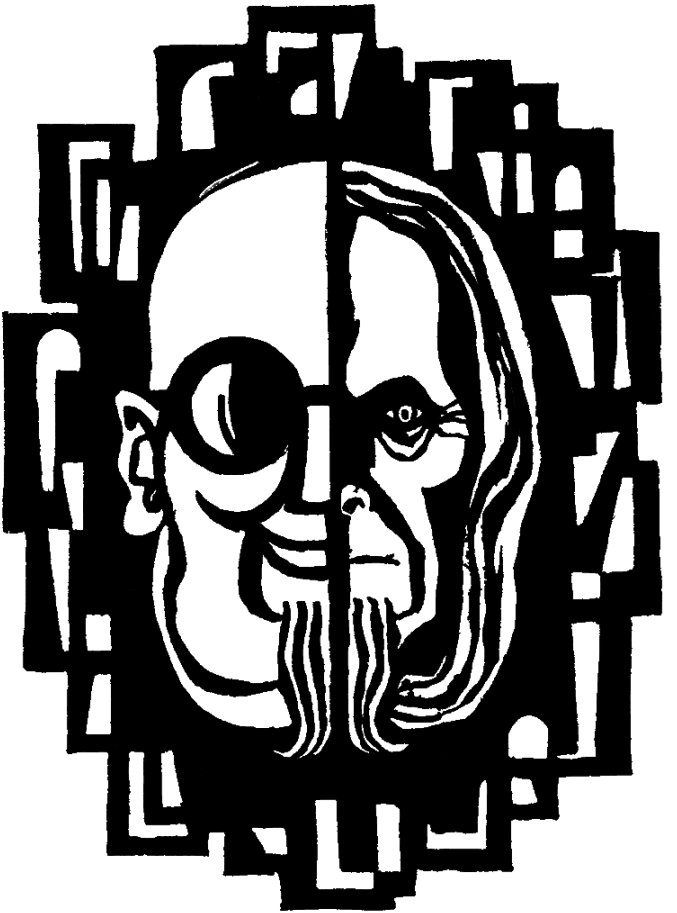
В авторский сборник известного чешского фантаста Яна Вайсса входят роман «Дом в тысячу этажей» и ряд научно-фантастических рассказов. Писатель обращается к теме борьбы с угнетением, будущее в его произведениях предстает во всем разнообразии и необычности его проблем.

Перевод с чешского: П. И. Антонова.
Предисловие: И. Бернштейн.

М., "Мир", 1971. Зарубежная фантастика.
Редакция научно-популярной и научно-фантастической литературы.

Оригинальный перевод 1971 г.

Ян Вайсс. Дом в тысячу этажей. Авторский сборник



Предисловие

Чешский писатель Ян Вайсс справедливо считается одним из патриархов научной фантастики в своей, стране. Все его творчество отмечено печатью смелых поисков и яркой оригинальности.

Первые литературные опыты Вайсса несут на себе неизгладимые следы военных впечатлений. Он увековечил кошмар империалистической бойни — первой мировой войны — в ярких, выразительных, порой гротескных образах. Так написан его рассказ «Барак смерти», в котором эпизоды военных будней перемежаются с бредом пленного в сыпнотифозном бараке (этот мотив повторится потом в романе «Дом в тысячу этажей»).

Веселый смех — это стихия, чуждая Вайссу; смех у него часто граничит с гротеском, с едкой иронией, а ирония нередко даже в реалистических произведениях сочетается с поэтической гиперболой и фантастикой. На этом контрастном сочетании построены самые острые социально-критические романы Вайсса. В романе «Молчание — золото» фантастическая история скромного, страдающего

от своей застенчивости неудачника, внезапно обретшего дар потрясающего красноречия, позволяет Вайссу дать злое обличение используемых фашистами демагогических приемов охоты за душами. Разоблачение фашистской демагогии, манипулирующей истиной, как иллюзионист шариками, было чрезвычайно актуальным в годы прихода германского фашизма к власти.

Значительное социальное содержание заключено и в другом романе Вайсса, в котором острый анализ общественных явлений также соседствует с фантастическими приемами, — «Спящий под знаком Зодиака». Герой этого произведения, учитель Ребенда, обладает удивительным свойством: каждый год вместе с умиранием и пробуждением природы он переживает некий сокращенный цикл человеческого существования — юность, зрелость, старческое увядание, а зимой погружается в многомесячную спячку. Эта фантастическая ситуация, как всегда у Вайсса, соседствует с четкой и реалистически достоверной обрисовкой общественной жизни. Удивительные похождения героя разыгрываются в реальной обстановке экономического кризиса, поразившего Чехословакию в начале 30-х годов, в среде интеллигентов, подавленных безработи-

цей и полной бесперспективностью. Выход из реальных противоречий и осуществление своей мечты о радостном освобожденном труде герой находит в Советском Союзе.

Описывая поездку героя в СССР, напоминающую в его изображении сказочное путешествие в царство будущего, Вайсс рисует картины жизни, полной кипучей энергии и гигантского творческого размаха, свободной от кризисов, мир великолепно организованного труда и уважения к человеку. Картины, изображенные в этом романе Вайсса, перекликаются с теми гимнами «стране, где наше завтра стало уже вчерашним днем», которые создавали в это же время Ю. Фучик, М. Пуйманова, С. К. Нейман и другие прогрессивные чешские писатели.

В годы после Второй мировой войны Ян Вайсс с наибольшим успехом продолжает развивать ту линию своего творчества, которая ближе всего к научной фантастике. Цикл фантастических рассказов Вайсса «В стране внуков» — это попытка заглянуть в будущее и нарисовать жизнь потомков, к услугам которых все чудеса техники. Особое внимание писатель уделяет победам человечества в области завоевания космоса (рассказы под общим заглавием «Спутники и звездные

корабли»).

Роман «Дом в тысячу этажей» принадлежит к лучшим достижениям чешской научной фантастики. Безудержный полет фантазии, романтически гротескные образы, полная свобода ассоциаций — все это вызвало самые разноречивые отзывы критиков, не знавших, в какую «графу» зачислить это своеобразное произведение. Представители чешской буржуазной критики готовы были отнести роман Вайсса к модному в свое время сюрреализму, видели в нем только мастерской анализ подсознательного, только изображение смятенного, болезненного сознания, перекашивающего действительность. Творчество Вайсса сопоставляли с кошмарными видениями Франца Кафки.

Во всех подобных оценках упускается из виду самое важное в романе, то, о чем говорил чешский критик-марксист Бедржих Вацлавек, назвавший «Дом в тысячу этажей» «символом хаотической, бессмысленной и безумной постройки, именуемой капитализмом». В конце романа автор реалистически мотивирует фантастический характер повествования: все происшедшее оказывается бредом больного военнопленного в одном из сыпнотифозных бараков смерти в годы

Первой мировой войны. Но в фантасмагорических кошмарах героя есть рациональное зерно, позволяющее автору вложить в роман глубокий социальный смысл.

Вайсс, несмотря на свою бурную, необузданную фантазию, не принадлежит к плеяде весьма распространенных на Западе многочисленных создателей развлекательных фантастических произведений. Петр Брок, переживающий столь же невероятные приключения, как Фантомас или Джеймс Бонд, и шутя преодолевающий столь же чудовищные препятствия, отнюдь не является братом или даже дальним родственником этих популярных героев.

Вайсс принадлежит к тому направлению современной научной фантастики, мастера которого, такие, например, как Бредбери или Станислав Лем, задумываются над самыми острыми и значительными социальными и моральными проблемами, волнующими современное человечество. В фантастическом мире, ими созданном, разыгрываются конфликты, чрезвычайно важные для развития человека и общества в нашу чреватую историческими потрясениями эпоху. В чешской литературе такого рода научная фантастика опирается на прочные традиции. Ее

основоположником можно считать одного из крупнейших мастеров чешской литературы XX века — Карела Чапека. «Дом в тысячу этажей» по социальной проблематике и своему духу напоминает роман К. Чапека «Кракатит». Герой Чапека, инженер Прокоп, также в одиночку, борется против страшных сил, оснащенных великолепной техникой и пытающихся поработить человечество. Прокоп, как и Петр Брок, живет, в полуфантастическом мире, и колоссальное напряжение сил также вызывает у него нечто вроде лихорадочного бреда, в котором образы реальные и ирреальные смешиваются. Прокоп борется против враждебных сил, обладая лишь секретом сверхмощного взрывчатого вещества, а Петр Брок — секретом невидимости. Но в конце концов Прокоп у Чапека отказывается от борьбы, тогда как Петр Брок побеждает.

Если как следует всмотреться в фантастический, причудливый, полный потрясающих неожиданностей мир Мюллер-дома, то в нем можно обнаружить своеобразный порядок, характерный для современного капиталистического общества в целом. Прежде всего устройство Мюллер-дома — плод поразительных достижений технического гения человечества. Эта башня

без окон и дверей, построенная из необыкновенно легкого и прочного материала, обслуживается с помощью бесчисленных технических чудес: безупречные лифты безотказно летают на тысячу этажей вверх и вниз, летательные аппараты могут в любую минуту доставить желающих на самую отдаленную звезду. Человеческая жизнь поддерживается с помощью универсальных питательных таблеток, а хозяин дома в тысячу этажей, Агасфер Мюллер, располагает чем-то вроде сложнейшей кибернетической машины, которая позволяет ему увидеть и услышать все, что происходит в любом уголке колоссального здания.

Но вся эта фантастическая техника предназначена отнюдь не для того, чтобы делать людей счастливыми. Над обитателями Мюллер-дома неумолимо властвует беспощадная темная сила, которая контролирует не только поступки, но и мысли людей, регламентирует и определяет каждый их шаг. Эта сила воплощена в таинственном владельце дома, всемогущем Мюллере. Обитатели дома относятся к нему, как к богу, его имя вселяет трепет в сердца самых высокопоставленных граждан. Агасфер Мюллер — это не человеческое существо, а скорее символическое

воплощение темных сил, подавляющих людей в несправедливо устроенном обществе. Недаром всякий раз, когда Петру Броку кажется, что он уже добрался до страшного врага, ради уничтожения которого герой проник в Мюллер-дом, он сталкивается только с неким подобием, с чудовищной гротескной маской, а за ней кроются все новые изменчивые обличья. Уродливый рыжий карлик, оказавшийся в конце концов подлинным Мюллером, воспринимается скорее как производное от той чудовищной системы подавления людей, которую он создал. Множество трудов, написанных ради восхваления великого Мюллера («Гимны и оды во славу бессмертного Мюллера», «Молитвы, обращенные к всевышнему Мюллеру», «Агасфер Мюллер, бог и человек. Философская серия»), и прочие формы преклонения перед земным богом, как и ритуальные действа в его честь, — все это только подчеркивает надчеловеческий, абстрактный характер силы, управляющей мрачным царством, основанным на страхе, обмане и обожествлении абсолютной власти. Но Вайсс рассказывает не страшную сказку, и его интересует прежде всего не сам злой волшебник, а система, господствующая в его царстве, которая необыкновенно напоминает реально существующую

капиталистическую систему. В абстрактности сил, управляющих судьбой людей в Мюллер-доме, и впрямь много от безличной анонимности капитала, воплощенного во всемогущих трестах и синдикатах. Недаром апартаменты Мюллера связаны прежде всего со вторым центром Мюллер-дома — с биржей, этим игралищем самых бурных страстей, потрясающих собственническое общество.

Все это фантастическое государство основано на началах строгой иерархии. Строители, некогда воздвигшие эту новую Вавилонскую башню, замурованы в верхних этажах Мюллер-дома, это парии, изгои. Они ослеплены, в них убиты сила и способность радоваться, желания и надежды, они утратили даже собственное имя и фигурируют под безликим номером.

Следующую зону — Вест-Вестер — населяют всякого рода авантюристы: «торгаши, продавцы и перекупщики всевозможных вещей — старого тряпья и свечей, человеческих душ, чести и крови, ковров и богов, пудры и целомудрия, — все они ринулись сюда за счастьем». Здесь Мюллер вербует самых верных прислужников, осуществляющих жуткие преступления, с помощью которых только и можно сохранять абсолютную

власть над людьми. Ян Вайсс не боится сгустить краски, изображая страшных, уродливых продавцов утонченных ядов, изобретателей различных губительных газов и прочих наемных убийц всех мастей. Мастерски рисует писатель жизнь привилегированных каст мюллердомовского общества: миллионеров и миллиардеров, королей и принцев, банкиров и генералов. Они обитают в нижних этажах Мюллер-дома, в хрустальном городе Гедонии, где все подчинено изобретению новых видов наслаждений. Впрочем, наслаждения подчас изнуряют гедонийцев не меньше, нежели самый каторжный груд.

Вайсс дает волю своей неукротимой фантазии, создавая радужную симфонию цветов, ароматов, звуков. Изображая шумную, суетливую и пеструю жизнь в Вест-Вестере и Гедонии, писатель рисует картину, которая чрезвычайно напоминает крикливую цивилизацию преуспевающих «потребительских обществ» Запада. Яркие, ослепительные рекламы, навязчивость которых не позволяет сразу оценить их более чем подозрительное содержание («Опиум — лучшая марка», «Фр. ИПС — фальшивые векселя, подписи, подделки банкнотов!», «Продавец ядов!»); множество самых разнообразных и, казалось бы, доступных

для обывателя вещей, сводящих его с ума; развлечения, притупляющие способность мыслить, — и все это в бешеном темпе, в захлебывающемся от постоянной спешки ритме жизни. Можно сказать, что в гиперболической форме Вайсс воплотил многие черты, характерные не столько для предвоенных лет, когда писался роман, сколько для нашего времени, ознаменованного дальнейшим развитием технической цивилизации и дальнейшим углублением противоречий, порожденных общественным неравенством. Вообще в романе Вайсса можно найти немало предсказаний. Читая о рабах Мюллер-дома, нельзя не вспомнить об узниках фашистских концлагерей с вытатуированными номерами. И, конечно, сцена, в которой обманутых «переселенцев» па другие планеты отправляют в нечто вроде газовых камер, а затем их тела сжигают в крематориях, тоже воспринимается как страшное пророчество, предвидение людоедской практики фашизма.

В государстве, основанном на безмерном угнетении и подавлении человека, естественно, накапливается немало ненависти, которая прорывается в Мюллер-доме в грозном восстании рабов, возглавляемом Витеком из Витковиц. Союз

с восставшими помогает Петру Броку добраться до Мюллера и восторжествовать над ним.

При всем том, что многие образы романа расшифровываются как аллегория, автор далек от рационалистичности. Неисчерпаемая выдумка, увлекательная фабула и мастерство создания ярких и неожиданных образов предохраняют чешского писателя от напыщенности и прямолинейности. В его увлекательном повествовании много романтического пафоса, например, в изображении восстания рабов; сильно и лирическое начало, особенно в изображении любви Петра Брока и сказочной принцессы Тамары, которую герой должен освободить от злого чародея Мюллера. Сказка и явь, острые обличения и фантастические грезы, яркие картины настоящего и глубокое предвидение будущего — все это переплетается в увлекательной фантасмагории Яна Вайсса.

Роман Вайсса можно назвать двуплановым. Только в конце читатель узнает, что Мюллер-дом — плод лихорадочной фантазии тяжело больного героя. Но этот второй план дает себя чувствовать все время. В минуты особенно мучительного напряжения Петру Броку видится барак с грязными нарами, переполненный умирающими. В лихо-

радочном бреду, герой Вайсса как бы вплывает из мира воображения в мир реальности. Вот перед его глазами возникают четкие картины:

«Смрад паровоза и сажи.
Тяжелый дух из теплушек — шесть лошадей, тридцать человек…
Свежеразрытая земля.
Порох.
Дым пепелищ.
Кровь.»

Таким образом в сложную партитуру романа вливаются реальные впечатления войны, Именно страшное потрясение, вызванное ужасами войны, позволило Вайссу по-настоящему постигнуть античеловеческую сущность капиталистического общества. Конец романа глубоко символичен: торжество над Мюллером во сне — это выздоровление наяву. Так в весьма своеобразную форму Ян Вайсс облекает серьезную социальную проблематику нашего века, полного фантастических противоречий.

Если в «Доме в тысячу этажей» технические достижения представляются проклятием, помогающим поработить и обезличить человека, то в произведениях, написанных в социалистической

Чехословакии, особенно в научно-фантастическом цикле «В стране внуков», Вайсс с радостью и доверием заглядывает в будущее. Он видит там завоевания техники, приносящие максимум удовлетворения освобожденному человеку коммунистического общества. Писатель с удовольствием изображает прекрасные светлые дворцы и легкие, как облака, воздушные корабли. Но больше всего его интересует, как будут разрешены в грядущем обществе социальные и моральные проблемы, которые так трудно разрешимы сегодня. В таком же ключе написаны рассказы, входящие в наше издание. Несмотря на шутливый тон, в них задеты вопросы, требующие вполне серьезного подхода. Что ж тут удивительного, если двое любящих не могут решить, какое из бесчисленных развлечений им выбрать (рассказ «Тысячи людей ждут»). Ведь столько ученых-социологов уже в наши дни работают над проблемой использования свободного времени! И кто знает, может быть, и впрямь абсолютно освобожденному от всех трудных работ человеку захочется самому покопаться в земле и испытать приятную усталость после напряженного физического труда (рассказ «Никто вас не звал»)? Вполне может статься, что фрукты,

выращенные таким образом, действительно покажутся и сочнее, и вкуснее обычных. В своих изящных и забавных рассказах Вайсс заставляет нас задуматься над многим, о чем обычно люди задумываются редко.

Нам представляется, что знакомство советского читателя с одним из выдающихся мастеров чешской фантастики Яном Вайссом будет приятным и полезным.

И. Бернштейн

Дом в тысячу этажей

I. Все начинается со сна — Человек на лестнице — Багровый ковер — Кто я?

Это был жуткий сон. Полый череп. Внутри кромешная тьма и лишь где-то посередине желтый огонек. Он освещает играющих в карты, по холод так ужасен, что из-за изморози, которой покрыты карты, невозможно различить мастей. А дальше — широкая, как бы висящая в воздухе, площадка, и на ней лежат люди, тесно прижавшиеся друг к другу. Все на левом боку, грея замерзающие колени и стынущие бедра. Стоит пошевельнуться одному, как начинает колыхаться вся цепь тел и словно по команде скрученные звенья отделяются друг от друга, цепь рассыпается и тела переворачиваются на другой бок. И снова прижимаются, сгибая колени и сдвигая бедра. Но уже никто не может согреться. Постепенно они застывают, будто насаженные на длинную иголку, которой их проткнул ХОЛОД. НО вдруг чья-то гигантская рука схватила заледеневший череп вместе со всеми этими жуткими видениями и швырнула в огонь. Череп лопнул! Страшная, невыносимая боль — и пробуждение!

Человек очнулся от тяжелого сна, оглядел наклонную плоскость потолка. Первая мысль: «Где я?»

Лестница! Ступенька, по которой сбегает багровая дорожка ковра, служила ему подушкой во время сна. Вдоль стены провис красный канат, с противоположной стороны лестницу окаймляют мраморные столбики.

«Где я?»

Человек вскочил.

«Куда идти? Вверх или вниз? Вверх!»

Он перепрыгивает через три или четыре ступени. Пустая лестничная площадка между этажами, без окон, без дверей. И снова лестница, покрытая багровым ковром. Затем опять этаж, слепой, глухой, с белой лампочкой на потолке… Багровый ковер! Вверх! Красный канат бесконечной змеей ползет с правой стороны, а слева вверх поднимаются столбики.

Когда же это кончится? Где здесь двери? Человек бежит вверх. Голова идет кругом, багровый каскад ковра жжет мозг.

Внезапно он останавливается.

«А может… может, лучше было бы бежать вниз?! Назад! Нет, поздно! Я слишком высоко забрался. Вверх!»

Еще один этаж! И еще один! Больше нет сил… Еще один, последний. И снова не оставляющий никакой надежды этаж с высунутым багровым языком ковра. Сердце сдает, подкашиваются ноги. Выше уже невозможно, невозможно…

«Куда я попал?.. Кто?.. Я?.. Кто это — я? Кто я?» Дикая мысль! Человек сжал руками виски, «Кто я?»

Но память молчит… Мыслей нет.

«Как меня зовут? Как я выгляжу?.Откуда я пришел? Господи, ведь есть же у меня имя… Но какое… какое?

О, как стучит в висках, когда я задаю себе эти вопросы! Только бы вспомнить, все сразу прояснится и эта лестница исчезнет сама по себе… Что же произошло?»

Все новые и новые этажи громоздятся один над другим, слепые и глухие, и у каждого свое электрическое солнце на потолке — колпак с матовым стеклом.

II. Ужасное открытие — Руки — Лицо? — Что было написано в блокноте — Возможность стать детективом — Принцесса Тамара

И еще один раз человек замер, приостановив свой сумасшедший бег наверх. В углу лестничной клетки белеет груда рассыпавшихся костей. Змеей извивается скрюченный словно в судорогах позвоночник. Рядом — полуразрушенный человеческий череп. Над этой печальной кучей костей, на стене, на высоте, до которой может дотянуться стоящий на коленях человек, нацарапаны буквы «С. М.». Под ними пять горизонтальных черточек.

«Что это значит? Быть может, кто-то до меня тоже бежал вверх по лестнице… «С. М.» дошел до этого места и упал, потеряв последние силы. Он умирал, но, приподнявшись на колени, успел нацарапать ногтем свои инициалы. Пять черточек… возможно, пять дней он здесь блуждал! Быть может, пять часов умирал!»

От страха человека стало трясти. Прочь! Прочь отсюда! Но куда? Есть два пути: либо вверх, либо

вниз. Куда же? Вверх! Ступени. Багровый ковер вонзился в мозг, словно раскаленный прут.

«Когда же это кончится? О, если б я знал, кто я! Несмотря на боль, от которой разламываются виски, надо все вспомнить. Память! Что случилось с моей памятью? Куда исчезли воспоминания? Прошлое! Адская боль! Кто я?»

И вдруг — руки!

«Да, это мои руки… Может быть, память вернется, когда я увижу свое лицо? Белые руки с длинными узкими пальцами. Белые рукава пиджака, шелковая рубашка, белые брюки, белые парусиновые полуботинки… А лицо? Как я узнаю себя?»

Человек спрятал лицо в ладонях. Легкими прикосновениями пальцев он, как слепой, пытался «увидеть» свое лицо, узнать, как он выглядит, красив он или безобразен, молод или стар… Какие у него нос, губы. А волосы — черные они или тоже белые?

Неожиданно он нащупал в нагрудном кармане что-то твердое. Маленький блокнот. На первой же странице незнакомым почерком было написано:

1. Пройти в Мюллер-дом. Исследовать все этажи. Проникнуть в закрытые по-

мещения.

2. Экспортно-импортный концерн «Вселенная» — транспортировка на звезды — не мошенничество ли это?

3. Чудо-металл солиум, из которого строятся ракеты для межзвездных полетов. Насколько это соответствует действительности?

4. Кто такой Агасфер Мюллер? Благодетель человечества или негодяй? Почему он скрывается от всего мира?

5. Необъяснимые похищения прекрасных женщин. Принцесса Тамара. Куда они исчезли?

«Разве я детектив? — удивился человек. — Может быть, это вопросы, на которые я должен ответить? Главные из поставленных передо мной задач? Но как я могу работать, если я ничего не помню»?

Он стал перелистывать блокнот. Вдруг оттуда выпали три маленькие газетные вырезки. В первой из них было напечатано следующее сообщение:

Побег или похищение?

«Сегодня ночью из своей спальни исчез-

ла принцесса Тамара со своей подругой Эли. Высказываются предположения, что она была увезена на Остров гордыни, где находится знаменитый Мюллер-дом. Однако не исключено, что она убежала сама, так как у принцессы в последнее время началась звездная лихорадка. Вместе с ней исчезли и все ее драгоценности общей стоимостью пять миллионов».

Во второй вырезке говорилось:

«Поездка детективов в Мюллер-дом только что закончилась безрезультатно. Согласно информации, полученной в секретариате концерна «Вселенная», принцесса вместе со своей подругой улетела на звезду Л-4 в созвездии Лебедя. Небезынтересно, что путешествие на эту счастливую звезду обходится каждому в 250 мюлдоров, что равно 796 000 наших крон».

И еще один листок с очень коротким сообщением:

«Знаменитому детективу Петру Броку

поручили расследовать дело принцессы».

А на последних страницах черного блокнота карандашом был набросан следующий список:

1. Анна Мартон, прима-балерина Национальной оперы, 24. III.

2. Ева Сарат, манекенщица, исчезла во время бала художников и артистов около полуночи, после того как была провозглашена королевой бала, 7. IV.

3. Луна Кори, дочь банкира, исчезла из дворца Мориа в Венеции 30. VII.

4. Сула Мая, кинозвезда, похищена из своей виллы 8.IX.

5. Дора О'Брайен, красивейшая женщина Парижа, исчезла вместе со своим автомобилем в Булонском лесу 24.X.

6. Кая Барардо, артистка Королевской драмы, исчезла после первого акта оперы «Конец мира» 3.XII.

III. Тайна первого зеркала — Дом в тысячу этажей — Наконец-то: дверца в мраморной стене — Человек, который потерял память — Новые сведения о Мюллере

И еще кое-что обнаружил человек в нагрудном кармане пиджака: запечатанный конверт с надписью: «Петру Броку».

Он хотел было уже сломать печать, но вовремя обратил внимание на предупреждение, написанное красными буквами на краешке конверта;

Внимание! Внимание! Внимание! Внимание!

Не вскрывать!

Письмо можно распечатать лишь перед

первым зеркалом!

«Что это значит? Не я ли — этот самый детектив Петр Брок? Но ведь в памяти пустота, провал, спрашивай — не ответит... Как будто жизнь началась с момента пробуждения на лестнице. А когда пытаешься что-либо вспомнить, то это

лишь вызывает адскую боль, словно в мозгу пульсирует гигантский нарыв. Быть может, разгадка находится в запечатанном конверте? Может, там начертано волшебное слово, которое вернет мне память, прошлое, воспоминания, самого себя. Но где здесь найти зеркало? Пока его найдешь, умрешь от усталости, от голода, тебя покинут последние силы, не выдержит сердце!

А пока что не остается ничего иного, как стать детективом! Может, я им действительно когда-то был! И если я хочу быть человеком, то должен я иметь хоть какое-то имя! Без имени жить нельзя. Мозг противится попытке что-либо вспомнить, как сумасшедший — стремлению надеть на него смирительную рубашку: Решено! Отныне я буду Петром Броком, детективом — пока не вернется память… Я примусь за розыски принцессы! И раз уж я остался без прошлого, возможно, обрету хотя бы будущее!»

Но в уголке одного из карманов осталось то, чего вначале Брок не заметил. Большой лист бумаги, сложенный в восемь раз. Это был план Мюллер-дома — дома в тысячу этажей!

«Но ведь это же не здание! Это гигантский город под одной крышей! И я должен пройти через весь этот лабиринт? Обнаружить на одном из тысячи

этажей Мюллера, хозяина этого города, и найти Принцессу? Невероятная задача! Ведь я человек без памяти. А может быть, именно поэтому меня лишили прошлого, чтобы я имел возможность целиком посвятить все свои помыслы, всего себя достижению этой цели?! Но как туда проникнуть?»

Ответа на этот вопрос в карманах не было. Петр Брок продолжил свой изнурительный путь. Он поднимался все выше и выше, упрямо, без отдыха. Внизу оставались бесконечные этажи. Неужели этот колосс тянется до самого неба?.. И нет ни окна, ни двери, которые бы избавили его от невыносимого багрового ковра.

Неожиданно, в голову пришла мысль: «Может быть, в стене скрыта потайная дверь?» Он остановился и принялся ощупывать и простукивать стену. Но совершенно одинаковые гладкие плиты, плотно пригнанные друг к другу, везде издавали одинаковый глухой звук. Брок взбежал еще на один этаж и снова стал исследовать плиты стены. Теперь он двигался вперед значительно медленнее, считая этажи. Ну конечно, он давно должен был начать их считать, как только сделал первый шаг. Почему же он так не поступил? Да ведь он не знал, что является детек-

тивом, который должен разгадать великую тайну Мюллер-дома. Вначале им двигал ужас, это было паническое бегство под влиянием помраченного рассудка. Но теперь, теперь нужно обдумывать каждое свое действие. Считать этажи. Сколько же он их прошел? Тридцать? Пятьдесят? Но их уже не вернуть! Значит, начнем отсюда! Попробуем измерить Мюллер-дом хотя бы с середины. Итак — первый, второй, третий…

Когда Брок осматривал двадцать седьмой этаж, изучая тонкие швы, которыми были соединены плиты, он, к своему восторгу, обнаружил на одной из плит маленькую, едва заметную блестящую кнопку. Сначала он ее нажал — никакого результата. Тогда он подцепил ее ногтями и стал тянуть изо всех сил. Наконец-то! Из плиты выдвинулся длинный серебристый стержень. Как только он выдвинулся весь, мраморная плита вдруг подалась, и в стене образовался проход, ведущий в темноту. Петр Брок осторожно втиснулся в него. И задвинул за собой плиту.

Он оказался в темном низком коридоре. Его голова касалась потолка, а ладони — противоположных стенок. Он медленно двинулся вперед. Сделав несколько шагов, он увидел впереди, в темной глубине посреди мрака тонкую светящу-

юся нитку. Дойдя до нее, он понял, что это узкая щель в деревянной перегородке, в которую упирался коридор. Брок заглянул в щель — перед ним была темная каморка без окон. Стул, кувшин, стол, лампочка, железная кровать. На ней сидел старик, уставившийся на лампочку.

Петр Брок долго наблюдал за ним, прижавшись лбом к деревянной стенке. Но старик даже не пошевельнулся. Забывшись, Брок слишком сильно надавил на стенку, щелкнул замок, и стена открылась. Оказалось, что это дверь без ручки. Не успев что-либо сообразить, детектив оказался в комнате.

Старик в испуге вскочил. Вскрикнув, он потянулся к Броку.

— Простите, что я вас побеспокоил, — извинился Брок, — здравствуйте!

— Как ты сюда попал? — пролепетал старик, и подбородок у него затрясся от страха.

— По лестнице! Славу богу, что я дошел хоть до вас.

— По лестнице! — удивился старик. — Ты человек?

— Догадайтесь-ка сами! Ну, что вы скажете?

— Я не вижу тебя, — кончиками пальцев старик коснулся своих век. — Я слеп…

Только сейчас Брок обратил внимание, что зрачки его бегающих глаз затянуты мутной сероватой пеленой.

— Бедняга… — произнес он и неожиданно спросил: — А что делает господин Мюллер?

Старик сжался, и на его лице отобразился ужас.

— Наш благодетель, кормилец наш, божество и * повелитель Земли и звезд… — забормотал он какую-то непонятную молитву.

— За что он заточил тебя сюда? — спросил Брок.

— Тише, тише, — в страхе зашептал старик, прикрыв ладонью рот. — Он всеведущ, вездесущ, он все слышит!

— Это мы еще посмотрим! А собственно, чего ты, старик, боишься? Смерти? Разве может быть что-нибудь хуже того, что с тобой уже случилось? А если удастся задуманное мною, то по крайней мере ты умрешь на свободе!

— Дай мне твою руку, — сказал старик. И вдруг воскликнул голосом, полным ненависти и злобы: — Если сможешь, сделай так, чтобы этот проклятый дом обратился в прах, развеялся пеплом!

Петр Брок схватил старика за плечи:

— Говори! Расскажи мне все! Для чего здесь

построен этот сумасшедший небоскреб в тысячу этажей? Что в нем происходит? Кто такой Мюллер?

— Этого не знаешь даже ты? Разве ты не столь же всемогущ, как и Он? Ты, который пришел по лестнице! Ты, которого мы так ждем! Кто ты?

— Не спрашивай меня! Не пытайся ничего узнать! Я сам ничего не знаю. Лишь одно мне ясно — передо мной стоит задача, которую я выполню. Я буду говорить с хозяином этого дома, несмотря на то что я его еще не знаю и искать его мне придется долго. Ты сам расскажи мне, кто такой Мюллер.

IV. Кто такой Мюллер? — Металл легче воздуха — Человек номер 794 — Чем питаются люди в Мюллер-доме?

Старик покачал головой:

— Не знаю… Никто этого не знает. Никто не видел его настоящего лица. Одни утверждают, что он дряхлый еврей с сальной грязной кожей и рыжими пейсами. Другие видели лысую круглую голову с двойным подбородком, она прилепилась к уродливой человеческой туше, утратившей от напластований жира всяческие формы, — туго набитый мешок, который не может самостоятельно передвигаться, и слуги переносят его с места на место… Имеющие с ним дело дипломаты и банкиры знают совсем другого Мюллера — бледного аристократа тридцати пяти лет с моноклем и слегка отвисшей, чуть вывернутой нижней губой — признаком высокомерия, культивируемого столетиями. Четвертые утверждают, что он седовласый, сгорбленный старик с таким морщинистым лицом, что все черты его смазаны. И лишь маленькие серые глазки сквозь сетку морщин глядят с доверчивостью грудного ребен-

ка, выглядывающего из коляски. Но подпись его всегда одинакова, она вызывает восхищение и внушает ужас, Тонкая, будто выведенная иглой, она молнией падает вниз. Эта подпись означает изъявление его воли, окончательный приказ, приговор, не подлежащий обжалованию. Сколько раз убивали Агасфера Мюллера! Сколько пуль дырявило его череп! Сколько раз его топили, травили, сколько раз линчевали взбунтовавшиеся толпы! И каждый раз это был не Он! В конце концов всегда оказывалось, что это или его секретарь, или провокатор, или марионетка, или двойник…

— А что такое солиум? — спросил Петр Брок, вспомнив запись в блокноте. Его память, не обремененная прошлым, была удивительно емкой. Он сам поражался, как легко он вспоминал любую мельчайшую подробность после своего пробуждения. Содержание записей слово в слово врезалось ему в память.

— Солиум — вещество, которое было обнаружено на этом острове глубоко под выработанным угольным пластом. Из него состоит слой земной коры, наиболее близко примыкающий к огненному центру Земли. Это скорлупа, обволакивающая раскаленное ядро планеты. Солиум — элемент

более легкий, чем воздух. Очищенный от примесей, он взлетает к Солнцу и никогда уже не возвращается.

Никто в мире не знает, сколько солиума добывает Мюллер в своих рудниках. Больше, чем железа! Больше, чем угля! Мир бы преобразился, люди бы изменились, жизнь на нашей планете стала бы совершенно другой, если бы все это использовалось на благо человечества.

Но Мюллер ревниво сторожит свои рудники. Сверху они замаскированы, и войти в них можно только через Мюллер-дом. Поэтому никто в мире не знает о невероятных запасах солиума. И Мюллер с видом благодетеля продает его крупицами по неслыханной цене. Так, ничтожное количество солиума, равное пыли, видимой в солнечном луче, он продает университетам и богатым клиникам и получает золотые слитки, стоящие сумасшедших денег. Сам же он не экономит солиум. Он изготовляет из него бетон тверже стали, но не тяжелее воздуха. Из этого материала он построил свой дворец в тысячу этажей. Это его гордость, его триумф, его победа. С его вершины он взирает на мир, возносясь над тысячью — этажей!

У Мюллер-дома нет ни окон, ни дверей. В него

нелегко проникнуть и еще труднее выбраться. Он не связан с окружающим миром, хоть и вырастает из него. Так Мюллер хранит свою преступную тайну….

Старик замолчал.

— А теперь скажи мне, кто ты? Почему тебя здесь держат? Разве ты не достаточно осужден, лишившись зрения? Как тебя зовут? — допытывался Брок.

Старик раскрыл ладонь. На ней было выжжено число 794.

— У меня нет имени, только этот номер… Я из восьмого набора рабочих, которые завершили постройку восьмой сотни этажей Мюллер-дома. Все, кто строил эту проклятую башню, ослепли в течение пяти лет. Солиум, из которого сделан бетон, отражает солнечные лучи и слепит глаза. Вся наша колония, занимающая сто этажей, населена слепыми. Это бывшие каменщики и штукатуры Мюллер-дома!

— А чем вас здесь кормят?

Старик показал на стол. Подле кувшина с водой лежала таблетка, завернутая в целлофан с рекламой фирмы «Окка», Размером она была не больше куска сахара. Брок развернул целлофан, попробовал таблетку копчиком языка. Что это —

пепел, дерево, камень? Но она была совершенно пресной, без всякого вкуса.

— Это наш завтрак, обед и ужин. Высушенный экстракт протеинов, необходимых для живого организма на одни сутки. Но в этих таблетках содержится еще какое-то вещество, его добавляют туда по приказу Мюллера, чтобы подавить в нас всяческие желания. Он стремится убить в нас живительные соки, которые возбуждают страсть, заставляют мужчину смотреть на женщину, превращают человеческое тело в остров блаженства, в сбывшуюся мечту о потерянном рае. Мы не знаем любви, поэтому наши дни столь долги, и у нас нет будущего, кроме смерти. Мы не ощущаем ни жажды, ни голода, мы ни о чем не мечтаем и ничего не хотим, кроме одного — и это страстное желание, которое нас мучает и которое не может отнять даже господь бог Мюллер, — желание смерти! Каждое пробуждение для нас является кошмаром, весь день — это одна лишь мечта о сне, о смерти! Об этом мечтают тысячи и тысячи людей — о тихой ночи без сновидений, после которой никогда не проснешься…

— А выйти отсюда вы не можете?

— Зачем? — спросил старик. — Всюду тьма. И даже если бы я был зрячим, мне все равно не

убежать. На лестнице ждет голодная смерть…

— А куда ведет эта дверь? — поинтересовался Брок, внимательно осматривавший комнату.

— В коридор. В конце его железная клеть. Этим путем можно попасть в пятую зону.

— А там что?

Вест-Вестер. Туда нагрянули авантюристы со всего мира. Торгаши, продавцы и перекупщики всевозможных вещей — старого тряпья и свечей, человеческих душ, чести и крови, ковров и богов, пудры и целомудрия — все ринулись сюда за счастьем. Шпики, лодыри, преступники, шулера, провокаторы, штрейкбрехеры, предатели, сумасшедшие, убийцы — целая армия подозрительных личностей предлагает свои услуги. Здесь место жительства зависит от состояния. Чем ниже этаж, тем выше благосостояние. Чем выше поднимаешься, тем труднее' становится жизнь. Никто не доволен своим этажом. В зависимости от того, хиреет или процветает их дело, они поднимаются или опускаются, но только в диапазоне ста этажей, которые им отведены. Это и есть Вест-Вестер. Здесь можно пропить те полмюлдора пенсии, которые вам великодушно выплачивает Мюллер. О, как тяжело здесь жить даже зрячему, не то что слепому! Всегда тебя

кто-нибудь надует…

Брок подумал о своем плане. Об этом городе, занимающем пятую сотню этажей. Ведь там, среди искателей приключений, он, пожалуй, найдет смелого и надежного товарища, который помог бы ему разыскать самого Мюллера. Но больше всего привлекала его нижняя часть здания, которую называли Гедонией. Он спросил об этом старика, и тот охотно заговорил:

V. Вест-Вестер, город авантюристов — Гедония, город блаженства — Индустрия наслаждении в Гедонии

Там, говорят, есть места, где можно испытать вечное блаженство еще на этом свете. Эти райские уголки искусно укрыты и доступны лишь горстке его любимчиков и услужливых льстецов.

Там изобретены новые виды духовных и телесных наслаждений с использованием химического и механического способов и существует целая шкала разных состояний блаженства тела и души. Пяти человеческих чувств уже стало недостаточно, чтобы насладиться новыми формами сладострастия, и были открыты еще пять видов чувств. Вожделение и страсть возбуждаются с помощью всяческих бальзамов и лекарств, таблеток и мазей, различными массажами, резекциями и операциями, в результате которых из тела удаляются части отдельных органов и желез, подтягиваются жилы, укорачиваются нервные волокна. После вызывающих раздражение душей и ванн испытываешь наслаждение от чесания,

там существует культ зевоты и щекотки, доводимой до такой степени, когда ее уже невозможно выносить…

Когда же все эти средства перестают оказывать воздействие, когда тело больше не держится на ногах, теряя остатки сил, тогда гаснет свет и наступает период отдыха. Мюллер сам решает, когда в Гедонии должна быть ночь и когда — день, ибо солнце не властно над Мюллер-домом.

Зодчий, который создал за обычными стенами эти райские кущи, был заточен Мюллером в келью. Один только Мюллер знает план своего земного рая. Ему известны все потайные ходы и выходы, невидимые двери, которые открываются с помощью секретных замков. Они ведут в театры, дворцы, храмы и опочивальни. Звезда на потолке, откуда свисает люстра, распятие в алтаре храма, сдвинутая паркетная дощечка на полу в спальне — вот что для Мюллера служит средством сообщения. Благодаря этому он может подслушивать, наблюдать и, подвергнув всех в ужас, в нужный для него момент внезапно появиться и так же внезапно исчезнуть…

— А что находится над вами? — спросил Брок. В его плане около этих этажей стояли вопросительные знаки.

— Больницы, богадельни, приюты для престарелых, куда направляются лишь для того, чтобы-умереть…

— А выше?

— Сумасшедшие дома, тюрьмы, камеры для обречённых на пытки и голодную смерть…

— А еще выше?

— Крематории…

— А на самом верху?

— Там, говорят, идет строительство, вечное строительство, этаж лепится к этажу, и этому нет конца и края. Город растет лишь вверх, к небу. Требуются все новые и новые помещения, и нас постепенно вытесняют вверх, словно на пас давит поршень… В период переселения Мюллер-дом напоминает потревоженный муравейник. Это дни страха и ужаса. Административный аппарат, который занимает пятьдесят этажей сразу над Гедонией, не справляется с паникой, так как она охватывает всех обитателей здания…

VI. Молодой старик — О чем поведало Броку зеркало в конце коридора — Распыленный

Брок коснулся руки старика и внезапно вспомнил о том, что было написано на конверте.

— Нет ли здесь случайно зеркала?

Старик покачал головой.

— Для чего слепому зеркало? Уже десять лет как я смотрю в пустоту.

— А сколько вам лет, дедушка?

— Тридцать три.

Пораженный Брок смотрел на молодого старика. Не тридцать три, а все восемьдесят лет нужды и отчаяния избороздили морщинами его лицо.

— Так выглядят все, кто питается таблетками Агасфера Мюллера.

И тут впервые Петр Брок вдруг почувствовал уверенность в своих силах. Он воскликнул решительно:

— Довольно! Я постараюсь встретиться лицом к лицу с вашим господом богом!

Из глаз старика потекли слезы:

— Ты силен, ибо ты смог подняться по лестни-

це! Десять лет я ждал, когда откроется эта дверь! Ведь только этим путем может прийти некто более сильный, чем Мюллер! Господи, сделай меня и братьев моих снова людьми! Верни нам имена вместо номеров, дай нам пищу вместо таблеток, возврати нам любовь, желания и мечты! Выпусти нас из заточения, дай солнце тем, кто потерял его навсегда!

— Обещаю! — сказал Брок.

Их руки слились в пожатии. Внезапно Брок осознал всю трудность своей задачи. Действительно ли он настолько силен, чтобы помериться силами с Мюллером? И как проникнуть в заповедные этажи, чтобы тебя при этом не обнаружили?

И вновь мелькнула мысль — конверт! Да, в конверте скрыта сила, которую он в себе ощутит, как только посмотрится в первое же зеркало.

— Где найти зеркало? — вновь спросил он старика, когда тот повел его по длинному коридору, по обе стороны которого виднелись двери.

— В конце коридора, — сказал старик, — висит железная клеть. Это скоростной подъемник, на нем можно спуститься в Вест-Вестер. За клетью находится ниша. В ней на стене висит отполированная плита, холодная и гладкая, как змея. Не знаю, зеркало ли это, но когда я стою перед ней,

мне кажется, что на меня смотрит моя слепота… Может быть, это просто стекло!

Они приближались к лифту. Брока охватила дрожь. За клетью под тусклой лампочкой действительно блестела широкая, гладкая зеркальная поверхность.

Брок обогнал старца, держа в руках конверт, бросился к стене и взглянул на себя.

Крик изумления вырвался из его уст!

Он стоял прямо перед зеркалом. Махал руками, подпрыгивал. В общем, всячески старался показать, что он здесь стоит, что тут, перед зеркалом, находится человек. Безуспешно. Зеркало его не видело, не принимало во внимание…

Он не отражался в зеркале! Стена, противоположная зеркалу, отражалась в точности, но человек, который находился между ней и зеркалом, себя не видел. Какое же это, к черту, зеркало, если оно не отражает? И внезапно Брок в этом странном омуте увидел старика, приближающегося к нему. Невероятно! Старик отражался в отполированной рамке со всеми своими морщинами, но возле него никого не было!

Петра Брока озарило. Он лихорадочно сломал красную печать, вынул сложенный вдвое лист бумаги и прочитал:

«По собственному желанию, на свой страх и риск я предоставил Оскару Эрилу свое тело для опыта по так называемому распылению (асприд), чтобы таким способом и в таком состоянии (т. е. будучи невидимым) проникнуть во все уголки Мюллер-дома, раскрыть его тайны и, если подтвердятся страшные предположения, убить человека, который называется Агасфером Мюллером, на что меня уполномочило решение секретного заседания судебного форума СШМ (Соединенные Штаты Мира, остров Последней Надежды). Эту жертву я приношу бескорыстно, не боясь последствий, о которых я был предупрежден, горя стремлением узнать истину, ради торжества справедливости и во имя спасения человечества».

Собственноручная подпись: ПЕТР БРОК.

Ниже, другой рукой, было приписано:

Клянусь своим честным именем, что состояние так называемого распыления (асприд) прекратится ровно через тридцать дней.

Подпись: ОСКАР ЭРИЛ.

Наконец-то Петр Брок понял, в чем состоит его сила! В порыве радости он обнял старика и закружился с ним в танце.

Старик коснулся поверхности зеркала и в испуге отдернул руку.

— О, я боюсь касаться зеркала своими ладонями! Оно отвечает и незрячему… Зеркало никогда не ослепнет.

— Бросьте, дед! — вскричал Брок. — Ведь вы бы не увидели меня, даже если бы у вас была тысяча глаз! Никто меня не увидит…

Брок упивался своей невидимостью. Он приплясывал перед зеркалом, стучал в него, дышал, кокетничал с ним, но все тщетно! Зеркало устало принимать и возвращать человеческие образы! Точнее, оно неожиданно взбунтовалось и перестало служить, в данном конкретном случае отказалось отражать Петра Брока! Но это вовсе не вызывало в нем злобы. «Я могуществен, как бог! Я могу все! Я сотворю чудеса, о которых не мечтал

даже Христос! Проклятый мир этого поднимающегося до небес здания содрогнется! Мюллер-дом принадлежит теперь мне!»

Он быстро простился с молодым старцем и вошел в клеть. Как только за ним захлопнулась железная решетка, его охватила дрожь. Дно начало проваливаться, и вдруг ему показалось, что он летит в пропасть. Он зажмурился. От резкого падения голова закружилась и стала разламываться. Брок потерял сознание.

VII. И снова снится желтая лампа — Окна и люди — Трактир на краю света — Продавец снов

Падая, он вновь увидел тот же тягостный, Жуткий сон. Желтая лампочка, поблескивающая в черепе неверным светом. Она не освещает ничего, кроме себя самой и желтого вихря пыли, вьющегося вокруг нее. Ему кажется, что он, свернувшись клубком, сжав голову между колен, лежит в сыром, промозглом бараке. Он сдвигает серый капюшон, надетый на голову, и глаза начинают привыкать к темноте: словно в дымке он видит растрескавшиеся балки, перекрещивающиеся над головой в разных направлениях. А на висячей площадке — тесно прижавшись друг к другу, чтобы согреться, на правом боку лежат люди. Но он уже не является звеном этой цепи. Он лежит напротив, у разбитого окна, подернутого бельмом инея. Ему холодно. Поэтому он снова натягивает капюшон, снова сворачивается в клубок, накрываясь темнотой, которая может означать и ночь, и день…

Петр Брок очнулся от резкого удара, открыл

глаза, и в ту же секунду мучающее его видение исчезло. Как долго он спал? Он встал со дна клети и сразу же вспомнил вчерашний день. Брок ухватился за железную решетку, словно в этой реальности хотел спастись от страшного сна с желтой лампочкой в пустом черепе. Будущее его влекло, он еще раз с восторгом подумал о том, что он невидим, и выпрыгнул из клети.

Пройдя коридор, Брок поднялся по лестнице, открыл железную калитку и… оказался на улице. Два ряда домов, магазины, тротуары. Не хватало лишь того, что всегда присуще каждой улице, но на что часто не обращаешь внимания, — неба. Вместо него высоко над головой виднелся свод потолка в романском стиле, отлитый из единого куска стекла. Под ним сверкал гигантский, белый, нестерпимый для глаз шар, напоминающий солнце в зените.

Окна и люди. Бесконечные ряды окон и людей… Окна молчащие и зовущие, испуганные и плачущие, таинственные и зевающие от скуки — окна, окна, окна. Они подмигивают, манят, смеются и грустят. А под ними толпа. Яркая, пенящаяся, спешащая толпа. Все человеческие расы здесь смешались в постоянном круговороте. Сливаются цвета одежды, лиц, глаз, волос, голоса вырывают-

ся из тысяч уст.

Броку кажется, что и все эти снующие и кричащие люди, подобно фальшивому небу и солнцу над головой, неправдоподобны, нереальны, призрачны. Щеки мужчин либо гладко выбриты, либо покрыты растительностью, которой придана самая причудливая форма. Но у Брока создается впечатление, что многие бороды ненастоящие, что они прилеплены к лицу. Одни веселятся слишком наигранно, смеются совершенно бессмысленно. Другие куда-то торопятся, их лица озабочены и испуганы. Вон китаец крадется под окнами, кого-то выслеживая. Чуть дальше лицо преступника с черной повязкой на глазу. За прикрытой дверью прозвучал выстрел, но никто даже не обернулся. Матрос в черно-желтой майке с лицом, изъеденным оспой, пошатываясь, горланит пьяную песню. Три человека, наполовину обнаженные, с черными масками на лицах и с ножами за поясом, вызывающе движутся по улице. Все уступают им дорогу. Гуськом идут фиолетовые балахоны с круглыми отверстиями в капюшонах. Желтозубо улыбаются окна дансинга. «Ли-ла-ло-лу», — о чем-то рассказывает японка. Ее волосы сколоты шпилькой, изображающей черное сердце, пронзенное кинжалом.

Она идет рядом с апашем, который указывает дорогу слепым старцам, и смеется. Губы ее ярко накрашены. Он ударил безногого нищего, и тот свалился в канаву.

Черная реклама взывает:

Продажа бриллиантов и угля

Надрывается торгаш:

Таблетки «ОВД» — самые лучшие!

Черно-зеленый вымпел:

Трактир «На краю света»

Открывается окошко:

Покупайте «Коку»!
Серые дни мы окрашиваем в розовый цвет!
Трус станет героем!
Побежденный превратится в победителя!

Фиолетовые маски пудры на лицах женщин. Белые молнии зубов, черные квадраты окон. На углу, под кровавой каплей лампочки, женщина вкрадчивыми словами и бесстыдными телодвижениями дает понять, что она одновременно является и продавщицей, и лавкой, и товаром:

Торопитесь вы — молодые и старые!

Прежде чем пройти мимо,
Взгляните на мое лицо!
Обратите внимание на мои волосы,
Оцените цвет моих глаз!
Попробуйте, как упруги мои груди, — за это я денег не беру…
Коснитесь моих икр —
Они тверды, как рельсы,
по которым мчится страсть!
Я вся горю.
За восемь аргентов я замучаю вас своей любовью!

А напротив крикун с раздвоенной рыжей бородкой, стоя за шатким столиком с различными коробочками и окруженный несколькими зеваками, монотонно повторяет:

Купите сны, полная гарантия, длятся всю ночь!
Золотой сон. На одну ночь вы станете миллионером.
Купите мой «Златосон», гарантируется законом!

Один порошок «АГА» перед сном обеспечит ночь любви с поцелуями и объятиями. Способ употребления…

Оригинальные розовые сны. Однажды попробовав, вы придете снова! Безвредность гарантируется.

Вы хотите побывать в заморских странах?
Увидеть пальмы, дикарей, тигров и обезьян?
Купите порошок «Экзотик»!

Если вы уснете с таблеткой «АРО» на языке, Вы полетите к Солнцу.

Вы хотите ночью испытать, что это такое — ураган?
Попробуйте одну пилюльку «ОРА»,
И вы в безопасности переживете его в постели.

Вы боитесь лететь к звездам?
Или у вас для этого нет средств?
Сны о звездах заменят вам любое приключение.
Купите мой «Звездосон».
Не забудьте обратить внимание на марку!

Гигантские рекламы, скачущие неоновые изображения, способные довести до сумасшествия, реклама на флагах, на стенах, на окнах, на дверях, на спинах и лицах людей. С обеих сторон на Брока обрушились эти призывы, созданные из

бумаги и красок, стекла и человеческих голосов. Он уже довольно долго шел вперед, никому не уступая дороги. Его забавляло, что ничего не подозревавшие пешеходы ударялись об него, отлетали в сторону, и на их лицах отражался испуг и удивление. Он шел, постепенно заворачивая вправо — туда, куда его вела улица.

Вдруг он понял, что движется по окружности и что он очутился на том же месте, откуда вышел. Только теперь он заметил, что от этой главной окружной магистрали отходят в сторону, внутрь круга, кривые, узкие улочки, в которые капля по капле стекает толпа. Жестяные стены домов изъедены ржавчиной от вечной сырости, окна закрыты выпуклыми решетчатыми ставнями. Некоторые улочки так узки, что, расставив руки, ладонями можно коснуться обеих стен. Железные стены домов в этих улочках-ущельях иногда почти соприкасаются, так что пройти по ним можно лишь боком, втянув в себя живот.

VIII. Торговля в Тигровой улице — Гостиница „Эльдорадо“ — Избранное общество в сборе — Революция в Мюллер-доме

Петр Брок свернул в одну из этих боковых улочек. Стеклянную мостовую покрывала ссохшаяся короста грязи. Некоторые из стеклянных плит треснули или были разбиты, и сквозь них еле пробивался свет. В одном из таких окошек в полу Брок увидел, что там, внизу, под ним, тоже шумит толпа, фосфоресцируют краски и зазывно кричат продавцы.

Улочка, по которой он шел, вся была усеяна странными надписями, только они были менее крикливыми и навязчивыми. Чем меньше и скромнее вывеска, тем известнее и солиднее фирма. Грязноватая визитная карточка, прикрепленная к двери, эмалированная, величиной с ладонь, табличка в окне. Это были не громогласные призывы, а скорее таинственное нашептывание…

Опиум — лучшая марка!

Здесь живет гипнотизер!

Арпаг Мерль — алхимик

Имма — безболезненная смерть!

Эликсир Р-А продлит вашу жизнь насколько вы пожелаете!

Фр. ИПС — Фальшивые векселя

Магия

Подписи

Чудеса

Подделка банкнотов

Сандор, Сабат!

Капли вечного забвения!

Джентльмены! Покупайте только лучи Г!

Шварц и К^0

Ко-Сон-Ма

Производим ууууууу

Похищения!

За окном среди бутылок и флаконов мелькает объявление:

ПРОДАВЕЦ ЯДОВ!

На заржавевшей стене написано мелом:

Гарпона пускает кровь в течение всего дня! Конфиденциально!

А на следующем обломке доски расползаются буквы:

Чулков (сумасшествие)

В темном переулке от стены к стене натянута

проволока, на ней покачивается табличка с кинжалом и надписью:

Внимание, могут ударить сзади! Ниша слева!!!

Немного дальше свесился потрескавшийся щит. Буквы на нем вкривь и вкось, как будто писал пьяный, окунув палец в грязную лужу:

«ГОСТИНИЦА «ЭЛЬДОРАДО»

Брок решил заглянуть в эту подозрительную гостиницу. Во-первых, он устал, во-вторых, ему хотелось поближе посмотреть на весь этот сброд, который сюда приходит. Он вошел в темный вестибюль. Пахло мышами, грязным бельем и еще чем-то, вызывающим тошноту. Из вестибюля дверь вела в просторную комнату наподобие бара, окрашенную в крикливые тона. На потолке круглая, выпуклая стеклянная линза, назначения которой Брок понять не мог.

За овальным столом посреди комнаты все места были заняты. Однако времени рассмотреть сидящих не было, так как один из них воскликнул: «Революция!» А слово это бьет по нервам так же, как вид брызнувшей крови!

— Революция! — повторил человек с черной раздвоенной бородой. — В производственном секторе взбунтовались рабы! Восстание уже

охватило восемьдесят этажей! Оно началось на фабрике, выпускающей таблетки «Омега». Какой-то Витек из Витковиц, предводитель рабов, предал нашего великого Мюллера. Он втайне начал борьбу и теперь заявляет, что освободит от него наш мир.

Он хочет отдать власть рабам, а аристократов из нижних зон заставить работать у станков и в шахтах. К фабрике «Омега» присоединились химический завод — 1980 человек, монетный двор — 260 человек, литейный цех — 400 человек, завод по переработке газа — 5380 человек, ликерный завод — 250 человек. Они уже добрались до города Мрака, привлекли его население на свою сторону, провозгласив Республику, в которой слепые якобы будут иметь равные со всеми права. Они хотят из слепых сформировать страшную армию, движущуюся впереди наподобие тарана. Если восставшие овладеют городом Мрака, то существует опасность, что они распахнут двери тюрем верхнего сектора.

Но еще опаснее, что они проникают и вниз, уничтожая машины и оборудование. На этажах 700–690 они разгромили служебные помещения и теперь приближаются к 680-му этажу, где расположены склады. Это значит, что от основных

хранилищ их отделяет пока шестьдесят этажей. Им нелегко прогрызаться сквозь твердейшие потолки из солиевого бетона. К великому счастью, лифты не работают, так как электростанции находятся в первой зоне и ток был выключен. Главная лестница перекрыта баррикадами, которые, если учесть примитивное вооружение рабов, они не смогут взять даже за полгода.

Наш великий Мюллер не хочет пачкать руки в их крови, хотя он мог бы их всех уничтожить. Он надеется, что их удастся уговорить. Поэтому он послал меня к вам, в Вест-Вестер, чтобы завербовать здесь несколько агентов. Надо будет незаметно пробраться в ряды восставших, чтобы нанести удар революции в спину — сломить их единство и прежде всего устранить Витка из Витковиц, который является сердцем и мозгом этого бунта. Уже была сделана попытка подкупить его, но она оказалась безуспешной…

IX. Гарпона — Мистер Перкер — яды — Сыворотка КАВАИ — Газ СИО — Линзы на висках слепого

— Может быть, ножом? — спросил приземистый человек, которого звали Гарпоной. У него не было рук, и он все делал ногами.

— Я же сказал, что благородный Мюллер не хочет крови!

— У меня припасены надежные яды… — забормотал человек с огромным багровым носом, занимавшим большую половину лица и, как показалось Броку, продолжающим набухать и зреть. — Мой товар зарекомендовал себя, он тысячи раз испробован. Об успехе операции я позабочусь сам. Если хотите, он умрет от сердечного приступа. Если же он проглотит хоть каплю яда «У», то будет парализован его мозг. Стоит вам пожелать, и он погибнет от рака, для этого ему надо лишь выпить яда «И». У меня есть также мундштуки «О»! А миллиграмм яда «Е» в стакане молока…

— Я берусь только за крупные дела, — низкий бас слепого прервал носатого. Его веки были

сшиты, что придавало лицу выражение жуткого спокойствия. Но на висках у него были прикреплены металлические коробочки, в которых искрились две выпуклые линзы, словно глаза хищной птицы.

— Если нужно задушить революцию, я смогу это сделать с помощью своих бацилл… Кстати, Великий Мюллер знает меня…

— До рабов тоже дойдет черед, — ответил вербовщик, — но сначала нужно убрать Витка! Не убивать, понимаете? Пусть тело его живет! Душу надо убить! Душу либо мозг!

— Если впрыснуть ему сыворотку КАВАЙ, он сойдет с ума… — посоветовал низенький человек с двумя горбами на спине.

— А если вдохнет газ СИО, то за одну ночь постареет, — вступил в разговор дряхлый, трясущийся, совершенно лысый старик, — а все последующие дни на него будет медленно надвигаться смерть, сопровождаемая маразматическими явлениями. Ампулу можно незаметно подбросить в спальню — это ведь игрушка, резиновый мячик, который, как только закатится…

— Лучший нож, лучший яд, лучшая сыворотка и лучший газ — это глаза! — негромко, но внушительно сказал человек с пожелтевшим лицом,

на котором сверкали два круглых черных глаза с белыми, словно раскаленными квадратными зрачками.

— Хорошо, — сказал вербовщик и вынул записную книжку, — я запишу вас. Гарпона — нож. Перкер — яды. Шварц — СИО. Орсаг — бациллы. Мак Досс — гипноз. Чулков — КАВАЙ! Приходите завтра на Оранжевую улицу, дом 8, этаж 274. Аэролифт доставит вас на вершину Мюллер-дома, а оттуда вам нетрудно будет добраться до самого сердца революции, ко всему этому сброду, и смешаться с ним… После того как вы добьетесь успеха, вы будете вознаграждены Великим Мюллером.

— Ко всем чертям! — взревел безрукий убийца после ухода вербовщика. — Еще чего не хватало! Чтобы я совал свой нож в эту навозную кучу!

Он копошился под столом, потом вдруг неожиданно вскинул ноги на стол, затем вытер пот со лба ступней и звучно щелкнул пальцами.

— У тебя просто ноги по колено в крови, браток, — промямлил отравитель и со смаком высморкался на землю. Лишь после этого он вытер свой отвратительный нос красным платком. — Вот мы чисто работаем… рук не пачкаем…

— А я что, разве только ножом работаю? При-

бавь еще двадцать мюлдоров, и я любому сдавлю горло, а руки у меня, как у невесты…

Он сбросил под столом тапочки и в доказательство повертел длинными белыми тонкими пальцами на ногах.

— Оба мы, браток, мелюзга, — вздохнул продавец ядов, — а вот мистеру Орсагу есть что сказать! Он своими бациллами накормил целую армию шахтеров…

Слепой не счел нужным ответить. Но когда он повернулся к носатому, линзы на его висках зловеще блеснули.

— А вы, мистер Шварц, — этот вопрос был обращен к дряхлому, лысому старику, — много ли вы на своем веку натворили дел?

— Я работаю внизу, среди тех, у кого водятся деньги, — прошепелявил, обнажая голые десны, беззубый Шварц. — Я только что пристроил одно приспособленьице на восьмом этаже второй зоны — в спальне молодого Герела, сына старого коронованного ростовщика. Того, кто продал Мюллеру Аляску и африканские колонии. Адрия, его племянница, хочет получить после него наследство. Через недельку молодой Герел будет старше своего папаши. Сэр Мору, крупнейший владелец акций концерна «Вселенная», стареет

с каждым днем.

— И это твоих рук дело? — удивился носатый. — Говорят, он сильно обеспокоен.

— Еще бы… Его акции попадут в руки человека, имени которого я не открою. Думаю, что я больше всех сделал для благодетеля и повелителя нашего…

— Не знаю, что ты имеешь в виду, когда говоришь — больше всех, мой дорогой Шварц, — отозвался горбун и повернулся к человеку с горящими глазами. — Мак Досс новичок среди нас и еще не знает моей истории… Ме-е-е… Не будь меня, сидеть бы сегодня нашему добрейшему отцу и повелителю на мели.

X. Астроном Галио, Властелин звезд — Первый космический корабль — Звездный голод Мюллера — Как Галио стал гигантским нулем — Сударь Чулков, король 50000 звезд

Горбун поднял два пальца вверх, к выпуклому круглому окну в потолке:

— Пусть Он засвидетельствует, что я говорю правду, если в этот момент изволит наблюдать за своими смиренными слугами. Я избавил его от человека, который мог до последней капли вычерпать тот чудесный сок, что находится под Мюллер-домом и является основой всего богатства нашего бога… Теперь об этом может знать каждый! Ко-ко-ко-ко… Старый Галио был продавцом звезд. Его сын, который сейчас занимает целых три этажа в третьей зоне, — жалкое ничтожество по сравнению со своим отцом. Благодаря милости Мюллера он может продавать ничего не стоящие, бросовые звезды — либо очень горячие, либо покрытые вечным льдом, — или кометы, которые раз промелькнут и больше никогда не вернутся, — кого они могут интересовать?!

Плохой товар… Пи-пи-пи-пи-пи. Да, вот старый Галио — это был гений! Ме-е-е! На каком-то из островов Полинезии он построил обсерваторию и творил чудеса с одной-единственной крошкой солиума. Туземцы провозгласили его царем, и он объединил под своим владычеством около десяти островов. Это было в то время, когда Великий Мюллер плавал по морям, скупая остатки мира. Он пришел к старому Галио в обсерваторию, которая одновременно являлась и его королевской резиденцией. Когда Мюллер спросил, чего он желает за свои островки, эта старая, хитрая лиса скромно ответила:

— Ночной небосвод!

Он не попросил даже крупицы золота! Ме-е-е! Добряк Мюллер решил, что это прихоть старого чудака, до беспамятства влюбленного в свои небесные миры. Ему казалось, что он получает острова даром. Ведь звезды не принадлежат никому, даже Мюллеру, но если старик так уж этого хочет, то почему бы ему их не продать? Раз уж он хочет погореть, то зачем ему мешать? Они подписали договор — Мюллер стал владельцем десяти Полинезийских островков, Галио — властелином звезд. У одного был кот в мешке, у другого — журавль в небе… Мяу! Не один — мириады

журавлей, которые слетались к нему звездными ночами, всегда одна и та же стая…

Но тогда еще Мюллер не знал, что ему из солиума удастся построить космические корабли, которые будут бороздить Вселенную. Он давным-давно забыл о договоре… Первая ласточка была выпущена, и она вернулась через пять месяцев со сказочным богатством, собранным на девяти звездах! Был создан звездный транспортный концерн «Вселенная», и тем самым открылся неисчерпаемый источник невиданного обогащения. И тогда появился старик Галио со своим договором! Оказалось, что все открытые новой компанией звезды уже заранее принадлежат Галио, так как договор был подписан самим Мюллером! И тут только понял наш бог, какую цену он заплатил за десять островков… Галио фактически стал обладателем всех звезд, а Мюллер — лишь одной планеты, той, на которой он жил. Лилили-лили-ме-е-е! Сказочное богатство, райские плоды, новые металлы, драгоценные камни — все это, согласно проклятому договору, принадлежало старику Галио! Пи-пи-пи-пи…

И нашему Великому Благодетелю не оставалось ничего другого, как выкупать у Галио одну за другой покоренные звезды. Он ведь не мог допу-

стить, чтобы вновь открываемые звезды имели не его, а другого в качестве владельца, чтобы им кто-то другой, а не Он, давал имена, точно так же как для него не мог не быть священным договор, на котором стояла его собственная подпись. Итак, открывались новые и новые звезды, и Галио их продавал, а Мюллер покупал. Но запасы Галио были неисчерпаемыми. Ме-е-е! А Мюллер платил и платил. И дело дошло до того, что всемогущий владыка мира вынужден был начать распродажу своего мира — куска за куском, чтобы утолить свой звездный голод… Но самым странным было то, что старый Галио отказывался принимать богатства, добытые на иных мирах, сколь бы ценными и редкими они ни были. Он признавал и принимал лишь то, что родилось в недрах нашей старой планеты… И что же он делал со своим богатством? Он стал раздавать золото Мюллера беднякам. Города, острова, шахты, промышленные предприятия, которые Мюллеру пришлось остановить, он отдал рабочим и неимущим… Его называли Освободителем!

О, это был хорошо продуманный план уничтожения Агасфера Мюллера! Ведь осмеянный и наполовину обнищавший Владыка Мира уже готовился покинуть эту планету и перебраться

на одну из своих звезд…

И вот в это время — пи-пи-пи-пи-пи-пи — в последний момент, когда Мюллер вот-вот готов был пасть (речь уже шла о продаже Мюллер-дома, который Галио собирался взорвать!!!), в это время я стал лечить старика Галио от ревматизма. Ко-ко-ко-ко! Однажды вечером, я помню это так четко, словно это произошло вчера, боль в его суставах ослабла, и он был в бодром настроении. Я спросил его, сколько он уже продал Мюллеру звезд и сколько их у него осталось.

— Столько же, сколько их было в самом начале, — загадочно улыбнулся Галио, — если бы я продавал ему каждый день по миллиону звезд, то Мюллер должен был бы прожить миллион лет, чтобы я продал ему лишь одну миллионную часть звезд.

Ме-е-е! И в ту же ночь, когда старик Галио заснул, я впрыснул ему три капли сыворотки КАВАЙ. Пи-пи-пи! Рано утром, проснувшись, Галио закричал: «Карандаш и бумагу! Сколько же у меня денег?» Он вывел цифру девять и стал приписывать к ней нули. В течение первого дня он исписал нулями десять листов. И с этого момента его мозг стал машиной по производству нулей. Все его мысли сосредоточились на нулях… Мяу!

После этого я легко овладел проклятым договором и отдал его Агасу Мюллеру. Сейчас Галио находится в камере для умалишенных № 970 и извергает нули. Он сам стал огромным нулем! Так я спас бога Мюллера! Ему до сих пор приходится возмещать причиненный ущерб, он собирает, соединяет воедино все то, что Галио разбросал. Мюллер хотел сделать меня императором Брадирьеры! Ме-е-е! Я отказался. Тогда он предложил мне выбрать любую из империй и назвать должность — кем я там хочу быть: королем, военачальником или дипломатом. Я ответил ему, что мне не нужно ничего, кроме разрешения жить до конца дней своих в Мюллер-доме, рядом с Ним, будучи согретым теплом Его благосклонности. Ли-ли-ли-ли!

И все же он заставил меня взять 50 000 звезд, провозгласив меня властелином этих миров. Я хотел бы там побывать — ко-ко-ко, — познакомиться со своими подданными и на одной из звезд возложить на себя царский венец. Везде, конечно, этого сделать не удастся… Ведь если бы я тратил на венчание только по одному дню, то для того, чтобы взойти на престол в каждом из своих королевств, мне пришлось бы прожить еще 137 лет!.. Ме-е-е! К тому же Мюллер не хочет меня

отпускать, он просит быть рядом с ним, потому что, возможно, я ему еще понадоблюсь…

XI. Любопытство Петра Брока к что из этого получилось — Нос отравителя — Схватка в трактире — Больше всех бесновался безрукий Гарпона

Горбун замолчал, и его глазки с любопытством оглядели сидящих за столом. Носатый, уткнувшись в платок, затянул трубную, протяжную мелодию весеннего насморка. Голова слепого возвышалась над столом, словно изваянная из мрамора. Но стеклышки на висках весело поблескивали, будто смеясь. Так по крайней мере казалось Петру Броку. Безрукий убийца, вероятно, совсем не слушал горбуна. Он, ни на секунду не останавливаясь, с ловкостью обезьяны все время выделывал ногами какие-то пируэты — перебирал ими под столом, затем вскинул их, левой ногой выхватил нож и ловко, так что тот завертелся, подбросил его к потолку. Пока нож падал, он успел опорожнить стакан. Поймав нож, из кармана жилетки он вытащил табакерку, насыпал на щиколотку зеленоватый порошок, втянул его носом и так громко чихнул, что разбудил старика Шварца, который между тем уснул.

И в этот момент, когда все, потупившись, замолчали, заговорил Петр Брок. Вовсе не для того, чтобы выдать себя. Брок лишь хотел шепнуть на ухо горбуну, задать вопрос, который его мучительно интересовал, но сделать это так, чтобы горбун подумал, будто спрашивает кто-то из присутствующих. Притом Брок с досадой ощутил и отрицательные стороны того, что он невидим: он одинок, не может втереться в доверие, вынужден выслушивать долгие, бесполезные для него споры… Он уже хотел задать свой вопрос, но уши остальных напоминали звукоуловители, замаскированные прядями волос. Поэтому он, приблизившись губами к ушной раковине горбуна, спросил невыразительно, тихо, словно невзначай:

— А каков он из себя, этот божественный Агасфер Мюллер?

Горбун вздрогнул, его глаза и рот широко раскрылись, на лице отразилось полное изумление. Броку показалось, что лицо его растянулось от одной стены до другой. Но это, конечно, был лишь обман зрения. Бледное вытянутое лицо горбуна торчало между плеч как клин, всаженный в бревно. Горбун поднялся и сразу же стал меньше на целую голову, так как ножки стула были выше

его ног.

— Кто из вас задал вопрос? — закричал он злобно. — Я спрашиваю, кто из вас задал мне вопрос?

Все удивленно посмотрели на него. Ведь с того момента, как он замолчал, никто не проронил ни слова!

— Я слышал голос. Могу поклясться! Клянусь при самом Мюллере, — горбун поднял правую руку по направлению к круглому окну, — клянусь, что я не лгу! Здесь кто-то есть!

— Может быть, сам Великий Мюллер пожелал… — подобострастно проговорил отравитель и с ужасом посмотрел на потолок.

— Нет! Нет! Кто-то спрашивал о самом Мюллере!

— Кто?

— Голос! Он прошептал у меня над ухом!

— Не голос ли это КАВАЯ, воспалившего твой мозг? Может быть, ты подхватил свою бациллу сумасшествия…

— Вы сами все с ума посходили! Клянусь! Ставлю все свои 50 000 звезд!

Старик Шварц сочувственно постучал по своему лбу и стал объяснять, что он сам страдает от маразматических явлений, несмотря на величайшую осторожность, которую он соблюдает при

обращении с газом.

Между тем Петр Брок спокойно расположился на стуле, оставшемся свободным после ухода вербовщика. Он чувствовал свою полную, беспредельную власть над этими уродами, ибо мог сделать с ними все, что ему заблагорассудится. Брок думал о революции на рабочих этажах, о Витке из Витковиц, о том, что замышляли собравшиеся здесь негодяи, и строил планы, каким способом их ликвидировать, но чтобы при этом не испачкать в их крови свои руки. Прямо перед ним торчал красный, сочный, бездонный нос продавца ядов. Его только что опорожнили, но он вновь наполнялся. Этот отвратительный выступ с самого начала раздражал Брока, вызывая омерзение и чуть ли не физическую боль. Брок не сумел сдержаться, схватил стакан и в ярости изо всей силы швырнул его в проклятый отросток. Брызнула кровь, продавец ядов зашатался, остальные в ужасе повскакали с мест, схватившись за свои носы.

Но паника длилась лишь несколько мгновений. Банда опомнилась. Образовав круг, все встали спинами друг к другу. В руках — револьверы. Черные выпученные глазки дул стали кружить по комнате. И тут началась бешеная пальба. Гре-

мели выстрелы, свистели пули, сыпались стекла, поднялось облако пыли.

Больше всех бесновался безрукий Гарпона. Он распластался на столе и, отталкиваясь одной ногой, кружился на спине, другой ногой тыча во все стороны ножом и напоминая скорее гарпию, чем человека.

XII. Предательские стекляшки на висках слепого — Петр Брок в западне — Побег — Лифт — и снова сон

И вдруг Петра Брока охватила дрожь. Выпуклые линзы па висках слепого уставились на него! Неподвижное гипсовое лицо со сшитыми веками глядит в пространство словно сфинкс. Но линзы смотрят прямо в лицо Брока. Ему кажется, что в них горит…

Это только кажется? Или его увидели? Но разве может его увидеть слепой?

Брок встал. Стекляшки шевельнулись вверх, вслед за его лицом. Слепой дотронулся до висков и начал вращать маленькое колесико, подобное тому, которым регулируется резкость микроскопа. Броку кажется, что каждое его движение запечатлевается в фокусе этих линзочек.

Ужас, какого он никогда еще не испытывал, словно ледяная молния пронизал все его тело. Ноги стали ватными. Петр Брок снова сел, склонившись к самой поверхности стола. В отчаянии он смотрел вверх па два черных язычка пламени в линзах. И в этот момент застывшее лицо

уродливо исказилось, рука напряглась и указательный палец, как дуло пистолета, нацелился между глаз Брока:

— Вот он сидит! Закройте двери! Не стреляйте! Схватите его живьем.

Безрукий Гарпона прыгнул к одной двери, Перкер загородил вторую. А слепой Орсаг указательным пальцем следил за каждым движением Брока.

Он приближался к Броку очень медленно, двигаясь по спирали, каждую секунду готовый броситься на него.

Брок был в ловушке. Но он должен вырваться, иначе он погиб! Одну дверь прикрывает окровавленный нос, у второй — Гарпона. Стоя на одной ноге, он пытается другой ногой запереть замок. Брок метнулся туда! Орсаг закричал и бросился наперерез. Но Брок сбил его ударом в живот, сшиб Гарпону, подбив ногу, на которой он стоял, распахнул дверь, выскочил и одним движением захлопнул ее. Он побежал по темной улочке, сам не зная куда…

Боже, сколько здесь всяческих лестниц и переходов, то вверх, то вниз, сколько разбегающихся и вновь соединяющихся коридоров! Сколько комнат он оставил позади, сколько просторных

залов, темных дыр и микроскопических камерой, предназначенных бог знает для чего, встретилось ему на пути! В какой-то момент он оказался на галерее, опоясывающей пустой, пыльный зал. Потом пробежал по крытому мостику, повисшему над пропастью. А по пятам — топот, напоминающий барабанные удары. Они становятся все громче, их темп бешено возрастает. И снова улочки, снова ступени, снова переходы и залы…

Вот Брок вбежал в гладкую, блестящую трубу. Это сточный канал. Нет, дуло орудия. Нет! Это телескоп, ибо труба становится все уже и уже… Теперь ему приходится карабкаться на четвереньках, а тут можно лишь ползти. Все, дальше не пройдешь, это конец. Брок уткнулся в металлическую решетку. Он в отчаянии стал ее трясти.

Странное дело! Маленькое ржавое ситечко легко подалось. Брок протиснулся в отверстие и захлопнул за собой решетку. И в это мгновение пол под ним начал проваливаться. Он успел еще заметить за решеткой разбитый нос. В самый раз…

Но в лифте во время неудержимого падения Броку опять стало не по себе. Страшное давление клещами сжало мозг, и он начал терять сознание. Вновь привиделся кошмарный сон. Нечелове-

ческим усилием он пытался отогнать призраки, только бы они не овладели им, только бы снова не провалиться в вонючую подземную дыру, где жили чудовища в серых балахонах.

Брока страшил этот сон. Во сне он утрачивал свое чудесное свойство, он опять начинал ощущать свое старое тело со всеми его болями. Он боялся умереть в одном из таких снов раньше, чем сможет выполнить свою задачу где-то там, далеко-далеко, на одном из тысячи этажей Мюллер-дома.

XIII. Глава о звездах — Звездная торговля и промышленность — Реклама — Раковина в качестве талисмана

Когда Петр Брок очнулся, лифт стоял. Веки Петра еще были отягощены тяжелым сном. Он вышел на широкую улицу, сверкающую разноцветными огнями.

Где он находится?

На каком этаже?

Сколько еще нужно пробираться вниз, чтобы добраться до Мюллера? А может быть, это Вавилонская башня?

По обеим сторонам — прекрасно оформленные, похожие на алтари витрины. На них, засунув руки в карманы, глазеют зеваки. Рядом с застекленными, богатыми витринами — лотки цветочниц, парфюмеров, фотографов, антикваров, громко расхваливающих свои странные товары. За окнами гастрономов, символизирующих благополучие и прославляющих симметрию, башнями и пирамидами вздымаются продукты, свешиваются гирлянды удивительных фруктов, экзотических животных, разнообразнейших ко-

робок и консервных банок. Это дары звезд! Брок вгляделся в названия:

Лечебная вода из озера Альфа со звезды М-14

Съедобный мох реликтовых лесов звезды С-71

Пудра На-Ха из птичьих крыльев СГ-176

Духи из слез ангелов звезды Д-55

Кровь эльфинских гномов (Ш-70) против обезьяньей болезни!

Половые железы урских водолюбов — деликатес на В-1!

Обувь из кожи оригонов СФ-99 не снашивается!

Манна со звезды В-64 напоминает миндаль!

А эти рекламные щиты предлагали переселенцам на другие звезды продукты родной планеты:

Колонистам на Л-20 лучшие семена — одно семя дает стократный урожай!

Против розового гнуса на С-71 Порошок АХА! Не пожалеете!

Астрономические часы АЗ показывают время на любой звезде!!!

Средство от гипертонии в созвездии Спирали — только бальзам «Спираль»!!!

Эролум на С-2

Бросайте шоколад «Лана» Они отдадут вам всё!!!

Зонты непромокаемые, плащи, палатки!

На К-86 ночью идет дождь!

Перед отправлением в новые миры застрахуйте свою жизнь!!!

Вы не удержитесь от смеха в паноптикуме «Омега», глядя на живых обитателей Г-5!

Под полосатым желто-красным тентом продавец демонстрирует раковины, похожие и на звезды, и на цветы, и на живые существа, и вообще ни на что не похожие. Он поднимает их одну за другой, прикладывает к уху, нашептывает им что-то в ответ, затем, обращаясь к толпе, кричит хриплым голосом:

— Раковина ИЗА со звезды Б-55 в качестве пресс-папье на вашем столе внушит вам добрые мысли при составлении писем?

— Раковина О-РА из Черного озера со звезды Ф-39 подобна черному лебедю! Подложите ее своему врагу, и на каждом шагу его будут преследовать неудачи!

— Раковина А-КА с ледяной звезды, похожая на водяную лилию, — таинственный залог успеха в любви!

— Раковина У-ВА напоминает окаменевшую

бабочку. Она водится на звезде Альбатрос, и если вы положите ее под подушку, то вам будут сниться звезды!

— Раковина НЕ-0 со звезды П-44 шумит, как разбушевавшийся океан. В течение десяти лет она будет оберегать вас в путешествиях по Мюллер-дому!

Напротив продавца раковин — лоток с фантастическими звездными пейзажами и городами. Чуть подальше — еще зазывала, за ним — следующий. И, словно соревнуясь с ними, кричат и мечутся рекламы» рассекая темноту огненными языками.

XIV. Ужас темноты — Экспортно-импортный концерн „Вселенная“ — транспортировка на звезды — Петр Брок не может вспомнить — Голландская колония на Луне

Вдруг все лампы погасли, как будто под стеклянным куполом взорвалась темнота.

— Катастрофа!

Может быть, на электростанции взбунтовались рабочие и присоединились к революции? А может, погас свет на всех этажах, и наступила ночь — страшная, бесконечная, полная кошмаров и крови?!

В Мюллер-доме нет окон!

Петр Брок даже не успел осмыслить всего ужаса, который ожидал этот безумный муравейник высотой в тысячу этажей — плод гордыни Мюллера, — как его снова ослепил яркий свет. Ну, конечно же, Мюллер-дом — это мир в себе, и череду его дней и ночей диктует сам Мюллер! Но это было уже не солнце, это горели огненные буквы, написанные невидимой рукой на черной доске темноты:

Земельные участки на звездах продаем по умеренной цене

Концерн «Вселенная»

И дальше:

Вечная весна на берегах звезды Е-4

Вы попадаете в сказку в голубых долинах звезды М-21

Вы превратитесь в ангела на звезде Р-25

Небесные создания ИКИ-ЛА тоскуют по вас

Вы будете царем на звезде И-25

Вам нужна невеста на одну свадебную ночь? Предлагаем У-55

Тысячу лет вы проживете на звезде П-7

Райский напиток на IV спутнике звезды ЗЕТ-22

Вы никогда не умрете на звезде П-5

Затем весь купол вновь засверкал и надписи исчезли. Осталась только одна, ярче солнца. Это была надпись:

ВСЕЛЕННАЯ

над входом в прозрачный дворец, грани и фризы которого переливались всеми цветами радуги.

Брок проскользнул в дверь и очутился в просторном зале. Стены встретили его сумятицей крикливых красок. Картины и карты покрывали

все вертикальные поверхности с потолка и до пола.

Орбиты звезд и планет, параболы комет, виды разных Галактик с их небесными телами и туманностями. Трассы, проложенные от звезды к звезде, перекрестки орбит и путей космических кораблей. Диаграммы, тарифы, прейскуранты, графики. Модели планетарных систем из стекла и металла. Пластиковые изображения фантастических пейзажей с буйной растительностью.

Что это — флора или кристаллы звездных минералов? Или это обитатели звезд? Древние породы гигантов или колония пигмеев?

Брок замер. Среди странных ландшафтов, окружающих его со всех сторон и вызывающих скорее чувство недоверия, вдруг словно кто-то ласково погладил его по голове — пейзаж родной Земли!

Знакомые квадраты возделанных полей. А позади — лесистые холмы, подернутые голубой дымкой… Церквушка с карминовой крышей и резными окошками в дверях.

«Боже мой, боже мой, ведь все это так знакомо! Когда-то, давным-давно, встав на носки, я заглядывал в круглые глаза часовенки! Запахом ветхости, навевающим грусть, тянет изнутри, и в тихом сумраке в алтаре стоит фигура святого.

Какого святого? И кто заглядывал в часовенку? Когда? Какая взаимосвязь, что общего между этой часовенкой и проклятой лестницей, на которой я однажды проснулся без памяти, без прошлого?..»

Увиденная часовня покоится где-то в глубинах памяти. Если бы вспомнить, если бы только вспомнить — тогда все сразу… Но почему над землей плывут сразу три огромные луны — красная, желтая и оранжевая? Брок прочитал подпись:

Голландская колония на Луне-Ш звезды С-1 Не надо работать, природа трудится за вас! Местные гномы будут вам прислуживать!

Но ведь Броку нетрудно узнать правду. Все двери в Мюллер-доме перед ним распахнуты. Всякий обман раскроется. Любой покров тайны исчезнет как снег, падающий в огонь.

XV. Типы переселенцев — Обедневший миллионер — Сладострастный донжуан — Миссионер Альва — Преподобный Лар — Франтишек Фарани

Стеклянная перегородка, водоворот людей, ряд окошек. Надо только встать возле одного из них и прислушаться.

— Я был миллионером, — рассказывает рыжий оборванец. — Лас Абела, может быть, слышали. Я владел заводами по производству моторов для автомобилей и самолетов. И черт меня дернул конкурировать с нашим Повелителем. Я два года боролся, бросил на карту все свои миллионы — и разорился. Вылетел в трубу, и поделом! Мне не оставалось ничего иного, как перебраться в Мюллер-дом, чтобы не пришлось просить подаяние. Будь благословен Агасфер Мюллер, благодетель, сжалившийся над своими врагами и предоставивший им бесплатно кров и пищу!

— Короче, милостивый государь! Ведь у нас нет времени, — оборвал его человек за барьером. — Куда вы хотите перебраться и сколько у вас денег?

— Я хочу быть богатым. Здесь, на планете нашего благодетеля, взяться за что-нибудь серьезное я уже не могу. Но в Вест-Вестере я убил одного трактирщика, так что сумел наскрести достаточно мюлдоров, и хочу начать все сначала в другом мире. Говорят, на звезде Р-25 есть для этого все условия.

— Конечно же, там вы сможете стать вторым Мюллером. Эта звезда молодая и спокойная, с симпатичным, безобидным населением. За доставку на Р-25 вы должны заплатить 250 мюлдоров.

— Но таких денег у меня нет! — вскричал оборванец.

— Тогда выберите себе звезду подешевле. За 80 мюлдоров вы можете переселиться на С-6, но вам придется взять с собой шубу.

— Туда я не хочу!

— Тогда на Ф-1! На ней собирают богатые урожаи, выращивают виноград. Правда, тамошние обитатели странно пахнут, но к этому вы привыкнете…

— Хоть на пять мюлдоров дешевле!

— Идите к продавцу раковин! Мы здесь не торгуемся!

Лас Абела исчез, и на его месте оказался напудренный селадон в белом цилиндре и во фраке

светло-серого цвета. В синий со звездочками галстук был воткнут золотой колокольчик, видимо, по последней мюллердомовской моде. Его лицо было подозрительно молодо и красиво, но говорил он, как хныкающий старик.

— Я пресытился женщинами! — жаловался он. — Мне опротивели их тела. Всегда одно и то же, меняется только цвет. Я ищу новых ощущений!

Его пальцы вдруг превратились в когти хищника, а хриплый голос задрожал от похоти.

Лицо в окошке улыбнулось: '

— Просмотрите образцы! Но это, конечно, не все., Тела многих существ слишком своеобразны, они состоят из других тканей, у них другая субстанция, другие формы, инстинкты, половые отличия. На Ф-9 оплодотворение происходит с помощью губ, на Б-11 — с помощью взгляда, на К-12 — путем касания крыльев. На Х-6 во время полового акта умирают. Обитатели У-12 прозрачны, а на Б-3 они тверды как алмаз. На Г-4 они текучи, на С-22 горят, жители Л-7 совершенно невидимы. А как вам нравится эта самочка? Она очень похожа на человека, но кровь ее холодна. А это другой тип красоток. У них, правда, лишь одна грудь, притом острая как нож, но ее можно

накрыть каким-нибудь конусом, зато лица! Стоит к ним привыкнуть, и они кажутся прекрасными! Сношение возможно, но потомства не будет. Т-42 густо поросли белыми шелковыми ворсинками. Они прекрасно готовят, с удовольствием напиваются допьяна, любят белых, боятся негров. Эти, с М-14, очень сладострастны, они предпочитают мужчин-землян. Роста они небольшого, напоминают наших школьниц.

— Сюда, сюда я поеду! — вскрикнул молодой человек, задыхаясь от обуревающей его страсти. — В первую очередь сюда.

— М-14 — 500 мюлдоров.

— Стоимость меня не интересует. Но когда я вернусь назад?

— Через двенадцать месяцев. Может статься, вам и не захочется вернуться.

— Мне скоро наскучат девочки, и тогда я займусь этими белыми ворсинками…

Он получил синий билет и скрылся за фиолетовой портьерой.

К окошку пробрался человек в черной рясе, перепоясанной красным шнуром.

— Я — Ричард Альва, отправляюсь на звезды, чтобы нести свет Евангелия, — проговорил он глухим голосом аскета.

— Пожалуйста, — был ответ. — Если у вас для этого хватит денег.

— Но ведь речь идет о спасении невинных душ. Ангельский голос мне возвестил, чтобы я немедленно отправился на звезду Л-100 в созвездии Копретины. Несчастные, они поклоняются треснувшей фарфоровой трубке, которую там выбросил первый человек.

— Нет, мы вас туда не пустим. На Л-100 неделю назад отправился мусульманский проповедник, а два петуха в одном курятнике…

— Но представьте себе, — воскликнул Альва, — что эти несчастные будут одурманены лжепророком! Они поверят ему и навсегда погубят себя! Скорее отправьте меня туда, а то будет поздно!

Миссионер буквально влез в окошко, едва не перевалившись через барьер, и начал махать кулаками перед лицом служащего компании. Тот хладнокровно заметил:

— Мусульманская вера — тоже вера!

— Но мы несем крест!

— Действительно, вы несете крест. На всех миссионерах кресты, — вздохнул служащий, — Там вас ждут — не дождутся! А почему вы для спасения душ выбрали именно Л-100? Вы несете

свет? Так отправляйтесь на С-6. Там темно как в могиле! Ее обитатели слепы и поклоняются тьме. Они вас не увидят, зато будут хорошо слышать, и вы легко сотворите все ваши чудеса. Рекомендую также Е-19. Обитатели — просто овечки, они поверят всему, что вы наговорите. Вы можете сразу же стать мессией. На К-5 преподобный Лар воскрес из мертвых, и все сразу же приняли христианство. Франтишек Фарани отправился с цирком на Н-22. И в результате после первой же премьеры он стал верховным божеством. Все участники представления сделались святыми. Цирк превратился в храм, а спектакли — в религиозные обряды. Чего вам еще надо?

Следующим был пейзажист с мечтательными глазами, которому снились хрустальные мосты и розовые водопады звезды В-4.

За ним — нетерпеливый полнеющий парикмахер, борода которого представляет собой своеобразную рекламу рыжих напомаженных волос. Он летит на Ф-88 к волосатикам, чтобы там словом и делом распространять культуру расчесок, гребней, помад и одеколонов. Детектив с трубкой отправляется вслед за убийцей на К-54.

Закатывающаяся, стареющая кинозвезда хочет еще раз взойти на новом небосклоне. Она попы-

тается вернуть молодость на К-7.

Наследница миллионов с бедным поэтом убегают на Л-11, звезду любви…

Златокудрая красавица ищет любовника, который скрылся среди звезд…

Профессор ботаники с ярко раскрашенным рюкзаком и его прекрасная супруга, у которой грустный взгляд, отправляются исследовать растительность на, Ф-34.

Переживший трагедию, свергнутый с престола король ищет новое королевство…

Один за другим они скрываются за фиолетовой портьерой, судорожно сжав в руке разноцветные билетики и волоча вещи, которые натирают плечи и мешают идти. Они перешагивают последний порог этого мира, чтобы уже никогда сюда не вернуться, несчастные эмигранты с родной планеты…

XVI. Дама в черном — Предательское ожерелье — „Зря вы прячете лицо…“ — Брок наблюдает с близкого расстояния — „Тогда я стану принцессой гномов…“

Последней к окну подошла дама в трауре. Вся в черном, словно искупалась в беззвездной ночи. Лицо под густой вуалью, на руках — перчатки, грудь скрыта, будто пара созревающих ядрышек в еще не отвердевшей скорлупе. Хрупкие плечи, стройные ноги, исчезающие под черными кружевами, — все это навевало на мысль о прекрасной, чарующей юности, хотя сквозь ее одежды не пробилось ни одного белого пятнышка.

Она пугливо осмотрелась — последняя, больше никого нет. Молча протянула свой паспорт. Служащий взглянул на него. Затем от фотографии поднял глаза к оригиналу. Он улыбнулся, неожиданно натолкнувшись глазами на траурный флер.

— Будьте добры, приподнимите вуаль. Я ведь должен взглянуть на ваше лицо…

— Это обязательно? — спросила она тихо, почти не раскрывая губ, и как бы невзначай выпустила

из ладони тяжелое жемчужное ожерелье. Служащий быстро схватил его. Он надел очки и стал его внимательно рассматривать, исследуя каждое звено. И неожиданно рассмеялся, показав белые зубы, сверкнувшие в широкой щели рта.

— Зря вы прячетесь, принцесса Тамара! Ожерелье выдало вас! Вы убегаете из Гедонии!

— Это ложь! — испуганно крикнула черная дама. Но ее голос внезапно дрогнул и сломался, как ветка.

А человек за барьером будто не слышал ее:

— У нас есть ордер на ваш арест! Паспорт у вас поддельный. Это работа Ворка с Тигровой улочки!

Принцесса стояла черная и неподвижная. Густая вуаль скрывала все, что отражалось на ее лице. Были слышны лишь негромкие рыдания. Внезапно она сделала шаг к окну, прижала черные руки в черных перчатках к груди и горячо зашептала:

— Прошу, прошу вас, не выдавайте меня! Я дам вам все, что вы захотите! Это страшно — то, что они задумали сделать со мной там, внизу! Смилуйтесь надо мной! Отпустите меня на Л-7! Что вы хотите за это? Все, что у меня есть…

Принцесса высыпала содержимое черной

сумочки. Среди драгоценностей сверкнула ее маленькая корона в форме звезды, на кончиках ее лучей виднелись огромные бриллианты.

— Хватит вам этого? — прошептала она и, словно боясь, что не хватит, отдернула вуаль и улыбнулась. Это был чисто женский жест… Попытка добавить к разбросанным драгоценностям еще одну, самую дорогую…

Невидимый Петр Брок сумел рассмотреть лицо принцессы вблизи. Оно было прекрасным. Огромные темно-голубые глаза, затененные длинными ресницами, цветом напоминающие небо в те минуты, когда наступают сумерки, подчеркивали дивную, экзотическую красоту. Губы, не слишком широкие, влекущие и страстные, разрывались улыбкой, словно спелый кровавый стручок, обнажая ряд фарфоровых семян. Возможно, ее дисгармоничное лицо было таким прекрасным, а большой рот столь соблазнительным лишь благодаря молодости.

Человек в окошке сгреб драгоценности и криво улыбнулся:

— Ладно, идите! Но от бога Мюллера вам не убежать! Он будет гнаться за вами от звезды к звезде…

— Отправьте меня на ту, что находится дальше

всех, на самую последнюю…

— Последние наши станции — на звездах-гномах в созвездии 3-Б. Там не так уж плохо… Солнечная система там очень похожа на нашу, только в карманном издании… Солнышко в миллион раз меньше нашего. А планетки, которые танцуют вокруг него, — точная копия нашей Земли. На ЗБ-1 живут человечки, как две капли воды похожие на землян. Только ростом пониже… Каждый туземец легко помещается в дамской сумочке. Но они — еще гиганты по сравнению с крошками на соседнем шарике ЗБ-П. Такие же люди, как и мы, они не больше муравьев. А на ЗБ-Ш люди были обнаружены в пыли под микроскопом… Выбирайте себе любую из них…

— Давайте первую, если ничего другого не остается…

— Они послушные, интеллигентные куколки… вы там будете-жить словно в сказке.

— Но как мне скрыться, если он все же меня настигнет?

— Может, вас спасет кто-то с этой звезды лилипутов. Но со временем, когда вы с ними наиграетесь, они вам опротивят. Вот, пожалуйста, ваш билет.

— Итак, я стану принцессой гномов, — вздох-

нула она и исчезла за фиолетовыми складками портьеры.

Брок двинулся за ней, не отставая ни на шаг, сгорая от любопытства, так что у него даже запершило во рту.

XVII. Зал ожидания на пороге Вселенной — Бесполезные споры — „...всюду земля господня...” — Бархатный зал — Брок пытается спасти принцессу

Он оказался на другой стороне, но понял, что от разгадки тайны его отделяет длинный светлый коридор, который нужно пройти до конца, чтобы удовлетворить свое любопытство.

Белые лампочки излучают матовый свет, гулко раздаются шаги, возгласы перекрывают друг друга. Руки переселенцев оттягиваются чемоданами, которые с каждым шагом становятся все тяжелее. Наконец и этот путь пройден. Долгое, бесконечное ожидание. И вот медленно и неотвратимо, как крышка гроба, открываются тяжеловесные железные ворота. Гудящая толпа людей, которые буквально падают от усталости, поспешно бросается к зияющему отверстию. Последней в него проскальзывает принцесса, а за ней Петр Брок. Ворота за ними неумолимо и мягко закрываются.

Просторный зал заполнился людьми. Все как по команде сели на свои чемоданы.

— Я представлял себе это несколько иначе… — заметил художник, разочарованно оглядывая голые стены, словно отыскивая на них картины.

— Хоть бы скамейки поставили… — вздохнул миссионер, усевшийся на свои хрупкие вещи. — У меня там дароносица, чаши и кресты, завернутые в церковные облачения. Они могут сломаться, — сообщил он детективу.

А тот недоумевая посасывал трубку.

— Черт побери! И это зал ожидания на пороге Вселенной? Скорее напоминает приемную богадельни!

— Вот так всегда получается, — язвительно заметил напудренный юноша, — когда не выделяют тех, кто богат. Я всегда путешествовал только первым классом — и на подводных, и на обычных, и на космических кораблях. Я могу себе это позволить…

Он нервно передернул плечами и стряхнул пыль с рукава своего серого фрака, который задела старушка, пробиравшаяся в другой конец зала.

— И куда ты, старая, лезешь?

Беззубая старуха гордо вскинула седую голову. Ее волосы, спереди расчесанные на пробор, напоминали панцирные надкрылья летящего

жука. На затылке у нее смешно топорщилась маленькая шапочка, завязанная под подбородком черной лентой.

— Я графиня Кокочин! — гордо заявила она и навела на дерзкого юношу золотой лорнет.

— О, простите, ваша светлость, я не предполагал… — преувеличенно низко поклонился молодой человек, с насмешливой вежливостью снимая белый цилиндр.

— Моя старость доставляет мне столько хлопот, — сказала, успокаиваясь, графиня.

— И куда вы изволите направляться?

— Я? На Л-70!

— Черт возьми! Звезда любви…

Старуха кокетливо стукнула его лорнетом.

— Ах, вы проказник! Звезда молодости, а не любви… Я лечу за молодостью. Далеко это?

— Двадцать мюлеренов… Не знаю, доживете ли вы до конца путешествия? — со злорадством сказал Лас Абела, бывший миллионер.

— Но ведь мне сказали, что путешествие продлится лишь трое суток…

— Может быть, — согласился Лас Абела, — но не забывайте, что в других Галактиках время другое и люди стареют не так, как под нашим солнцем…

— Везде мир господен! — включился в разговор миссионер, — если на то будет его воля, вы умрете с крестом! Я везу его с собой. У меня есть и священное масло для последнего помазания. Так что не беспокойтесь, — добавил он.

— А я вас в гробу надушу… — сказал парикмахер и нажал на грушу пульверизатора. Терпкий, экзотический запах защекотал пересохшие носоглотки.

— И меня, и меня, — закричала розовая куколка, которой вдруг страшно захотелось надушиться на руках у своего возлюбленного поэта.

В эту минуту над отдыхающими эмигрантами возникла бескозырка, затем лицо, изъеденное глубокими оспинами, и матроска, украшенная желтыми полумесяцами на черном небе. Брок сразу его узнал — это был тот пьяный, который на кольцевой улице Вест-Вестера распевал похабную песню.

— Подъем, господа, за мной, — закричал матрос, прикуривая от факела. Глубокий разрез открывал на его груди вытатуированный космический корабль, плывущий среди звезд. Его руки были покрыты не очень удачными изображениями чудовищных неземных растений.

Открылась маленькая дверь, ведущая в тем-

ноту, и все повалили за ним. Началась давка. Узкий коридор бесстрастно проглатывал одного путешественника за другим. Он был влажным и длинным, словно пищевод гигантской змеи, вел то вверх, то вниз. Все шли гуськом, нагнув головы, локтями касаясь влажных стен. Где-то далеко чадил факел матроса.

Наконец впереди показалось светлое отверстие, вселившее надежду. Факел скрылся за каким-то выступом, а его желтоватый свет вырвал из темноты движущуюся колонну тел. Когда принцесса, за которой по пятам шел Брок, последней пересекла светлый прямоугольник, сзади захлопнулась дверь.

Бархатисто-черный круглый зал, освещаемый сверху раскаленным шаром. Отовсюду слышатся крики ужаса, плач, над головами заламываются руки.

— Измена, измена, мы все здесь погибнем!

Вначале Брок ничего не мог понять. Но вдруг он почувствовал странный сладковато-приторный запах, от которого начала кружиться голова. Перед глазами у него расцвел неземной красоты цветок с кровавыми листьями и черным соцветием. Брок затаил дыхание, и цветок исчез. Брок увидел, что все показывают вверх на металли-

ческую трубку в стене, из которой шел быстро растворяющийся в воздухе белый пар. Началась паника.

Первой мыслью Брока было спасти принцессу. Он бросился к стене, где, как ему казалось, была дверь, захлопнувшаяся за его спиной. Но двери как не бывало.

К тому же принцесса потерялась в этом сумасшедшем водовороте. Все вокруг стонут, кричат, плачут, стараясь заткнуть чем-нибудь рты и носы.

Бывший фабрикант с отчаянием обегает зал круг за кругом, словно медведь в клетке.

Миссионер Ричард Альва, охваченный мистическим ужасом, стоит на коленях посреди зала, бьется головой о пол и выкрикивает ругательства, проклинает своего бога и насмехается над ним.

Поэт с дочерью миллионера слились в объятии и, забыв стыд перед лицом смерти, отдаются друг другу в первый и последний раз с бешеной страстью, чтобы погибнуть в момент наивысшего наслаждения.

Художник с мечтательными глазами умирает, плача.

Парикмахер рвет свою нафабренную бороду.

Пресыщенный юноша полной грудью вдыхает губительный запах.

Газ постепенно становится все более концентрированным, каждый в конце концов вынужден выдохнуть сдерживаемый воздух и глоток за глотком напиться смерти.

Люди валятся друг на друга, их тела оседают на черном мраморе. Наконец, в середине зала Брок нашел свою принцессу. Когда он подбежал к ней, она уже падала. Он подхватил ее и мягко опустил на камень. В ее глазах мелькнуло удивление.

— Принцесса! Принцесса! — закричал Брок, прижавшись губами к ее вискам, — ради бога задержите дыхание!

Но сам он из-за этого выкрика лишился последнего глотка живительного воздуха. Он выпрямился, уже не в состоянии сдерживаться, и вторично глотнул убийственный газ. Голова у него закружилась, в ушах зашумел лес, а перед глазами снова вырос кровавый цветок. Это конец, конец!

Итак, в борьбе с Агасфером Мюллером он потерпел поражение. Он проиграл раньше, чем вступил в борьбу. Даже не увидел его и — проиграл. Лес шумит все тише и тише. Черный-цветок быстро вырастает, увеличивается, раскрывается и по-

глощает его… Ноги подкашиваются… человек, когда умирает, падает… Петр Брок провалился. Магниевый шар в его глазах погас. Была тьма, и уже не было даже тьмы… Ничего не было.

XVIII. Сон — Старик с доброй улыбкой — Судьба переселенцев — Паршивый материал — „Еще одного дворника”

И все-таки лампочка мигает и мигает. Трехэтажный помост теряется где-то в темноте. К его доскам прилепились серые куколки-балахоны. Кажется, что они высохли, ибо их оболочка сморщилась и опала. И все же внутри шевелится что-то издающее запах — либо рождающееся, либо уже разлагающееся…. Здесь их немало. Время от времени они вздрагивают, как бы доказывая, что жизнь в них еще теплится, что, может быть, однажды ночью из них вылупятся мрачные бархатные бабочки «мертвая голова»…

Но что это? Желтая лампочка, светящаяся лунным светом, неожиданно вспыхнула ярким магниевым пламенем. Петр Брок открыл глаза.

Что произошло?

Сон исчез.

Над головой вновь горит фиолетовый огонь, но дно бархатной чаши стало гладким. В одном месте круглая стена словно треснула — сквозь узкое отверстие пробивается свет, и что-то в нем

движется… Брок бесшумно пробрался сквозь это отверстие и оказался в стальной камере без мебели с заклепками на стенах. На потолке — прозрачный человеческий череп. Из глазниц, из носового отверстия бьют лучи света.

В углу стоит толпа полураздетых переселенцев, их руки скованы сзади тонкой цепью. Женщин среди них нет. Больше всего Брока удивило, что они молчат. Тишина, исходившая от этих подавленных людей, была жуткой. Лишь подойдя ближе, он увидел, что у всех во рту металлические кляпы. Концы цепей держат в руках два негодяя с плетками. Кроме них и матросов здесь находятся еще два человека, в глаза которых Броку тоже удалось взглянуть с близкого расстояния. Он сразу понял, что именно они будут определять судьбу обманутых переселенцев.

Один из них — седовласый старичок в черных очках и с удивительно ласковой улыбкой. Он то горбится, то снова выпрямляется. На нем форма с золотыми эполетами. На груди у него сверкает несколько звезд, расположенных в форме созвездия Кассиопеи. На голове офицерская морская фуражка с надписью «Адмирал Сурехандр». Бородка у адмирала раздвоенная.

Второй человек — прямая противополож-

ность первому. Набрякшее, красное лицо, грубое, как у мясника, не оставляет сомнений в примитивности и жесткости характера. Одет он в безукоризненный темный костюм. На пальцах, на манишке и в манжетах сверкают искорки бриллиантов. В левый глаз под косой плоскостью лба насильно втиснут монокль, который должен придать грубым чертам аристократический лоск.

— Сколько? — спросил добрый старичок татуированного матроса.

— Сорок пять из девяноста, — почтительно доложил матрос, — из них пятнадцать женщин. Остальные уже в печи…

— Паршивый материал! — сплюнул человек в монокле, — всех — в ад.

— Слишком торопитесь, милорд! — возразил старичок, — мы что-нибудь да найдем среди них.

Он подошел к бывшему миллионеру и похлопал его по заросшей рыжей щетиной груди.

— Взгляните-ка, милорд, на этот экземпляр. Рыжие многое могут выдержать и живут до глубокой старости. Он будет хорошим рудокопом!

— Добро, адмирал, — ответил милорд, — в шахту его.

Матрос что-то отметил в своем блокноте, и два

негодяя отвели рыжего в другой конец зала.

— Одного нужно отправить на склад, — вспомнил милорд и подошел к парикмахеру, который дрожал как басовая струна. Он как бы ненароком щелкнул его по носу и сухо сказал:

— 567-й этаж!

Матрос записал это, и парикмахер очутился в противоположном углу.

Затем адмирал обратил внимание на влюбленного, в отчаянии протягивающего руки к железным дверям в стене, которые хранили тяжкое молчание.

— Сэру Марко нужен молодой раб, — сказал он так, словно старался его утешить, — вам повезло…

— 733! — бросил милорд и двинулся дальше.

— На улице Эсмеральды Крановой требуется дворник, — продолжал бормотать бойкий старичок, подбегая то к одному, то к другому. Наконец он остановился перед бывшим монархом.

— Ты удержишь метлу? — сочувственно спросил он.

Пухлый экс-король, не зная, что ответить, оскорбленно завертел головой.

— Это король Арамис Двенадцатый, — заметил матрос, взглянув в свой блокнот.

— Который? — переспросил милорд, словно он не расслышал, который час. Затем неожиданно со злостью вскричал: — В ад его!

— На небо, на небо, — горячо убеждал старичок. — Мы сжигаем лишь тряпье, а из костей делаем пудру для вест-вестерских красоток. А души улетают на звезды, ха-ха-ха, — он так смеялся, что у него запотели его черные очки. А когда он их снял, то под ними оказались два ядовито-зеленых глаза, необычайно злых и жестоких. Зловещий блеск этих глаз сразу же сорвал маску доброты с его морщин.

— Ну хватит! — распорядился милорд, — все остальное брак. Мусор! Немедленно всех сожгите!

— А как же дворник? — воскликнул адмирал и вновь нацепил очки. В глаза ему бросился напудренный юноша. Его лицо дико исказилось от страха и рыданий, застрявших у него в горле. Матрос записал номер этажа и отвел молодого человека к противоположной группе.

XIX. „А теперь — девочек…“ — Принцесса, потерявшаяся и вновь найденная — Галантность Мюллера — „… прошу улыбку…”

— А теперь — девочек! — похотливо проговорил старичок и поправил на груди отклеившуюся звезду. Милорд, входя в соседнюю комнату, вытащил манжеты, чтобы были заметнее бриллиантовые запонки. Брок вошел вместе с ним.

Там на земле сплетался и расплетался клубок женских тел, которых несколько минут назад Брок видел идущими в колонне. Любовницы и подруги, провожавшие, провожаемые, гордые одинокие путницы, влекомые своей мечтой. Кляпов у них не было.

«Сначала — принцесса!» — мелькнуло в голове Брока, когда он подошел к толпе плачущих женщин. Но ее среди них не было. Она стояла поодаль, прижав ладони к стене, гордая, вся в черном, ожидая своей участи без единой слезинки в глазах.

О, как ему хотелось расправиться на месте с этими двумя мерзавцами и освободить обману-

тых переселенцев! Но внутренний голос, шестое чувство говорило ему, что надо выждать и отложить свою месть до того сладостного момента, когда можно будет рассчитаться разом со всеми. Он бесшумно приблизился к принцессе, наклонился к ней и, не коснувшись ее, прошептал:

— Не бойтесь! Я с вами.

Когда она повернула к нему удивленное лицо и губы ее зашевелились, силясь задать вопрос, Брок поспешил предупредить ее:

— Тише, тише, ни о чем не спрашивайте! Не шевелитесь! Они не должны ничего знать! Я все время рядом с вами. Но вы меня не ищите!

Он коснулся ее левой рукой и прошептал:

— Это я! — Это будет означать, что я рядом. Вы не возражаете?

— Нет! — кивнула принцесса и едва заметно улыбнулась одними губами, в то время как с лица ее еще не исчезли следы изумления.

А между тем старый обманщик с лживой маской добряка старался ласковыми словами остановить поток слез, рыданий, проклятий, низвергавшихся на него.

— Дамы! Милые дамы? К чему эти рыдания? Фу, какими некрасивыми становятся ваши носики во время плача!

— Верните мне моего Яничка! Отдайте мне его! — рыдала розовая девочка, еще ничего не понимая. — Я же не могу лететь без него.

— Похищение, похищение? — истерично кричала кинозвезда, — бандиты, воздушные пираты!

Дочь миллионера позабыла о поэте и горько оплакивала свои чемоданы.

— Если вы не замолчите, — разозлился человек с моноклем, — возможно, потом вам придется раскаяться в этом…

— Улыбочки, улыбочки, дорогие дамы, нам нужны ваши улыбки, — скороговоркой упрашивал старый адмирал, — покажите их, пока не поздно!

Но стоны и плач усиливались. Больше всех шумела старая графиня. Она звала на помощь, требовала полицию, ругалась и грозила:

— Негодяи! Подлецы! Попробуйте только поднять руку на беззащитную аристократку! Где же ваши звезды? На небе? Вам бы лишь грабить, водить дураков за нос! Пираты! Отдайте, бандиты, мой чемодан, верните мои деньги!

Послышался голос милорда:

— Бесконечна галантность нашего благородного Мюллера, — он благочестиво поклонился, — но

существуют пределы, особенно когда речь идет о явном браке! Грушу! — неожиданно закричал он, и один из — мерзавцев загнал ей в рот кляп. Разом замолкли все остальные.

— Ну вот видите, дорогие дамы. А теперь прошу ваши улыбки! Вот эту девочку, милорд, нельзя назвать слишком красивой, но вряд ли ей больше семнадцати.

— Конечно, — усмехнулся монокль, — ей самое время идти в кабаре дона Эрмиса…

После розовой девочки они выбрали дочь миллионера, затем супругу профессора ботаники с грустным взглядом, потом двух бледных хорошеньких сестер-двойняшек, очень похожих друг на друга, одетых в короткие юбочки и детские гольфы. Они держались за руки и, ничего не понимая, все время звали отца. Их повели в угол комнаты, где, подвешенный к потолку, колыхался роскошный турецкий шатер, устланный плюшем, с красными кругами пуфов.

XX. Первое упоминание об Ашоргене — Пурпурный шатер в качестве лифта — Старый сводник утешает принцессу — Мадам Верони

Наконец настала очередь принцессы. Брок насторожился. Старый адмирал поправил складку хорошо отутюженных брюк с желтыми лампасами и подошел к ней с учтивым удивлением.

— Принцесса Тамара, — воскликнул он, — какая неожиданность! Черный бриллиант, потерянный и вновь найденный… Бархатная бабочка, которая хотела улететь к небесам… Сколько мы вас искали по всем этажам!

— Никто не искал и никто не терялся, — оборвал его милорд, — в Мюллер-доме никогда ничего не терялось и ничего не потеряется!

Но старческая борода, что скрывала западающий рот, продолжала трястись:

— Принц Ашорген, третий секретарь нашего благодетеля и повелителя, влюбился в вас с первого взгляда… Вы ему первому будете танцевать хрустальное фуэте, или второму, если захочет Сам… Говорят, что наш благодетель и повели-

тель заинтересовался вами и вашими успехами в танцах. Горе вам, если вместо симпатии вам придется испытать Его гнев!

Принцессу отвели в шатер. Брок прыгнул за ней. Старичок тоже вошел и подал знак. И вдруг шатер закрыли металлические шторы. Под куполом вспыхнула лампочка, и упакованный в металлический футляр шатер начал падать.

В герметически закрытой кабине Броку трудно было определить скорость падения, тем более что ничего не шелохнулось и падение совершалось без малейшего шума или тряски. Казалось, кабина не движется, но он чувствовал, что они со страшной скоростью летят в пропасть. На мгновение перед его глазами вспыхнула знакомая желтая лампочка, но он сразу отогнал видение.

Старый сводник внимательно разглядывал заплаканные лица. Кое-кто еще всхлипывал, по чьей-то щечке еще текла слезинка, но рыдания уже стихли. Пережитое лишило их сил, и в глазах то вспыхивало, то гасло любопытство. Адмирал в этом мчащемся вниз колоколе вел себя с дамами на удивление корректно. Он сидел в сторонке, подтянув брюки и сжав ладони между колен, вероятно, чтобы не возникло подозрение, что он намеревается приставать к своим соседкам.

Он сдвинул на затылок фуражку и заговорил с притворным добродушием:

— Ну вот видите, дорогие дамы, ничего страшного с вами не случилось и не случится. Вы испугались, что не попадете на свои планетки? Клянусь Мюллером, мы сейчас летим на одну очень миленькую звездочку… Это звезда танцев… Танцы-и любовь… Мадам Верони нас научит и тому и другому в своих салонах. Она, конечно, уже не танцует, так как несколько располнела, но она — ректор танцевального университета, где преподают знаменитости старого мира… Вы не бойтесь, мы вас выбрали не только из-за ваших личиков, но и ваши фигурки, ваши ножки победили во время тайного соревнования спящих красавиц… Вон тех двух маленьких пупсиков тоже я отыскал. — При этих словах морщины старого сводника изобразили нежную улыбку. — Я сжалился над образцом столь совершенной симметрии… Папочек для вас, мои сиротинки, мы тоже найдем — для одной одного, для другой — другого. Но сначала мы вас пошлем в школу. Мадам Верони преподаст вам азбуку любви. А вам, принцесса, придется вернуться на виллу «Тамара». Я искренне вам советую — научитесь танцевать хрустальное фуэте. Без танца в Гедо-

нии вы не сделаете карьеры… Ублажите принца Ашоргена. Неужели вы не понимаете, что все женщины там, внизу, без ума от него, а среди них есть и принцессы… Это великий человек — он правая рука гениального и божественного Мюллера. А какой он кавалер! Он занимает целый этаж Гедонии, три тысячи комнат. Он покровитель художников, артистов, музыкантов Мюллер-дома. Если вы ему угодите, он сделает вас своей женой! Клянусь Мюллером, он сумеет вас прокормить, несмотря на то что в его гаремах уже содержится около полусотни жен…

Принцесса смотрела на потолок и молчала. Гордая, не сломленная, она будто светилась холодным внутренним светом. Зато Брок внимательно слушал и впитывал слова адмирала, как иссохшая земля — влагу.

Неожиданно кабина остановилась без толчка. Шторы поднялись, лампа погасла и шатер очутился в центре огромного розового зала. Казалось, только что оборвалась музыка. Со всех сторон бежали разгоряченные, вспотевшие люди. Раскрытый шатер был мгновенно окружен раскаленным кольцом человеческих тел. Прекрасные лица женщин с ярко накрашенными губами, с влажными, блестящими утомленными глазами,

полузакрытыми тяжелыми длинными ресницами. Лица мужчин кажутся моложе благодаря употреблению различных кремов. Но что самое странное — почти все носят бородки: черные, светлые, рыжие, которые внизу расчесаны на два клинышка. Брок вспомнил обитателей города авантюристов. Старый сводник тоже носил бороду такой же странной формы. Брок начал понимать, что это, вероятно, сейчас в Мюллердоме последний крик моды. Однако времени задумываться над такими пустяками не было. Адмирал первым выскочил из шатра и тщательно расправил брюки, чтобы отглаженная складка приобрела первоначальный вид.

— Мадам Верони, мадам Верони! — закричал он.

От толпы отделилась толстая дама с огромным бюстом в великолепном платье из зелёной чешуи. Ее прелести утонули в складках жира, а рот, подпираемый несколькими подбородками, возвышался над адмиральской головой.

— Ну вот, я привез вам новых ангелочков, — скороговоркой забубнил сводник, — но, конечно, отрастить у них крылышки — это уже ваша забота. Думаю, что выбор удачен…

Мадам Верони сверкнула золотым лорнетом в

сторону грустных пленниц. Ее подбородки заколыхались от удовольствия.

— Прекрасно, адмирал, — сказала она сладким голосом, — «Вселенная» никогда не подводит. Эти розовые куколки прелестны — даже на Венере не было бы стыдно за нашу старенькую планету. ‘ Приходите завтра, я с вами рассчитаюсь!

Неожиданно мадам Верони хлопнула себя по животу:

— Во имя всех святых! — вскричала она, — ведь это же наша Тамара! Адмирал, вы что, ослепли от звездной пыли?

Сводник, чьи темные очки скрывали выражение лица, коротко рассмеялся.

— Вы действительно думаете, что я расставляю сети только для мелкой рыбешки, мадам?

— Иди сюда, моя дорогая, — защебетала мадам Верони, обращаясь к принцессе, — какая же ты бледная! Я отведу тебя в твою виллу. Там все осталось нетронутым, ты сама увидишь, идем, несчастное дитя!

Но старый сводник не отдал добычи:

— Останьтесь-ка лучше со своими ангелочками, мадам, они тоже устали! Дайте им теплой воды для ног, а принцессу предоставьте мне! Я сам отведу ее куда нужно… Пойдемте, принцесса!

— Идите, — прошептал Брок.

Принцесса еле заметно улыбнулась. Они вышли из зала — принцесса, адмирал и Брок.

XXI. Улица Эльвиры Карповой — Петр Брок принимает решение идти за адмиралом — „Я покину вас на некоторое время…“ — Улица Берты Бретар — Улица Анны Димер

Площадь. Стеклянные дворцы, расположенные вокруг нее, — словно стены гигантского бассейна, на дне которого копошится людская толпа. Фантастически широкие проспекты разбегаются звездными лучами, теряясь в необозримой дали. Театры, рестораны, кинозалы, музеи, игорные дома, храмы — все из стекла, полуматового, полупрозрачного. Аллея словно изваянных из воды фонтанов и хрустальных статуй, которые на мгновение сверкнут, отражая пойманный луч, и исчезнут, будто растворившись в ней. И надо всем — лазурный стеклянный свод, а на нем — незаходящее солнце…

УЛИЦА ЭЛЬВИРЫ КАРПОВОЙ

(Донна Эльвира была четвертой возлюбленной Великого Мюллера)

Эти слова, багровым пятном расплывшиеся на стандартной серебристой табличке, прикреп-

ленной на угловом здании, бросились в глаза Броку. Брок запомнил название улицы на всякий случай, если он заблудится в невероятном лабиринте Мюллер-дома. Но нет, он не имеет права заблудиться! Он не спускал глаз с принцессы, шел за ней по пятам, ступая туда, куда наступила принцесса. Брок смотрел на ее, тонкие, стройные ноги, и внезапно его охватило страстное желание. Он представил себе их нагими и рядом с ними, совсем рядом — совершенно прозрачного себя. Свои невидимые, жадно протянутый руки, обнимающие сонное тело… Он тут же ощутил презрение к себе. Ведь он же обещал ей помочь! Да, он прикоснется к ней, но только для того, чтобы она знала о его присутствии! Так он обещал!

Между тем позади оставались проспекты, перекрестки, дворцы. Аллея гигантских кактусов и пальм, цветочные ковры, оранжереи, озера, особняки, увитые экзотическими растениями, — все это были явные признаки богатых аристократических кварталов.

Наконец они подошли к коттеджу, именуемому

ВИЛЛА «ТАМАРА»

Старый адмирал поклонился принцессе:

— До свиданья, гордая грешница! Я пошел к

Мюллеру! Молитесь ему, чтобы он был милостив к вам в своем гневе! Его доброта бесконечна…

Брок стоит на пороге, пока принцесса не оборачиваясь поднимается по прозрачным ступеням. Дверь захлопывается, но фигура принцессы видна в матовом стекле. Постепенно ее очертания расплываются и наконец исчезают совсем.

«Что же делать? — заколебался Петр Брок. — Идти за принцессой? Нет! Ей пока опасность не грозит! А этот мерзкий негодяй направляется к Мюллеру! Итак, за ним!»

Брок быстро вырвал из блокнота листок и написал:

«Принцесса!

Я покидаю вас на некоторое время. Никого к себе не пускайте. Держитесь! Меня вы узнаете по нашему знаку.

Ваш друг».

Он взбежал по ступеням, опустил листок в прозрачный почтовый ящик и устремился за адмиралом, которого догнал на перекрестке. Здесь им овладело сомнение — сможет ли он найти эту тенистую улицу? Как же она называется?

УЛИЦА БЕРТЫ БРЕТАР

Актриса Берта Бретар бросилась с вершины Мюллер-дома из-за несчастной любви к Вели-

кому Мюллеру было написано на табличке.

Мюллер! Всюду Мюллер! Неужели все улицы на этом этаже носят имена его несчастных любовниц?

Неужели этот бог так чванлив и мелочен? Но каким бы он ни был, это название надо хорошенько запомнить, чтобы не потеряться… Затем они свернули на

ПРОСПЕКТ АННЫ ДИМЕР

которая, согласно надписи на табличке, была сожжена за то, что из ревности к Мюллеру убила королеву Гертруду.

Заканчивался проспект дворцом на хрустальных столбах. Широкая лестница, ведущая к нему, чернела от множества людей в цилиндрах. Наверху горели кровавые неоновые буквы:

БИРЖА

XXII. Золотой муравейник — Жирный идол под балдахином — Хрустальные уста динамика — Техника биржи — Петр Брок узнает кое-что о себе — „... скажите еще — социалист“

Старый сводник остановился перед лестницей. Он снова поправил складки на брюках, пересчитал звезды на груди и осторожно двинулся наверх. Брок следовал за ним по пятам.

Они вошли в огромный стеклянный манеж. Под золотой гроздью из матовых шаров — масса людей в черном. Легкая парадная лестница ведет на окруженную балюстрадой площадку. В углу под золотистым балдахином в красном кресле — золотая фигура какого-то очень толстого, с двойным подбородком божества. Над ним в потолке опять выпуклая линза. От нее, как от солнечного диска, расходятся золотые лучи.

Может быть, в это огромное увеличительное стекло — как в микроскоп микробов — людей рассматривает чей-то гигантский глаз?

Приглушенный толстыми коврами, слышится шорох шелковых фраков, трущихся друг о друга.

На бледных лицах поблескивают лишь белки глаз. Белые треугольники манишек — словно больничные дверцы, открывающие доступ к механизмам этих черных манекенов, которые начинают двигаться, только когда заведут их пружину, спрятанную где-то под фалдами. Правые руки, выброшенные на определенную высоту, притягиваются друг к другу и соединяются, как противоположные полюса магнитов. Толстые пальцы этих рук окованы золотыми кольцами.

Никто не стоит на месте, все куда-то торопятся и тем не менее их пути никуда не ведут. Они пробираются сквозь узкие щели между плечами других, движутся по хаотическим кривым, возвращаются, объединяясь в группки, которые тут же распадаются.

Доносятся отдельные слова, слышен гортанный смех, выкрики.

Петр Брок сразу заблудился в этом переплетении различных трасс, маршрутов, проходов. Адмирала он потерял… Брок словно попал в муравейник и сам превратился в муравья. Он перебегал с места на место, пролезал, подлезал, подслушивал, наклоняясь к черным, свалявшимся бородам и ловя восклицания со всех сторон.

Лишь спустя некоторое время, когда Брок стал

улавливать целые фразы, он понял, что главные сообщения поступают из хрустальной трубы в противоположном углу зала. А в центральной части на белом экране возникали надписи, призывы, цифры и какие-то странные знаки. Хрусталики зрачков проецировали эти изображения на экран сознания, оставляя на нем свои следы.

Только теперь Брок начал понимать, что представляет собой Агасфер Мюллер! Какой чудовищной силой обладает этот таинственный человек, который находится всюду и нигде! Здесь велась неравноправная борьба мюллеровских мюлдоров с нищенскими валютами других стран. Здесь его имя произносилось тысячу раз на день тысячью уст. Оно звучало как заклинание, как победный клич, как мольба о помиловании, как хруст костей под кованым сапогом. Линза на потолке была его оком! Микрофон в стене — его ухом! Хрустальный динамик — его устами! Его рука может появиться на потолке, он сам неожиданно может возникнуть в зеркале…

Кто знает, не присутствует ли он здесь в эту минуту — в качестве игрока, маклера или слуги. Никто его не видел, никто никогда не может быть уверенным…

Постепенно Петр Брок научился ориенти-

роваться. Он напряг зрение и слух, чтобы в диких выкриках, доносившихся из динамика, различить слова и цифры, подхватываемые и повторяемые, как эхо, толпой:

ДИНАМИК: *Куплю пятьдесят черных акций*
ЭКРАН: Курс: 29, 30, 31, 32, 33
ГОЛОСА: Слышите, Мюллеру нужен уголь
ЭКРАН: Курс: 35, 36…
ГОЛОСА:
Солиум испаряется
Рудокопы взбунтовались
Дело пахнет революцией
Они разрушили лестницу Р
Заминировали шахту Б
Я предлагаю пятьдесят
Держись
ЭКРАН: Курс: 38, 39…
ГОЛОСА:
Витек из Витковиц вылезает из берлоги
Голова еще не вылезла
Когда вылезет, ему ее оторвут
Предлагаю сорок
ДИНАМИК: *Куплено*
ГОЛОСА:
Муха проглотила слона
Сегодня я стал миллионером

Подождем еще…

Он с нами играет

Стать богаче, чем он, невозможно

ДИНАМИК: *Куплю 20 000 пар рук*

На экране вспыхивают курсы цен, но Брока они уже не интересуют. Он переходит от одной группы к другой, прислушиваясь к разговорам:

— Черные по два мюлдора!

— Мюллер берет только белых!

— Я купил желтых, они работают лучше!

— Но они быстро изнашиваются!

— Предлагаю белых по пяти мюлдоров. Товар из Испании!

— Они тупы и ленивы…

— Французы сноровистее, я выброшу их на рынок, когда поднимется франк…

ДИНАМИК: *Куплено. Продаю 50 вагонов таблеток «Окка»*

— Товар 256!

— Не надо! Старые запасы!

— Склады ломятся!

— Я купил неделю назад полвагона. Этого достаточно для тысячи желудков на пять лет!

— Да, мосье, таблетки дешевы, но зато желудки дороги!

— За три месяца мой завод превратился в боль-

ницу…

— Специфическое заболевание — высыхание крови…

— Т-с-с-с-с!

— А Индия — разве она не благодарна? А? Миллионы людей, которых спасли наши таблетки в голодный год!

— В конце концов любая машина когда-нибудь портится, а ведь человека не приходится чинить!

— Сама природа обеспечивает перепроизводство людей!

— Без таблеток, Великий Визирь, в наши дни не выдержишь конкуренции!

— Таблетка — это не пища, это масло, которое смазывает механизм!

— Голодный, жаждущий, ленивый, эротичный механизм! Разве он может приносить выгоду?

— Строго между нами, Ференц, даже аборигены их не жрут, не говоря о собаках!

— Я семь лет кормил ими патагонцев. Ни один не выжил…

— Т-с-с-с-с!

— Пан не понимает… Прошу пана. Пан должен уметь смазывать механизмы… 250 — пся крев!

— Господи боже, продолжают падать!

— Мы все пресыщены таблетками!

— Добрый Мюллер еще снизит цену… для нас, нищих…

ДИНАМИК: *Куплю полкилограмма радия*

— Слушайте, слушайте!

— Господа, кто может его нынче продать?

— А для чего он нужен, мосье Франк?

— Ему лучи нужны, синьора, ха-ха-ха (шопотом на ухо) для лечения рака — т-с-с-с!..

— Лично для него?

— Т-с-с-с!!!

ДИНАМИК: *Продается трон иранского шаха*

— Снова?

— Не удивляйтесь. Кто этого не испробовал…

— Алану Горру там было очень не по себе…

— …народ — это как мокрая тряпка; чем больше выжимаешь, тем меньше капает, милорд…

— …я просидел в Египте тридцать пять дней за пятнадцать мюлдоров… дорого мне это обошлось… Мне захотелось поцарствовать. И царем хорошим быть, и денег заработать. Но я оказался плохим царем, а бизнесменом — и того хуже… господи боже…

ДИНАМИК: *Сниму 564-й этаж в Мюллер-доме*

— Ха! За сколько?

— Я тоже сниму!

— За сколько?

— 750!

— Нужны помещения для канцелярий…

— Хочу организовать пансионат.

— Нужен склад!

— Начиная с девятой сотни и выше, поверьте господа, виден Гаурисанкар!

— Почему бы не поверить, ведь там — психиатрические, ха-ха-ха!

— Т-с-с-с!!!

— На вершине Мюллер-дома находится огромная подзорная труба. Если ваше высочество взглянет в нее на горизонт, то увидит там тоже Мюллер-дом и себя на его вершине, но, конечно, со спины — хи-хи-хи-хи…

— Т-с-с-с!!!

ДИНАМИК: *Продаю звезду К-99 вместе с нынешним урожаем*

— А что за урожай? Огурцы, бананы или помидоры?

— Они заинтересовались, герр Серафин! Неужели они думают, что Он соберет урожай, привезет его и сунет им под нос?

— Я вкусил яблока со звезды К-84! Их было только два: одно съел сам Великий Мюллер, а второе я. Оно мне обошлось в триста мюлдоров… Сло-

вами невозможно описать его вкус, ощущение во рту! Наслаждение райское, ваша солнечная светлость!

— Я пробовал кинесы со звезды К-74… ваше величество… Они слегка опьяняют, словно шампанское, в них содержится какой-то звездный алкоголь…

— Кому захочется лететь на К-99? Ну, допустим, я скуплю весь урожай. А кому его мне потом сбыть? Самому что ли все съесть?

— Я отведаю ядовитого огурчика и пойду, синьор, ладно?

— Т-с-с-с!!!

— Еще бы, теперь стало модным иметь собственную звезду! Представьте себе, дон Ортего де Коста, маркиза де ла Рошфуко тоже обзавелась звездой, хи-хи-хи-хи…

— Для нас это мертвый капитал!

— Ну, кто туда отважится полететь, герр Апфельбаум?

— У меня сын на Ж-19, он там уже пять лет…

— Еще никто не возвращался…

— Т-с-с-с!!!

— Надо быть сумасшедшим, чтобы из рая возвращаться в ад…

— Я всем доволен в Мюллер-доме, барон!

— Наш благодетель, наш великий отец и повелитель…

— Ну, конечно, все мы в руцех божьих, раз Он есть над нами…

— И Он нас простит, даже если мы, грешники, заблуждаемся…

ДИНАМИК: *1 мюлдор равен 932 дукатам*

— Послушайте, ваша милость, мюлдор упал!

— Упал!

— Впервые!

— Да, впервые!

— Не думаете ли вы?..

— Сохрани меня бог!

— А что вы знаете, ваша милость?

— Ничего не знаю, ничего не знаю…

— Ну, зачем же ломать комедию?

— Между нами, ваша милость, не думаете ли вы, что стычка в этом вертепе «Эльдорадо»…

— Значит, вы полагаете…

— Нет! Совсем не это! Абсолютная чепуха — разве что-нибудь может угрожать Мюллер-дому?..

— Конечно же нет, но…

— Но?

— Самому Мюллеру доложили о том, что там произошло! Нечто невероятное, немыслимое…

— Если верить Орсагу…

— Все говорят в один голос…
— Я ничего не понимаю!
— Чулков слышал голос!
— Орсаг его видел!
— Кого?
— Стеклянный сосуд наподобие человека!
— Существо из фарфора!
— Дьявола!
— Бога!
— Призрака!
— Чулков — старый болтун!
— Орсаг — курильщик опиума! Этот человек был не из стекла и не из фарфора, а из паров опиума!
— А вооруженная схватка с Незнакомцем?
— Бред пьяниц!
— А то, что Орсага вызвал сам Мюллер?'
— Тс-с-с-с!
ДИНАМИК: ***Продаю Мюллер-дом***
— Слушайте! Слушайте!
— Мюллер продает Мюллер-дом!
— Возможно ли?
— Что происходит?
— А вы, пан, не знаете? Это Он так часто с нами, своими подданными, шутит: так сказать, шалости великих…

— Он так прозорлив и великодушен! Поймите, сэр, Мюллер не ценит созданный им мир, он относится к нему даже пренебрежительно, он готов в любой момент разогнать всю эту барахолку! Он может продать и Мюллер-дом, ваше превосходительство…

— И продаст…

— Продаст…

— Продаст…

— Только для этого понадобятся два…

— И все-таки, ваше величество, с его стороны благородно…

— Мюллер — демократ!

— Филантроп!

— Скажите еще — социалист…

XXIII. „Покупаю!“— Два голоса начали борьбу — Петр Брок представляется Мюллеру — Свидание на улице Алисы Моор

В то время как подобные реплики, передаваемые друг другу на ухо, шелестели в разных уголках зала, голос из динамика раздался во второй раз:

— ***Продаю Мюллер-дом!***

— Покупаю!!!

Звук этого голоса обрушился на центр зала, одним ударом сорвав занавеси тайных сговоров, перешептываний, перемигиваний. Это был камень, брошенный в зеркало, в котором раболепно отражался зал.

— «Покупаю!» Человек, покупающий Мюллер-дом! Разве это возможно? Неужели не известно, что это знаменитая шутка Мюллера? Неужели среди нас есть кто-то могущественнее самого Мюллера? Ведь что такое Мюллер-дом? Золотой столб, воткнутый в ад и вознесшийся до небес!

Казалось, что даже голос, извергаемый хрустальной трубой, поперхнулся, от неожиданности

и смолк. Наступила жуткая тишина. Время словно застыло в неподвижности. Потом оцепенение прошло и хрустальная труба снова заговорила. Это уже был другой голос — твердый и жесткий. Он напоминал скрежет орудий пыток:

— Пусть человек, который покупает Мюллер-дом, выйдет вперед!

— Я здесь!

Петр Брок в этот момент действительно находился в центре зала. Он вскарабкался на гигантскую прозрачную статую Атланта, держащего на плечах золотой шар. Статуя внизу таяла, превращаясь в ничто, а золотой шар парил в пространстве, как гаснущее солнце.

И именно на этом шаре уселся Брок. Отсюда он мог, не боясь быть обнаруженным, задавать вопросы и выслушивать ответы. Брок отважился сделать этот ход в игре — инстинктивно он ощущал близость Агасфера Мюллера. Человека, который становился тем более загадочным, чем больше Брок пытался его разгадать. Который чем больше приближался, тем более далеким становился.

«Наконец-то я нашел место, где могу с ним поговорить! Если это действительно его голос звучит из хрустального горла, тем лучше! Познав

его голос, который отличишь и среди миллионов других, я наполовину познаю и его самого! Теперь только бы обнаружить рождающие его уста, где он стынет и затвердевает, словно раскаленный металл, сжигающий тела мучеников!»

Динамик прохрипел:

— Кто ты?

Ого, как любопытен господин Мюллер! Разве Он не всеведущ? Брок и сам точно не знает, кто он. А думать об этом — значит клещами сдавливать виски, пока не захрустят кости… И потом все это как-то связано с желтой лампочкой, возникающей в его снах! Нет! Думать об этом нельзя! Нужно верить документам, которые он носит прн себе. Поэтому он должен быть призраком, бродящим по Мюллер-дому, человеком без тела, голосом, который должен совершить убийство, чтобы заслужить искупление!

Динамик снова захрипел:

— Кто ты?

И детектив ответил:

— Петр Брок!

— Петр Брок? — повторил с необыкновенным презрением в голосе. — ***А я Агасфер Мюллер!***

— Твое имя меня не интересует!

Волнение цилиндров внизу превратилось в

настоящую бурю. На лицах застыл ужас. Чего добивается этот голос над их головами? Кто такой Петр Брок, которого не интересует имя Агасфера Мюллера?

Человека, которому принадлежит Вселенная?

Человека, всемогущего, как бог?

Неужели он еще более могуществен, этот второй голос, который звучит где-то в пространстве, насмехаясь над самим Мюллером?

Петр Брок!

Это имя человека или нового бога?

Одно бесспорно — два голоса сейчас мерятся силами! Они изучают друг друга, ведут разведку для будущей борьбы. Это понимал каждый. Но кто победит?

— Господин Мюллер! Я хочу с вами встретиться!

— Пусть Петр Брок зайдет к Бану Арабу, агенту № 199!

— Мне не нужен агент! Я требую встречи с Мюллером!

— Что задумал голос, который хочет купить Мюллер-дом?

— Сначала я хочу задать вопрос! Маленький вопрос на ухо! Почему вы решили продать свой домик, и притом так внезапно?

— Вопросы задаю я!

— Только после того, как вы ответите, господин Мюллер! Я знаю ваши пути, ведущие к звездам! Я проник в ваши кошмарные тайны! Звездный концерн «Вселенная»… Разве это не крематорий? Сколько у вас акций, господин Мюллер?

И как ни странно, уже другой, намного более старческий голос задумчиво ответил Броку:

— Хорошо, пусть Петр Брок придет сегодня вечером на улицу Алисы Моор, 354-й этаж, комната номер 99.

— С кем он там встретится?

— С Агасфером Мюллером!

XXIV. Святилище Агасфера Мюллера — Вино „Вознесение на небо“ — Петр Брок снова искушает бога Мюллера — Три выстрела в ковер

Представившись таким образом всемогущему Мюллеру, Петр Брок, однако, не решился сразу спуститься с золотого шара Атланта. Он подождал, пока толпа внизу не стала редеть и не начали гаснуть матовые гроздья на потолке. Неожиданно разом потухли все лампы. Тьма, беспросветная, черная, варварская, заживо погребла Брока!

О ужас! Как он отсюда выберется? Как найдет выход? Как вернется к принцессе, которую покинул на улице Берты Бретар?

Он уже начал жалеть, что поступил так легкомысленно: а вдруг ей сейчас угрожает опасность? А если ему не удастся найти дорогу назад?..

Брок спустился с шара на ковер и стал медленно двигаться вперед.

Неожиданно его рука коснулась чего-то холодного. А вот и стена, которая выведет его к свету! Скорее вперед! Он двинулся, скользя ладонью по

гладкому мрамору.

Наконец-то! Низкая дверь. Узкий коридор ив конце его снова дверь. Брок открыл ее. Стало светло.

Что это — храм, варьете, музей или, может быть, паноптикум? На ярком цветастом ковре стоят круглые столики, а вокруг них — глубокие фиолетовые кресла на колесах. Над спинками торчат головы людей, которые курят или потягивают горячую красную жидкость из серебряных бокалов. Аллея светящихся колонн ведет к постаменту, на котором под синим звездным куполом находится нечто похожее на алтарь. Вероятно, это действительно алтарь, судя по симметричному расположению электрических канделябров, цветов и пальм. Над алтарем в эллиптической рамке из лампочек сверкает изображение какого-то толстого, одетого в пурпур человека. Он восседает на троне, увенчанный короной, его окладистая борода книзу раздваивается. В одной руке у него, словно царская держава, — макет земного шара, а в другой, наподобие скипетра, — дом в тысячу этажей. Вокруг его головы сияет нимб из золотых звезд.

Это все тот же бодрый толстяк. Скульптурное изображение его Брок уже видел на бирже. Над

этим изображением горят расположенные полукругом фиолетовые буквы:

Богу Мюллеру!

Однако больше всего Брока поразило то, что он увидел по бокам святилища, если, конечно, это был храм. В меньших по размеру алтарях стоят восковые фигуры, изображающие юродивых и мучеников, которые качают головами, молитвенно складывают руки, шевелят губами, вращают глазами и механически передвигают какие-то непонятные предметы.

В одном из них под стеклом стоит восковая женщина в русом парике, белой тоге, с застывшей улыбкой на лице. Она глубоко и ровно дышит, ее грудь подымается и опускается, голова ее поворачивается тем трогательно-смешным движением кукольных принцесс, при котором корпус остается неподвижным. Рядом с ней на коленях стоит девочка, протягивающая вверх руки. Ее движения соответствуют поворотам головы дамы в белом. Внезапно руки упали и вновь стали подниматься.

Что-то особенно поразило Брока. Вначале он даже не мог понять, в чем дело. Потом понял. Нечто подобное он однажды уже видел. Это было очень давно… будто он вернулся туда, где был

тысячи лет назад… Ряды стеклянных гробов, и в них восковые фигуры былых героев, нечастое дыхание которых регулируется часовым механизмом. Вот лежит полная белотелая женщина, скрестив ладони на белом возвышении — чуть колышущейся в такт дыханию груди. Вот атаман шайки разбойников, здесь — убитый император, а рядом с ним — знаменитый убийца…

Где, где все это было? и когда?

Брок напряг все силы, чтобы вспомнить, и вдруг почувствовал, как виски сдавливаются клещами. Не обращая внимания на боль, он закрыл глаза и стал рыться в памяти. Вдруг он увидел желтую лампочку под балкой, изъеденные древоточцем столбы и серые нары, на которых что-то шевелится… Прочь! Прочь, кошмарный призрак! «Ведь я нахожусь сейчас в храме, построенном в честь всемогущего, вездесущего, двубородого бога Мюллера! Здесь полно верующих, они лениво развалились в светло-фиолетовых креслах и в ожидании чего-то потягивают из бокалов красную жидкость. Чуть подальше возвышается кафедра в виде золотой лилии. И наподобие огромного, чудовищного пестика через ее край переваливается жирное брюхо и голова в стеклянной девятиэтажной тиаре, над которой светится

лампочка».

Брок заметил, что на мясистом лице движутся губы. И только теперь он обратил внимание на чей-то голос, который не мешало бы послушать. Это молился жрец:

О повелитель, владыка и монарх наш.

ты, который зовешься Агасфером Мюллером,

что означает «Вечный странник, движущийся вверх»,

сотворивший дивное диво,

которое повергнет в изумление

все будущие поколения, — «Мюллердом» —

мост, ведущий в небеса…

Повелитель, монарх наш, Агасфер Мюллер,

заполняющий своим присутствием

все мировое пространство,

обрати к нам свой глас,

убеди усомнившихся…

Жрец откашлялся и простер руки вверх, словно и впрямь ожидал, что сейчас прозвучит глас

небесный.

Но так как никто не откликнулся на его призыв, ои продолжал молитву:

Пусть свершится воля твоя
как на Земле,
так и на звездах.
Услышь молитву нашу, Великий Мюллер,
единственный и вечный!
Как покорно мы просим тебя!
Молви одно-единственное слово,
и вином счастья наполнятся
души наши…

Жрец глубоко вздохнул и начал молитву в третий раз:

Всеведущий, вездесущий, всеслышащий Агасфер Мюллер,
движущийся вверх,
божество всех богов,
властелин и повелитель всех звезд!
Из миллионов ты выбрал эту планету,
чтобы пребывать на ней.

Свое небо ты создал здесь у нас,
и нашу планету ты сделал избранной,
божественной звездой,
повелитель Агас Мюллер,
вечный странник, движущийся вверх,
услышь наши молитвы!

— *Слышу!* — прозвучал мощный голос, раздавшийся из глубины купола.

Жрец завопил в религиозном экстазе, послышался звон колоколов, звуки органа и пение. Верующие встали и подняли бокалы. Чувствовалось, что этот ритуал повторяется каждый день.

Верховный жрец продолжал:

Господи боже,
создатель Мюллер-дома,
царь Земли,
властелин звезд!
Все тайны Вселенной
и душ людских
раскрываются
перед тобой,
ибо ты сам — величайшая

тайна мирозданья.

Ты всматриваешься в глубины бесконечности

и улыбаешься,

потому что видишь там

самого себя.

Ибо бесконечно зерцало твое.

Ты всматриваешься в глубины

душ людских — и плачешь,

ибо видишь на дне их

грехи наши

и считаешь удары предательских сердец...

Ты, который создал Мюллер-дом,

мост, ведущий на небеса,

отпусти нам грехи наши!

— *Отпускаю!* — ответил глас божий.

Затем началось моление, длинное и утомительное, во время которого имя Мюллера склонялось во всех падежах с тысячью различных эпитетов.

Наконец верховный жрец сошел с кафедры и, подойдя к главному алтарю, стал заклинать бога Мюллера, окруженного лампочками, умоляя его

сотворить в этот великий момент какое-нибудь чудо.

И сверху раздался голос:

Я сделал эту звезду сердцем Вселенной
и вошел в человеческое тело на тысячи лет.
Потом перейду па другую звезду,
чтобы строить Мюллер-дом —
дом в тысячу этажей.
Но вы, которые мне поклоняетесь,
вкушающие горячее вино
«Вознесение на небеса»,
символизирующее меня самого на этой планете,
вы все будете жить на звездах
прекраснее и счастливее этой!
Для грешников, поносителей и врагов своих
я уготовил огонь и адские муки
в девяти мирах.
Но вам, дети мои,
я уготовлю райские уголки на звездах,

которые вы сами выберете еще при жизни своей.

Поэтому говорю вам — не жалейте этой планеты!

Не мешкайте и присмотритесь к звездам,

выберите себе самые блаженные небеса!

Сомневающиеся!

Ведь для того я и вложил солиум

в недра этой земли,

для того я и создал корабли,

бороздящие океаны Вселенной,

чтобы приблизить к вам небосвод

и опустить звезды к ногам вашим!

Те, которые верят в меня,

жить будут в вечном

блаженстве на звездах,

которые они сами выберут.

Аминь, аминь, говорю я вам,

готовьтесь к далекому пути,

не бойтесь расставаний,

доверьте свои жизни

концерну «Вселенная»
который перевозит
небесных путешественников.

— Своре работорговцев и сжигателей трупов! Не верьте Мюллеру!

Это закричал Петр Брок. Ему захотелось снова спровоцировать этого фальшивого господа бога! Ему было безразлично, говорит ли это сам Мюллер или кто-нибудь играет роль бога Мюллера. Но его разозлило бесстыдное рекламирование концерна «Вселенная» лживым гласом божьим, продавшимся работорговцам.

Ужас охватил верующих. Молния испуга ударила в их воспаленный мозг и прошла по громоотводу нервов. Бокалы падали, люди шатались, теряя сознание от страха. А сверху несся голос:

— *Пришел дьявол, чтобы искушать бога!*

— Не дьявол и не бог, пришел человек, чтобы встретиться с негодяем, развратником и тысячекратным убийцей! Весь Мюллер-дом — это сплошной обман, сплошное мошенничество!

Выстрел!

Пуля свистнула над ухом Брока, словно бесстыжий уличный босяк.

Еще выстрел!

А теперь под носом, чтобы понюхал, чем пахнет. Вторая пуля ударила в ковер рядом с первой.

Внимание! Стреляют сверху!

Мишенью для того, кто находится наверху, является голос Брока. Да, вон из того окошка высунулась рука с браунингом!

Может быть, там Орсаг, который видит его своими линзами на висках?..

Снова выстрел. Пуля попала в ковер между отверстиями от двух предыдущих.

Четвертого выстрела Брок ждать не стал. Он бросился к выходу, запруженному охваченной паникой толпой. Брок прыгнул на месиво тел и по спинам и головам пробрался через ущелье портала, съехал вниз по лестнице и первым выбежал на улицу.

Как странно! Это опять была улица Анны Димер, та улица, в конце которой стояла биржа на стеклянных колоннах. Брок помнил, как из зала биржи он по черному ходу проник в святилище Мюллера. Но он не мог понять, какая между ними существует взаимосвязь. А теперь вместо биржи в конце улицы возвышался храм со сверкающей надписью:

Богу Мюллеру!

Это была загадка, решение которой Брок пока

отложил, потому что его волновал другой, более важный вопрос, занимавший все его мысли: что с принцессой, которую он так легкомысленно оставил на вилле «Тамара?» Не грозит ли ей опасность?

XXV. Лицо принца Ашоргена — Глаз Мюллера в спальне принцессы — Лифт в Гедонию — Снова желтая лампочка

Когда Брок прибежал к вилле, в которой он оставил принцессу, и стал вглядываться через прозрачные стены в комнаты, то он обнаружил, что все они изнутри занавешены шелковыми шторами, опускающимися с золотых держателей до пола. Из одной комнаты с лазурно-голубыми занавесками доносились два голоса — мужской и женский. Сквозь узкую щелку между занавесками Брок увидел сидящую принцессу и напротив нее на турецком диване — мужчину.

Подобраться к этой комнате, неслышно приоткрыть стеклянную дверь, проскользнуть в нее сквозь ресницы портьеры прямо на глазах незнакомца — все это Броку благодаря его невидимости удалось сделать быстрее и более ловко, чем он сам ожидал. Брок очутился в будуаре.

Лицо, которое он увидел на синем фоне занавески, было удивительным. Своей формой и пропорциями оно отличалось от всех когда-либо виденных им человеческих лиц. Появиться

на свет оно могло разве что на какой-нибудь иной планете. Само по себе оно, может, и было прекрасным, как прекрасна голова лошади, но в соседстве с настоящим человеческим лицом повергало в изумление.

Это лицо было очень узким и вытянутым. В профиль нос представлял собой великолепную дугу наподобие клюва попугая. Глубоко посаженные глаза переливались желтым, зеленым, коричневым и синим цветами, словно обладали способностью по желанию менять окраску. От носа тянулась очень длинная гладкая верхняя губа. Два седых клинышка элегантно подстриженной бородки были явно приклеены. Этот человек по крайней мере на две головы возвышался над принцессой, ноги его были длинными и топкими. Одежда на незнакомце — из белого шелка, как у игрока в теннис.

— Все зависит от вас, — говорил он, — ведь обо всем можно забыть. Ваш побег, принцесса, был смешон, но он вызвал у Великого Мюллера чувство уважения к вам…

— А как он узнал о моем побеге?

Принц Ашорген сочувственно усмехнулся:

— Разве он не всеведущ? Неужели вы всерьез думаете, что ускользнете от его всевидящего

ока? Он наблюдал за вашим побегом, следил за каждым вашим шагом точно так же, как и сейчас наблюдает за нами со своего неба…

Ашорген с лицемерным подобострастием указал на потолок, где было вставлено круглое стеклянное окно.

— Это и есть его око? — ужаснулась принцесса.

— Ну, конечно! На всех этажах, во всех комнатах он смотрит на свой народ днем и ночью…

— Но ведь и в моей спальне есть такое же зеркальце на потолке, — вскричала принцесса, — о бесстыдство!

— Но разве бог может быть бесстыдным, ведь он же всевидящ. Конечно, он смотрел и в вашу спальню, так же как и во все спальни, имеющиеся в Мюллер-доме! Поэтому вы и не должны его стесняться, ибо он знает вас так же хорошо, как если бы был вашим мужем, хотя он и ни разу еще вас не касался. Но теперь ему захотелось это сделать. Вы возбудили его желание! Пойдемте! Я поведу вас к нему!

— Никогда, — воскликнула принцесса. Она в смятении оглянулась вокруг, словно ища спасения.

— Вы горды, — сказал Ашорген, и его глаза потемнели. — Таких женщин в Мюллер-доме

немного! А Мюллеру нужны именно такие! Вам больше не придется танцевать! Он предлагает вам абсолютную свободу передвижения по всем этажам! Вы испытаете блаженство в райских уголках Гедонии, если пообещаете ему одну-единственную ночь!

— Лучше смерть, — мрачно ответила принцесса.

— Именно такого ответа и ждет Мюллер! Если бы вы бросились к нему в объятия, он отшвырнул бы вас! Он обожает сопротивление, мятежи, предательства со стороны не только мужчин, но и женщин! Он будет добиваться вас, пока вы будете упорствовать. А когда он получит свое, то в лучшем случае посвятит вам одну из улиц…

Принц Ашорген поставил маленький бронзовый светильник на стол прямо под параболическим стеклом на потолке. Он зажег его, из светильника вырвалось пламя, и круглое окошко покрылось синеватой пеленой.

Неожиданно принц, подняв голову к потолку, дико захохотал. Глаза его заблестели.

— Итак, моя милая, прекрасная Тамара! Агасфер Мюллер на десять минут оглох и ослеп! Мы можем делать все, что нам заблагорассудится, — он нас не видит… Не бойтесь Мюллера, пока

существую я! Лишь я могу вас вырвать из его когтей! Вы видите — ради одной вашей сверкающей царственной улыбки я готов предать своего повелителя!

Он хотел схватить ее за руки, но принцесса в ужасе отдернула их.

Принц сразу помрачнел.

— Не бойтесь меня! Я не обижу вас… Я хотел лишь убедить вас в своем могуществе! Но я хочу заслужить вашу любовь! Пойдемте со мной! Я покажу вам изнанку Мюллер-дома, все механизмы, благодаря которым совершаются чудеса, раскрою секреты Его невидимости, вездесущности и всеведения. Обо всех этих хитроумных приспособлениях и устройствах знаем лишь мы двое, Мюллер и я! Хотите идти со мной?

— Идите! Я с вами! — прошептал Брок и погладил локоть принцессы.

Но она внезапно схватила его за руку и крепко сжала ее. Брок вырвал свою руку. На чудовищном лице принца Ашоргена не отразилось ни малейшего беспокойства.

— Пойдете? — спросил он почти умоляюще.

Принцесса в испуге огляделась и тихо ответила:

— Пойду!

Когда они падали в мягко устланном коврами лифте куда-то в пропасть, Брок снова ощутил, что с его глазами происходит что-то странное: стоило ему их закрыть, как он видел вокруг себя совершенно другой мир. И такой реальный, словно это не сон! Каждый раз возникала одна и та же проклятая пещера внутри пустого черепа, которая приснилась ему в первый раз. Снова желтая лампочка… Всевидящее стеклянное око Мюллера превратилось в дыру в черепе, оставшуюся от сгнившего глазного яблока.

Эта дыра — окно в бараке, за которым воет дикая снежная пурга… Вместо тысячи этажей всего три серых настила нар, и на них лежат скорчившиеся люди. Подбородки уткнулись в колени, дыхание согревает стынущую грудь. Но это видение возникает, лишь когда закроешь глаза. Стоит их открыть, как сразу оказываешься в Мюллер-доме. Падая куда-то в пропасть, стоишь рядом с принцессой и видишь перед собой птичье лицо принца Ашоргена, который предал бога Мюллера!

Как долго мы летим?

Осторожно!

Ни в коем случае не закрывать глаз!

Сон готов окутать тебя…

И чтобы убедиться, что твоя принцесса — не сон, надо коснуться ее, и в ответ она улыбнется…

Итак, мы летим в Гедонию…

XXVI. Монте-Карло в Гедонии — Балерина на пуантах — „Не верю я вашим звездам…“ — Император Марлон, божество Великого Солнца — Принцесса выигрывает — „Это вам на дорогу!“

В лучах света утопает красный зал, сделанный в форме безукоризненного конуса. В центре стоит круглый стол и на нем — фигурка танцующей балерины из слоновой кости. Брок подходит к столу и видит гладко отполированную мозаику из драгоценных камней и дорогих пород дерева. Это карта мира. По ней кружится балерина на усыпанных бриллиантами пуантах. Игроки указывают цвет государств, — империй и островов, на которые они ставят. Выигрывает тот, на чьей территории остановится балерина, закончив последнее па. Если она остановится на воде, выигрыш сгребает владелец игорного дома. Чем меньше территория, тем больше выигрыш.

Стремительная балерина мчится на бриллиантовых пуантах по континентам, морям и островам. Она движется по все более крутой спирали, пересекает Урал и начинает кружиться

по Сибири. Затем направляется к югу, уже покачиваясь, преодолевает пустыню Гоби и падает, обессилев, где-то в Индокитае.

— Цвет лунного камня. Сингапур. Выигрывает 29-й…

Все подняли глаза на худощавое желтоватое лицо.

— Маньчжурский наместник Ша-Ра, — послышался шепот.

У него на лице не дрогнул ни один мускул. Лишь косые глаза — черные точки зрачков — лихорадочно следят за стекающимся к нему золотом.

А балерина снова танцует, золото звенит, груды золотых мюлдоров растут и снова рушатся…

Брок, стоя у стола, кладет руку на груду золота:

«Стоит мне захотеть, и все это будет моим! Оказывается, могущество руки можно оценить, лишь положив ее на золотую кучу! Не это ли Жидкие горы, о которых там, наверху, упоминал старик? Труд одного рабочего в течение года оценивается в один мюлдор! Какой невероятный курс!»

— Один мюлдор равен шести миллиардам лир, — раздается за решеткой окна в наклонной стене, над которым написано:

ОБМЕН ДЕНЕГ

Брок взял из ближайшей груды одну монету.

На лицевой стороне было изображено солнце, на оборотной — звезды!

Но кто эти люди с раздвоенными бородками, которые щедрой рукой, словно зерна птицам, швыряют золото на расцвеченные участки земного шара?

— Посмотрите, принцесса, — Ашорген склоняется к своей даме, — новый король Сицилии Малькольм Брукс-паша! А рядом — одноглазый с золотым воротником — это Ламартен, арендатор Сахары. Он всюду до сих пор побеждал, лишь здесь терпит поражение — в «Балетке»… А вон тот в фиолетовом костюме, с треугольником на груди — Сикстус, верховный жрец бога Мюллера, бывший барышник. Этот негр — боксер Кайманн. Он разговаривает с адмиралом Д'Артуа, который пользуется временно титулом «Императора всех морей и распорядителя океанами». А толстяк рядом — это ведь Дар-Густ, сезонный инспектор африканского побережья, он может себе это позволить, так как управляет казной Мюллера. За ним стоит лорд Эверс, секретный шеф-редактор всех газет старого континента. А вон тот стручок с зеленой бородкой — у него на Марсе пароходная компания…

— Я не верю в эти ваши звезды, — вскрича-

ла принцесса так громко, что несколько бород вздрогнуло от испуга.

— Замолчите, ради бога, — злобно прошипел принц Ашорген, сжав ее запястье, затем добавил спокойнее: — Если бы вас услышал этот зеленоволосый коротышка, от вас осталось бы одно воспоминание!

— Разве они не знают, что это обман?

— Тихо, тихо! Все это знают, тем не менее делают вид, что они этому верят. Такова воля нашего благодетеля! — неожиданно закричал принц и с опаской взглянул на круглое окно на потолке.

В этот момент к нему подошел красавец-старик. Его совершенно голый череп блестел от пота, отражая хрустальную люстру, подвешенную к вершине конуса.

Правые руки мужчин слились в рукопожатии.

— Слава Мюллеру, цезарь, — сердечно воскликнул Ашорген, — что нового на вашем Солнце?

— Благодарю за внимание, принц, — ответил старик, и кожа на лбу и до половины черепа собралась в морщины, — с ним одни заботы… Я там был неделю назад… И скажу я вам, действительно трудно быть богом справедливым! Я прекрасно понимаю Великого Мюллера, когда он мне жалуется на бремя своего божественного

положения…

— Это принцесса Тамара, — представил ее Ашорген. — Император Марлок, бог великого Солнца А-III.

— Я уже слышал о вас, принцесса, — усмехнулся череп. — Вы, говорят, побывали на ЗБ-1… в созвездии Гномов.

Принцесса готова была возразить, но Ашорген опять сжал ей руку и, опережая ее, сказал:

— Это понятно, ей захотелось маленьких живых куколок, она мечтала привезти в свою детскую живые игрушки. Она же еще ребенок… Ну, а в балетной рулетке вам везёт? — быстро спросил он, чтобы переменить тему.

— Я всегда ставлю на черную территорию Индостана, — ответил голый череп, — один раз я выиграл, и этих денег мне хватит еще на 468 проигрышей. Это маленькая страна, принц.

— А вы хотите сыграть? — спросил принц у принцессы.

— Спасибо, я, пожалуй, сыграю, — принцесса улыбнулась как во сне, — я поставлю на свою страну! Она лежит на берегу Северного моря, там правит мой старый отец…

— Я бы вам не советовал, — сказал принц. — Смотрите, какую ничтожную часть карты мира

занимает ваша страна. Она похожа на комара на теле мамонта…

— И все же я поставлю на царство, которое я проиграла… Быть может, сбудется моя заветная мечта…

— Если вы выиграете, — усмехнулся Ашорген, — к золоту, которое вы получите, я добавлю эту вашу империю!

— И я смогу вернуться домой? — наивно спросила она, прижав к груди руки.

— Ну, конечно! Я сам вас туда отвезу на своей ласточке, — шепнул он, наклонившись к ее ушку.

Принцесса поставила фишку на красную, едва заметную крапинку, на которую еще никто никогда не ставил. Поэтому и выигрыш должен был быть очень большим.

Балерина вновь начала свой танец, выбежав с «Острова Гордыни», который являлся центром Земли. Она скользит по морям и сушам, а за ней наблюдают лихорадочно блестящие глаза. Она проносится по лазури океанов, после стремительного бега начинает балансировать на сероватых тонах Балкан, преодолевает горы, уходит все дальше на Север, и никто не видит руки, которая направляет ее бег…

Но вот внезапная судорога сводит ее мускулы, предвещая близкое окончание танца. Еще несколько неуверенных движений, и балерина падает, уткнувшись острием в красную крапинку на берегу моря.

Это дело рук Брока.

Принцесса сгребает целую гору золота, провожаемая устремленными на нее со всех сторон изумленными взглядами.

— Это на дорогу, — говорит принцесса, в то время как Ашорген обменивает золото на крупинки солиума, которые он прячет в сумку, и поспешно тянет принцессу к двери.

Следующий зал. Но здесь уже нет карты мира, видно лишь черное небо, усеянное звездами. И ставка здесь — тоже звезды. Брока интересует и эта игра, но времени нет. Принц Ашорген быстро проходит зал, увлекая за собой принцессу.

XXVII. Опочивальня блаженных снов — Культ наслаждения — Небожители под прозрачным потолком начинают беспокоиться — Откушенный палец

Они входят в новое, не менее удивительное помещение, одновременно и спальню и киностудию.

На роскошных диванах развалясь лежат отрешившиеся от всего спящие люди. Их открытые глаза наполовину вылезли из орбит, зрачки расширены, как клякса на промокашке. Над ними трещат кинокамеры с вращающимися катушками, объективы направлены прямо в глаза спящих.

— Это опочивальня блаженных снов, — говорит Ашорген, — сонные порошки, которые сюда контрабандой завозят из Вест-Вестера, странным способом воздействуют на человеческое зрение. В зрачках людей, одурманенных этими порошками, возникают волшебные, экзотические, невероятные сны. Кинокомпания «Сонфильм» нанимает этих несчастных, ставших полуидиотами от постоянного употребления губительных

пилюль и порошков. Снятые в их глазах сны-кинокартины затем демонстрируются на шелковых экранах гедонийских кинотеатров.

Ашорген наклонился к принцессе и сказал доверительным тоном:

— Я покажу вам фильм, снятый в зрачках одного пьяницы (он пользуется только таблетками «Фока»), и вы будете поражены, сколь изобретательна любовь в своей фантазии! Вам одной я могу раскрыть тайну, что эти цветные пластические фильмы использует «Сонфильм», чтобы демонстрировать эмигрантам эротику на несуществующих звездах…

Потом они очутились на огромной арене, так ярко сверкающей, что Брок на мгновение ослеп. Когда он, наконец, освоился, то его буквально ошеломило множество впечатлений.

Во-первых, сверху падали розы. Собственно, это были даже не розы, а розовые снежинки, которые покрывали возвышающиеся над полом цветные холмы и гнезда всевозможных форм, размеров и оттенков, сделанные из эластичного каучука.

Внезапно в ушах Брока зазвучала приглушенная, словно из подземелья, музыка, влекущая своей обманчивой отдаленностью, — то ли скрипка играет где-то на вершине горы, то ли

виолончель плачет на дне пропасти…

Он подставил ладони розовым хлопьям, которые разбрызгивал хрустальный фонтан в центре зала, и почувствовал наслаждение от жгучего холода. Это было мучительно сладостное прикосновение страшного холода, ощущение прохлады в непереносимую жару. Его словно пытали жаждой и в то же время давали возможность утолить ее…

Вокруг лежали, погрузившись в подушки, мужчины и женщины. Жемчужные ожерелья и кружево на бедрах были единственной их одеждой. Они хватали розовые хлопья губами, подставляли им спины, животы, грудь. Нагие рабыни носили на головах золотые блюда с дивными лакомствами и плодами.

Глаза всех устремлены к потолку. Прозрачная плита вместо потолка, и на ней танцуют обнаженные мужчины и женщины. Их бедра колышатся в ритме музыки, руки ловят знаки любви и вожделения, ноги изгибаются так, словно в них нет суставов.

— Это жрецы культа наслаждений, — говорит Ашорген принцессе, которая закрывает глаза ладонями. — Вкусите эти хлопья — снег любви со звезды Андрадия. Он растает на кончике язы-

ка, и вы простите всех, кто поклоняется богине Андрадии.

Он сжал локоть принцессы и опустил ее руку в фонтан. Принцесса задрожала и подставила под розовые струи все лицо. Она закрыла глаза и разомкнула губы. Ашорген победно улыбнулся.

— А теперь, моя девочка, взгляните вверх! Там вы должны были танцевать — на ваши бедра смотрели бы эти импотенты! Но теперь вы сами можете наслаждаться подобным зрелищем. Вы узнаете блаженства иные, более тонкие, ведь мы только лишь начали свой путь по небесам!

Принц Ашорген обнял принцессу за талию и мягко прижался к ней. Она не сопротивлялась. Если бы в этот момент Брок взглянул в ее глаза, то он увидел бы, что ее веки дрожат от желания, как от холода, что из ее губ, разомкнутых страстью и ловящих розовые хлопья, вырывается тяжелое дыхание.

Но Брок этого не видел. Среди запорошенных розовым снегом лиц он узнал лживую маску добряка — адмирала в темных очках. Борода его торчала вверх, он лениво потягивался, по пояс утопая в подушках, а на голой груди лежала серебряная звезда. Брок поинтересовался, о чем он разговаривает с окружавшими его людьми.

Все они лежали на спинах, лениво глядя вверх и изредка стряхивая с тела росу от растаявших снежинок.

— Вы верите в чудеса, адмирал?

— Чепуха!

— А как вы объясните все то, что происходит сейчас в Мюллер-доме?

— У нашего Великого Мюллера должны быть и великие враги! Он может гордиться ими…

— До сих пор он уничтожал каждого, кто вставал на его пути!

— Но на этот раз опасность грозит с другой стороны…

— Вы хотите сказать — сверху?

— Пока что над нами — чудесные картины…'Революция стройных ножек, волнение крутых бедер…

— Смотрите, кардинал, вон те прекрасные ноги я бы узнал среди миллионов…

— Сула Мая… она даже научилась танцевать…

— А вон те девственные икры…

— А вы разве их еще не целовали?

— Мюллер не боится даже дьявола…

— Не сомневаюсь. Но прежде чем уничтожить этого дьявола, он должен его увидеть!

— Смотрите! Танцует Анна Мартон! Неземное

зрелище!

— Восставшие рабы спустились на шестьдесят этажей!

— Каждый день по этажу!

— Ну, значит, их отделяют от небес еще два года!

Говорят, Витек из Витковиц сошел с ума…

— Ничего подобного. Он убит!

— Его отравили!

— Я слышал, что он за ночь постарел на пятьдесят лет!

— Смотрите! Кая Варандо танцует в «Балетке» на карте мира!

— Она обошлась мне в шестьдесят тысяч… Я сто раз ставил на Сирию — и каждый раз проигрывал!

— Как вы думаете, адмирал, кто может отважиться?..

— Слышен голос…

— Но где же тело?.. Тело, из которого брызнула бы кровь, которое можно повалить на землю?..

— Человек без тела!

— Чепуха!

— Это бог!

— Он могуществен!

— Голос из загробного мира!

— Враждебная сила звезд!

— Никакой метафизики, сэр! Это опасность намного более страшная, чем все голоса земных недр и звездные силы! Это человек!

— Человек? Вы сошли с ума!

— Не один человек, а группа людей, которые пробрались в наши ряды. Они вращаются среди нас, поклоняются Мюллеру и чтят его, у них много золота, чтобы раскрыть все тайны Мюллер-дома! Да, господа, среди нас — предатели!

— А схватка в «Эльдорадо»?

— А словесная дуэль на бирже?

— А позор в святилище Мюллера?

— В «Эльдорадо» стреляли!

— В храме тоже!

— Тайна «Вселенной» раскрыта!

— Ее акции упали с сорока тысяч до двадцати!

— У меня сто акций!

— Если мы не уничтожим эту силу, она уничтожит нас!

— Чего вы боитесь? С нами — Мюллер!

— С нами он и падет!

— Тс-с-с!

— Господа, я знаю, как называется эта кошмарная энергия, которая может нас погубить!

— Как?!

— Петр Брок!

— Ну еще бы, ведь он сам себя так назвал, когда Великий Мюллер на бирже спросил, с кем он имеет честь говорить!

— А сегодня якобы они оба встретятся на улице Алисы Моор в номере 99!

— Мюллер и Брок!

— 99 — это зал пустых зеркал!

— Электрический пол с люком, куда он провалится!

— Там сошел с ума Вернер, руководитель первого мятежа…

— Там исчез Андре, непокорный редактор «Верхних этажей»!

— Оттуда уже не вышел предатель Олим!

— А если голос не придет в номер 99?

— Придет!

— А если он не найдет туда дорогу?

— Но он же находится всюду!

— Значит, он вездесущ?

— Как бог Мюллер!

— Значит, это новый бог!

— Значит, он находится и под этим потолком — среди нас!

— Попробуйте позвать его. Увидите, что он отзовется!

— Нет! Не надо играть с огнем!

— Мюллер над нами. Чего вы боитесь?

— Танцует Дора О'Брайен, красивейшая женщина Парижа!

— Трусы, сумасшедшие! Я позову его!

— Тише! Ради всех звезд — тише!

— Петр Брок!

— Остановитесь!

— Петр Брок! Если ты, чучело гороховое, находишься среди нас — явись!

— Молчите! Молчите!

— Если можешь, сотвори чудо, и я поверю в тебя!

— Хватит!

— Петр Брок! Я — банкир Салмон, и вот моя рука. Если ты так могуществен (банкир поднял руку вверх), то укуси меня за средний палец!

И вдруг банкир заорал нечеловеческим голосом. Короткая, острая боль — перекушен нерв, фонтан крови и средний палец с широким черным перстнем валяется на блюде, окропив белый салат из съедобных гиацинтов.

Ужас отразился на всех лицах.

Бледные щеки покрылись красными пятнами, красные посинели, синие от страха стали черными.

Но что Броку до выражения лиц этого похотливого сброда под прозрачной плитой? Среди смятения и паники, охвативших поклонников богини Андрадии, он увидел принцессу в объятиях Ашоргена, уносившего ее в направлении, противоположном тому, куда бежали все остальные.

Он бросился за ней.

Принцесса скрылась за тяжелой, висящей в углу портьерой кораллового цвета. Брок распахнул ее и натолкнулся на белую дверь.

Он открыл дверь, но впереди ничего не было видно.

XXVIII. Белая тьма — Запах и воспоминания — Снова лампочка — „Это мое прошлое“

Молочно-белый туман с опаловым оттенком преградил ему дорогу. Брок в нерешительности остановился, протер глаза и начал ощупывать все вокруг себя.

В трех шагах перед ним растворились две фигуры — черная и белая, принцесса и Ашорген. Брок прыгнул в туман, вытянув вперед руки, но поймал пустоту. Белая тьма ослепила его. Опаловая тишина оглушила.

Он побежал в том направлении, где исчезла принцесса. Он кричал и размахивал руками, как птица- сломанными крыльями. Туман начал его душить, он звенел в ушах странной мелодией. Нет, это поет не туман! Это кровь клокочет в его жилах!

С каждым шагом страх все сильнее овладевал им. Ноги подгибались, так как казалось, что отовсюду из обволакивающего тумана грозит опасность. Его охватил ужас. Он шел вперед в одном и том же направлении — долго, невероятно

долго — и никак не мог дойти до конца…

Внезапно он остановился. Он боялся сделать шаг вперед, боялся повернуть назад! Он тонул, он остался один посреди белой тьмы, покинутый людьми и вещами, растворился в бесконечной туманности. Он погиб, его поглотила белая тьма, которая пропитывает, заполняет его. Его труп будет лежать долго-долго, пока наконец не исчезнет это белое ничто и не придут люди, которые, не видя его, будут идти по нему.

Двигаться он больше не мог. Ноги увязли в тяжелом тумане. Он сел и заплакал.

И вдруг — дуновение ветерка. Странный запах щекочет нос. Запах так силен, что Брок едва не потерял сознание, он действует на мозг, как алкоголь. Усыпляет и бередит воспоминания, рисуя удивительные картины. Но что это так пахнет — еле слышно и сладко? Это скошенная трава на лесной опушке. Запах от стогов сена поднимается к солнцу, как дым из ритуальных жертвенников.

«Я тоже лежу на этой опушке — под головой стог, в волосах — сено, и весь я усыпан сохнущими горными травами.

Но стоит открыть глаза, и я вижу туман, густой как сметана. Надо вспомнить… Принцесса убежала, а музыка играет где-то в центре Вселенной…

Но этот запах, откуда он и что означает? Эта дивная мелодия запаха, которая дразнит и мучает еще сильнее, чем грустные звуки виолончели и скрипки…

Я ощущаю во рту прелый вкус лесных испарений — мха и хвои, ягод и древесной смолы. Вижу холодный родник в зеленом кружеве папоротника. Лесные птицы и олени пьют здесь воду…

Но теперь и лесные запахи растворились в белом тумане. И вот уже откуда-то веет другой ветер, другой запах. Кажется, что где-то хлопают паруса. Влажный аромат моря. Запах соли, рыбьей чешуи, тающего в теплом море ледника. Загадочный остров, мимо которого плывет корабль. Там живут люди, ибо до меня доносится запах пота и дым очагов. Но и это ощущение исчезает.

А теперь я уже вдыхаю совершенно иной запах, который будит странные, давно забытые воспоминания. Жар кухонной печи, пары, поднимающиеся от горшков и возвещающие близость обеда. И вдруг — сквозняк от резко распахнувшейся двери. Чей-то голос кричит: «Война!» И снова все бесследно исчезает.

А вот это — цветут ландыши… нет, это не ландыши, это духи любимой. Она склоняется ко мне,

и я зарываюсь в ее волосы, чтобы ощутить новые запахи…

А это уже пахнет ночь. Пахнет луна, боже мой, это — расставание, это зеленый аромат озера, нет, слез! Это плачет любимая…

Запахи быстро чередуются.

Смрад паровоза и сажи.

Тяжелый дух из теплушек — шесть лошадей, тридцать человек…

Убийственная атмосфера грязи, водки, вонючих ног и отхожих ям.

Даль.

Свежеразрытая земля.

Порох.

Дым пепелищ.

Кровь.

Гниль отбросов, содержимого консервных банок, разлагающихся ран, карболка, вонь раздавленных клопов, черные, обмороженные части тела, гниющие под грязными повязками.

У потолка смердит желтая керосиновая лампа.

Брок вскочил. «Это… это мое прошлое! Это воспоминания, которые я утратил. Скорее! Скорее!» Он протянул руки. Ничего! Белый туман. Черная принцесса…

Нет иного прошлого, кроме Мюллер-дома…

Силы вернулись, и он помчался вперед, вперед...

И вдруг — протянутая рука натыкается на мягкую шелковую ткань. Резкий взмах — и Петр Брок замирает в изумлении.

XXIX. О звезде Ашоргенетеррамолистерген — Принцесса Тамара готова полюбить принца Ашоргена — „…наше ложе ждет…“ — Петр Брок снова пользуется тем, что он невидим

Он очутился на пороге голубого будуара принцессы. Круглое око Мюллера, наблюдающее с потолка, снова подернуто голубой пеленой. Но светильник давно догорел. На синем диване сидит принцесса. Она переоделась. На ней голубое платье — под цвет штор на стенах. В ее руке сигарета, а у губ, раскрытых в дерзкой, вызывающей улыбке, — высокий бокал с вином. Огонек сигареты описывает широкую дугу. Хрустальный бокал и горло принцессы сливаются в один сосуд.

Но самое ужасное, что ее тонкую талию обнимает длинная рука принца Ашоргена! А принцесса смеется! Она хохочет, запрокинув голову назад. Рука Ашоргена опускается все ниже, она обвивает стан принцессы, подобно удаву, который душит свою жертву. Он целует ее волосы и шепчет:

— Моя звездочка, мой серебряный колокольчик, выпей еще, это напиток из опьяняющего

ледника моей родной планеты. Ты все это уже знаешь… Я родился на звезде Ашоргенетеррамолистерген, запомни это хорошенько, ты должна это помнить, такова моя воля! Может быть, ты не веришь?

— Нет, я верю…

— Теперь ты веришь в звезды?

— Я верю всему, что ты говоришь!

— На дне бокала — образ моей звезды. Ты будешь видеть ее каждый раз, как только допьешь до дна. Выпей!

Принцесса послушно выпила и снова начала смеяться.

— Хватит, хватит смеяться! Проглоти свой бубенчик! Золотце мое, я буду любить тебя так, как любят на звезде Ашоргенетеррамолистерген. Я научу тебя новой любви, а ты мне покажешь, как умеешь любить ты…

Рука, обнимающая талию, ползет по груди вверх к шее.

— Хочешь?

— Хочу!

— Дай мне свою руку, я покрою ее поцелуями… ты, наверное, будешь из-за меня страдать, но твоя любовь тебя излечит. Самочка моя земная, ты любишь меня, действительно любишь?

Принцесса, ласкаясь, кладет голову ему на плечо. Лапа принца все крепче сжимает ее бедра.

— Целуй меня, Тамара! Прикоснись к моим губам, ведь так начинается любовь на этой звездочке!

Она страстно обвила шею Ашоргена.

Брок закрыл ладонями глаза. Возможно ли это? Принцесса Тамара, его принцесса, заточенная в этой вавилонской башне и ожидающая освобождения, бесстыдно целует это чудовище своими девственными, неосквернеными губами!

— Смотри, милая, наше ложе готово!

Принцесса встает и идет…

«Ну конечно же, это принц, а кто такой я? Ничто, невидимое ничто! Но ведь я для того и проник в Мюллер-дом, для того и согласился на эту метаморфозу, чтобы найти, защитить и освободить ее! Разве я не предупредил, что буду ее охранять? Ведь она чувствовала прикосновение моей руки! А ее загадочная улыбка — разве это не был ответ на мои слова?

О бесстыжая предательница!

Единственный светлый луч в Мюллер-доме для меня погас! Как я мог мечтать о ее любви? Кого же любить, ведь я невидим?..

Прочь! Прочь отсюда!

Еще один, последний, прощальный взгляд на принцессу. Она подняла локти, подобные тонким ручкам античной амфоры, и, стоя перед зеркалом, смеется…

Боже, но где же глаза принцессы? Они прикрыты тяжелыми веками! Принцесса смеется с закрытыми глазами! Рот ее полон смеха, но глаза — спят…»

Только теперь Брок понял, в чем дело!

Гипноз!

Он увидел, как горящие глаза Ашоргена стерегут в зеркале отражение принцессы.

Терпение Брока лопнуло. Он бросился к Ашоргену и со злостью ударил кулаком по длинной верхней губе, тянущейся от носа. Именно это место само напрашивалось для удара, ибо казалось наиболее чувствительным на лице. Принц беззвучно повалился на пол. Брок разорвал одну из занавесок и связал руки и ноги Ашоргена. Затем куском тряпки заткнул ему рот и затолкал безвольное тело под ложе. После этого он повернулся к принцессе.

Но принцесса ничего не видела и не слышала. По какой-то инерции она продолжала исполнять гипнотические приказы того, кто сейчас валялся под кроватью. Шелковые складки дрожат от тре-

пета ее пальцев, будто она держит в них ключи от потайных дверей, скрытых в белых облаках. Принцесса раздевается… Брок хочет крикнуть, предупредить ее, разбудить, но внезапно…

XXX. Принцесса Тамара думает, что она одна — Осторожнее, Петр Брок! — Руки можно схватить только руками

Он взглянул на ее глаза, открывшиеся перед зеркалом. Принцесса увидела в зеркале свое странное пробуждение и, удивленная, смотрела на свое изумление. Ей казалось, что она очнулась от тяжелого сна. Она в смятении оглянулась и протерла глаза. Но ее пальцы окончательно сняли сон, который она хотела удержать. Взбитые белые подушки манят ее… Брок, напрягшись до предела, наблюдает, как она медленно и беспечно раздевается, думая, что в комнате кроме нее и зеркала никого нет.

«Что же делать? Нет, теперь уже нельзя раскрыть себя… Поздно! Но я буду зорко охранять ее сон. Ведь она даже не догадывается, что под ее ложем лежит чудовищный Ашорген с кляпом во рту. А что, если он очнется и избавится от пут?

Я должен остаться здесь!»

Он сжался в углу, стиснув зубы, и затаил дыхание. И вдруг от безумной мысли у него потемнело в глазах.

Розовая лента с кружевом — как сладостное обещание, которое должно исполнить спрятанное под рубашкой сонное тело. Прочь, прочь — эта мысль! Только приблизиться к ее устам — о блаженство…

Её волосы, губы, глаза — какой дивный цветок расцвел на стебле белой шеи! Лицо — это самое прекрасное, самое драгоценное, что есть у женщины, ее раскрытые глаза волнуют и влекут вас… Но вот она улыбается и становится еще более прекрасной, ибо к радужной гамме добавляется еще один цвет — белоснежный!

Вот уже туфельки качаются на кончиках пальцев и падают. Брок не успел перевести дыхание, как сверкнули колени, икры и тончайшие чулки сброшенной змеиной кожей легли на пол. Гладкое зеркало отражает эту красоту — порхающие руки и груди, выглядывающие из-под пены кружев.

Затаив дыхание, Брок следит за этой игрой. Он смотрит, как она потягивается с ленивой улыбкой в своем победном одиночестве. Словно она устала от долгого притворства перед людьми и с наслаждением сбросила маску, чтобы дать отдохнуть своему лицу и опять ненадолго стать самой собой!

Нежные слова, как листья, не срываясь, трепещут на ее губах.

— Я принцесса… нет, я не принцесса, — шепчут губы. На холодной поверхности зеркала слова превращаются в туманное облачко. Она стирает его ладонью и смотрит на себя. В неожиданном изумлении, словно впервые увидя себя, друг против друга застывают две пары глаз.

Брок уже не в силах владеть собой, кровь глухими ударами стучит в висках. Но комок страха подступил к горлу. Как открыть принцессе свое присутствие? Как выразить свою нежность, любовь? Ведь стоит произнести слово, как чудесное видение исчезнет! Как обнять ее? «От первого моего прикосновения она даже не дрогнет, может быть, лишь шевельнется рука, чтобы смахнуть легкий зуд. Но что будет дальше? Она встревожится, потом испугается и закричит от ужаса!»

Петр Брок приготовил тысячи слов, которыми он засыплет, опутает, уговорит принцессу. И все же — не окажутся ли беспомощными все эти слова, если она не увидит глаз, в которых можно утонуть, человеческого тела, в котором пульсирует горячая кровь и которое можно ощутить, обнять?

Принцесса подходит к постели, откидывает

покрывало, разглаживает ладонями подушку — и вот уже склоняется на нее, охваченная сладкой истомой. Руки она кладет под голову, глаза устремлены к потолку, но, погруженная в свои мысли, она не видит золотых звезд, вытканных на голубом балдахине. От этих мыслей пылает лицо и голова идет кругом.

Брок на носках, едва касаясь ковра, крадется к ложу. В следующий момент что-то должно произойти, но что?

Лицо Брока склоняется над ее губами. Она смотрит на него огромными неподвижными глазами и все же не видит его. Расстояние между ними медленно, но неотвратимо сокращается. Еще мгновение, и его набухшие, пылающие губы накрывают ее влажный, полуоткрытый рот.

Как странно! Ничто не дрогнуло на лице принцессы. Лишь взгляд внезапно стал внимательным, острым, будто она в мыслях вернулась откуда-то издалека. И губы округлились в кроваво-красную розу. Ее руки протянулись к нему двумя дугами, но Брок на этот раз сумел от них ускользнуть. Когда опасность миновала и разочарованные руки снова упали, он отважился на новый шаг. Он прижался губами к ее шее.

Не забывай, Петр Брок, что у принцессы тоже

есть руки и тебе не удастся ускользнуть от них. Вот твои волосы, твое лицо, к нему мы еще вернемся, но вот, вот твои руки, которые предают тебя на каждом сантиметре ее тела! А руки можно схватить только руками…

XXXI. Петр Брок лжет — „... у меня еще нет лица...“ — Мюллер напоминает Броку о свидании —„....жду тебя...“

Их руки встретились и губы снова слились. Принцесса шепчет:

— Кто ты, кто ты?

Брок молчит, целуя ее.

— Скажи, ты тот бог, который охраняет меня?

— Да, бог, — отвечает Брок трусливо, так как боится потерять свою добычу.

— Бог, — повторяет принцесса, — но какой бог?

— Добрый. — Брок полагает, что нашел хороший ответ.

— Я знаю, что добрый, — вновь отводит губы принцесса, — но молодой ли?

— Молодой, — сказал Брок. Он и сам не знает, но это тот момент, когда надо дать ответ! Сейчас начнется экзамен, но он заранее знает, что выдержит его, обязательно выдержит...

— Молодой, — повторила она, — и красивый?

— Это мне не известно, — признался Брок.

Пальцы принцессы побежали по его лицу. Они нашли нос, губы, глаза... но как обнаружить

молодость и красоту? Если бы она была слепой, быть может, она скорее увидела бы ее своими ладонями. Но так как глаза ничего не видят, то и руки не могут воссоздать его образ.

— Я хочу тебя видеть! Глазами! — настаивала она, — покажи мне свое лицо!

— У меня еще нет лица. Я пришел, чтобы встретиться с Мюллером…

— Тише! Тише! — встревоженно прошептала принцесса и поцелуем закрыла ему рот.

— Чего ты боишься, Тамара?..

— Он! Он! Он слышит все! Глаза его над нами, наверное, сейчас закрыты, но уши его подслушивают сквозь каждую щель!

— Ну и пусть подслушивают! Я здесь для того, чтобы тебя охранять, принцесса!

Она улыбнулась своим воспоминаниям.

— Первый раз ты ко мне подошел в бархатном зале, когда я теряла сознание от черного газа. Я видела пар, слышала, как он выходит из цинковой трубки. Помню невыносимый фиолетовый шар, освещающий заломленные руки, маски смертельного ужаса и падающие тела…

Когда я закачалась, то почувствовала, что чьи-то руки подхватывают меня и уносят на звезды…

Это был ты…

Потом я стояла у стены. Ты сказал: «Не бойтесь! Ни о чем не спрашивайте! Это — я!» А что случилось с теми, кто остался?

— Там находится огромная печь, и в ней человеческие тела, сердца, глаза превращаются в кучки серого пепла, который затем выбрасывают из окна и он разносится ветром. По секрету говорят, что из костей делают пудру.

— А я-то дурочка! Хотела убежать на звезды… — прошептала принцесса, и блеск в ее глазах погас. — Я вначале думала, что ты прилетел ко мне со звезды Лебедя. Оттуда я получала тайные записки, когда еще жила со своим отцом. Значит, нет ни звезды Лебедя, ни созвездия Гномов…

— Все это мошенничество! Величайшее мошенничество — весь этот Мюллер-дом от основания до крыши, если у него вообще есть хоть какая-нибудь крыша. Международная банда работорговцев, сжигающих трупы…

— А откуда появился ты?

Она снова ощупывает его лицо, проводя по нему пальцами, гладит его кожу.

Петру Броку вдруг становится невыносимо стыдно за свой обман. Он выдает себя за бога, чтобы добиться ее любви! Страсть давно уже сменилась чувством благодарности за каждое

прикосновение губ…

— Я не бог, — признался он в раскаянии, — я простой человек, обыкновенный мужчина!

Она провела рукой по его волосам:

— А разве молодой мужчина не лучше, чем старый бог? Докажи мне, что ты молод! Докажи мне хотя бы это! Твои глаза лежат на дне глубоких впадин, а над ними дико топорщатся брови, как мохнатые сосны над пропастью. Ты ужасен! Я бы, наверное, умерла от отвращения, увидев тебя!

И все же… У тебя сильное, скуластое лицо, широкий, крепкий нос. А лоб — выпуклый, смелый, большой! Волосы — густые и мягкие. Ведь это и есть молодость — разбойная, ветреная, вихрастая!

Я хочу тебя видеть!

Твоя крепкая шея волнует кровь! Твои широченные плечи способны задушить, и все же я не чувствую тебя!

Открой мне свое лицо!

Пусть твое тело войдет в мои зрачки!

Нет, ты не человек! Ты принял образ и подобие человека, ибо ты обнимаешь и целуешь меня. Почему же я не вижу тебя? Я уже знаю, что сделаю!! Я приготовлю гипс и сделаю для себя оттиск твоего лица, ибо любить так невозможно, нельзя…

— Подожди, Тамара! Подожди и скоро ты меня увидишь! Когда я выполню свою миссию, я стану человеком! Сегодня вечером я должен быть на улице Алисы Моор, на 354-м этаже, в комнате номер 99. Я совершенно утратил чувство времени… Для меня не существует дней и ночей…

Когда мне Мюллер сказал свое «сегодня»?

Мне кажется, что от этого «сегодня» отдаляют меня многие часы! Но, может быть, я уже опоздал?

Скажи мне, что сейчас — день или ночь?

Разве не существует ничего другого, кроме Мюллер-дома?

Скажи мне, существует ли еще Солнце и может ли над Мюллер-домом светить Луна?

Тридцать дней…

На каком я сейчас этаже? Как мне найти Мюллера?

Как его убить?

И вдруг сверху раздался голос:

Петр Брок!

Этаж 354!

Комната 99!

Я жду тебя!

Брок вскочил с постели. Он посмотрел на потолок. Выпученное «божье око» уже очистилось

от мутной пленки и нагло таращилось на него. Еще бы! Миллион глаз, миллион ушей рассеяны по тысяче этажей! Но голос — неужели и голос его может быть услышан в спальне принцессы? Разве он знает, что я нахожусь возле ее ложа? Или в эту минуту на тысяче этажей звучит его голос? По телу Брока пробежала дрожь:

— Ты слышишь, принцесса? Он зовет! Настал мой час! Ты же оставайся здесь.

Она тоже спрыгнула с ложа и трясущимися руками начала натягивать на себя одежду.

— Я пойду с тобой!

— Нет, нет, останься! Я поговорю с ним и вернусь к тебе!

— Ты не вернешься! Он убьет тебя! Тысячи коварных ловушек подстерегают тебя в комнате 99!

— Мне известны его ловушки! Зал пустых зеркал? А за ним яма-западня! Я поговорю с ним среди пустых зеркал!

— А как ты туда попадешь? Ты хоть знаешь дорогу на 354-й этаж? Не знаешь? Видишь, как ты беспомощен без меня! Какой же ты бог? Странный ты мой, невидимый… Пойдем! Я сама отведу тебя к лифту.

— Веди меня, Тамара! Покажи мне дорогу, пока

не поздно. Ведь сдержать слово — значит показать свою силу.

И они пошли, взявшись за руки.

XXXII. Двери белые и черные — Зал пустых зеркал — Электрические звонки

Стеклянная улица оканчивается решетчатой стеной от самого пола до потолка. На дверце в стене надпись:

ЛИФТ ЦЕНТРАЛЬНЫЙ

Принцесса открыла дверцу, нажав дужку над «И».

Они входят в небольшой квадратный салон, стены, пол и потолок которого обиты кожаными подушками. На одной из стен — циферблат с тысячью белых кнопок.

— Это этажи. Каждая кнопка — этаж. Этим путем я убегала, когда еще верила в звезды…

Брок с благодарностью погладил ее по руке.

— Это для меня — очень важное открытие! Ведь таким образом я могу пролететь через весь Мюллер-дом! Но прежде всего я сдержу слово, которое дал Мюллеру!

Он нажал кнопку, на которой стояла цифра 354. Кабина даже не дрогнула. Лишь серебристая стрелка под стеклом мгновенно опустилась, остановившись на цифре 354.

— Мы прибыли, — сказала принцесса.

— А ты возвращайся. Никто не должен тебя видеть на этом этаже.

На прощанье они обнялись.

— Если я не вернусь…

— Я приду за тобой!

Двери лифта открылись, и Брок шагнул в белый пустой коридор. Он был таким прямым и длинным, что где-то очень далеко его стены, потолок и кафель пола сливались в одну точку.

С обеих сторон тянутся двери. Белые ряды гладких дверей, подобных тем, какие бывают в сумасшедших домах или госпиталях. Только двери. Все одинаковые по цвету, величине, одинаково таинственные. Они стоят бесконечным рядом, храня обет молчания, выставив ручки, без номеров, без надписей…

Как же найти нужную дверь?

Брок мягким движением попытался открыть первую.

Заперта!

Вторую!

Заперта!

Боже мой, куда они все ведут?

Что с ними делать?

Что за ними скрыто?

Комнаты, которые ведут все в новые и новые комнаты? Что задумал Мюллер, приглашая его в эту аллею белых дверей? Для какой цели они предназначены? Кто живет за ними? Ведь из-за них не доносится ни одного звука, и гробовое молчание коридора тянется до бесконечности… Сколько нужно времени, чтобы нажать на все ручки?

Заперто… заперто… заперто…

«И чем больше я нажимаю на ручки, тем слабее становлюсь».

Брок решил наудачу двинуться вперед по коридору. Ведь где-то он должен кончиться. Он мчался вперед, но белая точка в конце, где сходились, стены, с той же скоростью удалялась от него. И внезапно он почувствовал полную беспомощность от того, что оказался лицом к лицу с врагом по имени «бесконечность»…

И вдруг — Брок замер. Черная дверь! Это было так неожиданно, что она сразу бросилась в глаза. Среди тысячи белых дверей одна дверь — черная!

На ней небрежно, как бы наскоро, мелом было выведено 99.

И больше ничего.

Наконец-то он у цели!

У цели? Скорее всего это новая ловушка! Это петля, и ты, дурачок, сунешь в нее голову. Там находится Агасфер Мюллер, кусок сала, который ты ищешь, и за тобой — хлоп!

«Да, я все это знаю, там есть и яма-западня, но желание овладеть куском сала иногда бывает сильнее страха смерти, особенно когда ты голоден и смотришь на него в упор. Но я, господин Мюллер, та мышь, которая сумеет пробраться и сквозь решетку западни!»

Брок осторожно огляделся. Вокруг — ни единой живой души. Он потихоньку взялся за ручку. Дверь слегка приоткрылась, и он проскользнул в нее, чтобы осмотреть эту комнату, прежде чем он встретится здесь с Мюллером.

Над ним раскинулся зеленоватый свод. Это не просто свод, это стеклянный баллон, переходящий в пол без единого шва или грани.

Не зеркало ли это?

Гигантское пустое зеркало, поглотившее Брока. Но как это определить? Ведь здесь нет ничего, кроме пустоты, что могло бы отразиться в нем. Брок быстро повернулся к двери и остолбенел: она исчезла! Растворилась в зеленоватом ничто.

Он ощупал стены. Они были отлиты из единого куска — пол, потолок, стены представляли собой

идеальную сферу. И хотя Брок не видел своего изображения, тем не менее это было зеркало! Полированная внутренняя поверхность шара отражалась в своей же глубине, увеличивая ее до бесконечности.

Обманчивая, сферическая бесконечность — это замкнутое кольцо, которое переводит стеклянный купол в плоскость пола. Но и сам пол — бездонная, зеленоватая пропасть, отражающая бессчетное число раз повисший над ним изумрудный свод.

А дверь — дверь исчезла…

Но откуда же свет в этом замкнутом, пустом шаре?

Ведь здесь нет никакого источника света. А может быть, зеркала освещают сами себя? Может, свет льется из них?

Брок стоит в центре огромного шара. О, какое это несказанное блаженство, когда не знаешь, летишь ли ты вверх, падаешь или повис среди пустоты, не имеющей направлений, лишь ощущаешь свое равновесие, ибо все стороны одновременно тебя и притягивают и отталкивают!

Петр Брок шатался от головокружения. Но стоило ему сделать шаг по блестящей поверхности зеркала, как снизу, прямо под его ступней,

раздался электрический звонок. Брок прыгнул в сторону, но под носком его ботинка снова раздался звонок, словно он нажал кнопку на стене… Брок попробовал сделать несколько шагов на цыпочках по предательскому стеклу. Но тщетно! При каждом его шаге слышался сигнал, весь пол усеян скрытыми кнопками. В каком бы месте он ни опустил ногу, об этом моментально извещала резкая дробь…

Брок стал бросаться из стороны в сторону, но потом понял, что это бесполезно, что он — в ловушке номер 99, которую подстроил ему Агасфер Мюллер! И не за что ухватиться, нет уголка, в котором можно было бы укрыться…

XXXIII. Миллион великанов… — Бешеная гонка в шаре — Пойманное ничто — Окошко на вершине купола — „Он жив…“ — Что нужно запомнить…

И вдруг двери открылись. Не одна — неисчислимое множество. Одна возле другой, одна за другой в бесконечных шеренгах. И из всех выходят полураздетые великаны с красной лентой вокруг пояса. Они похожи друг на друга как капли воды. У всех маленькая голова, волосатая грудь и через плечо переброшена сеть. Миллион великанов, выходящих из морских глубин.

Брок бросился к одной двери, сопровождаемый резким звоном, но натолкнулся на закругляющуюся стену. И в этот момент все двери исчезают, великаны вступают в зал и начинают раскручивать над головой сеть. Их черты искажены, лица вытянуты, образуя единую бесконечную цепь. Миллион сетей нацелен на него со всех сторон. Начинается бешеная гонка по кругу. Брок мечется, скользит, увертывается, прыгает, наталкивается на стены. Но каждый его шаг известен гримасничающим чудовищам — этому жуткому

порождению ада.

Если стряхнуть наваждение зеркальных отражений, то понимаешь, что охотится один человек, который движется со своей сетью в ограниченном пространстве. Но проклятые звонки под ногами Брока неумолимо оповещают — я здесь! Я здесь! И по этим звонкам великан ведет свою охоту. Сеть все чаще проносится над головой Брока, она падает все ближе. Выхода нет! Но так просто Брок не сдастся… Удар кулаком по лицу, ногой — в живот. Однако нога отскакивает, как мяч от стенки.

В изнеможении Брок падает на зеркальную поверхность. Его накрывает широкая сеть. Наматывающаяся веревка скручивает его, прижимая колени к груди. Она врезается в кожу, сдавливает веки, в глазах темнеет…

Брок успевает заметить, что под самым куполом открывается маленькое окошко. В нем показывается лицо. Отвратительная желтая физиономия, рыжая бородка, расщепленная надвое, вместо носа — черные дырки, нижняя губа потемнела и отвисла, будто гниет.

— Он жив? — раздался голос.

— Жив! — выдохнул великан, вытирая пот со лба.

Но эти два голоса уже звучат как бы из его старого сна. Над ним склоняются два человека в пожелтевших халатах, пахнущие карболкой. Один из них трогает носком сапога сероватую кучу и брезгливо откидывает с его лица угол халата.

— Жив, — разочарованно повторяет нетерпеливый голос. Брок с усилием поднимает веки, чтобы убедить кого-то, — очень сильного и здорового, что он еще не умер…

Сквозь завесу душного воздуха он видит желтый огонек, светящийся где-то между толстыми балками, поддерживающими этот смертельный свод. Два человека, пышущие здоровьем, кладут что-то тяжелое на носилки. Жилы на их руках набухают, и они в ногу — раз-два — трогаются по проходу между нарами. Видны лишь удаляющиеся сапоги.

Все это так странно, так непонятно и в то же время так просто! Достаточно прикрыть лицо уголком халата — и все исчезнет, кончится. Всего лишь уголок халата! Это надо запомнить!

XXXIV. „…Боитесь пойманного дьявола!“ — Каким видел Петра Брока Орсаг с помощью своих линз — „Что за бесстыдство…“ — „Он красив?..“

Очнувшись, Петр Брок обнаружил, что все еще опутан сетью, хотя веревка ослабла. Можно было вытянуться. Он находился в захламленной кухне. В углу — полуразвалившаяся плита. На стенах — светлые прямоугольники от висевших здесь когда-то вещей. В другом углу — стопка посуды.

Вокруг — множество незнакомых лиц. Глаза широко раскрыты, нервы напряжены. Между каймой сети и теми, кто ближе всех, — добрых три шага. Это расстояние не ущемляет самолюбия, но оно вполне соразмерно их трусости.

Странная это сеть. Она не опадает, как можно было бы ожидать. Но ведь воздухом сети не наполнишь. В этом случае она должна упасть, превратившись в бесформенную кучу. А эта сеть крепко натянута, она охватывает овальное пространство, некую твердую пустоту. И никто не отваживается сунуть руку в это шевелящееся, живое ничто!

— Эх вы, рыцари! Боитесь пойманного дьявола!

Молодая женщина в пестрой короткой юбке пробивается вперед.

— Пустите меня ближе! Я не боюсь! Я хочу дотронуться до него мизинцем!

— Да пустите ее. Не видит, так пусть дотронется. Банкир Салмон тоже пожертвовал пальцем!

— А почему она должна попасть ему именно в рот? Может быть, она сунет руку в другое место, хе-хе-хе!'

— От карающей руки бога Мюллера он не уйдет! — . покачал головой бородатый старик.

— Злого бога поймали в сеть!

— Что же с ним делать?

— Утопить его!

— Повесить!

— Задушить!

— Да что вы советуете всеведущему!

Это произнес великан, поймавший Брока. Его мощная грудь вздымалась от гордости. Ревниво охраняя свою добычу, он обошел ее, готовый броситься на нее в любую секунду, как только сеть пошевельнется.

Но в это время людское кольцо разорвалось и образовался коридор, ведущий к двери.

Вошли два человека. Первый — высокий мужчина с красивым, ухоженным лицом из породы благородных, следящих за собой старцев. Его орлиный нос и синие жесткие глаза делают его похожим на военного в гражданской одежде. Все взоры перешептывающихся людей устремлены на него. А за ним — о, ужас! — идет слепой Орсаг с линзами на висках.

Военный прошел по проходу твердым, уверенным шагом, он подошел к самой сети и пхнул по ней ногой с таким безразличием, будто это был мешок с грязным бельем. Он спросил Орсага:

— Как он выглядит?

Брок задрожал.

«Неужели этот слепой меня увидит? Ведь я сам не знаю, как я выгляжу! И он мне сейчас об этом скажет? Боже мой, как я боюсь этих круглых линзочек, которые будто прожигают мне душу! Я боюсь, боюсь в них взглянуть!»

Слепой Орсаг уже вертит винтики, чтобы навести на резкость. Волосатый гигант прерывает всеобщее молчание вопросом, который вертится у всех на языке:

— Ну, Орсаг, скажи — как он одет?

— Он вообще не одет! Он голый!

— Голый!!!

— О-о-о-о!

Сердечки дамских губок от ужаса вытягиваются в эллипсы.

— Какое бесстыдство!

Одна из дам с напудренными грудями, торчащими из глубокого выреза, падает в обморок.

Другие бросаются бежать.

А Брок ликует!

«Слепой не видит моей одежды! Какое счастье! Ведь у меня с собой бумажник с документами! Если бы Орсаг его увидел, это означало бы конец!..»

Между тем Орсаг приблизился к Броку, чтобы рассмотреть его вблизи;

— Он весь белый! У него белые глаза, белые губы, белые волосы! Я думаю, что у него и кровь белая!

Профессиональным движением перекупщиков лошадей он раскрыл ему рот и сказал:

— Я думаю, ему лет тридцать!

К этому времени женщины пришли в себя. Они постепенно подходят все ближе и ближе.

— Он красив? — спросила брюнетка с цыганскими глазами.

— Как вы можете спрашивать, Лаура? Ведь он же голый!

— Ну почему же сразу думать о самом худ-

шем…

— И вы, княгиня, отваживаетесь…

— Я полагаю, что он скрывает свою наготу намного надежнее, чем многие из нас!

— Да ведь он совсем не одет!

— Вы его так себе представляете?

— Какая богатая фантазия!

— Кандалы! — голос военного, обратившегося к волосатому гиганту, перекрыл общий шум, напоминая звук упавшей на мостовую тяжелой цепи.

Приказ был немедленно выполнен.

XXXV. Опять все начинается с лампочки — Петр Брок сдерживает слово — Ночь, планы, побег — Разваливающиеся королевства — Не будет счастья в мире, пока стоит Мюллер-дом

Брок лежит в полузабытьи, прикованный ногами и руками к темноте. В этой глубокой пропасти нет ни дней, ни ночей. Лишь время от времени в сознании у него вспыхивает желтый огонек, тускло освещающий полусгнившие балки чердака…

Это помещение с серыми балахонами относится уже к его снам. Неожиданно у Брока появилось тело, отчетливо видимое, измученное болью и покрытое вонючими тряпками.

Когда после таких снов Брок приходил в себя, он благодарил бога за то, что у него вообще нет тела, что он — лишь голос, пойманный в сети.

Эта пропасть, в которой не существовало понятий времени и пространства, исчезла самым неожиданным образом. Показался свет, и вместе с ним в комнату четырьмя белыми стенами вернулось пространство. И послышался голос:

— Мой милый, любимый мой, где ты?

Это принцесса!

Ее рука еще только отыскивает выключатель, но глаза уже нашли его.

Она вся в черном, как и в первый раз, когда он ее увидел у окошка концерна «Вселенная».

— Принцесса!

Путы спали, он потянулся, ощутив наслаждение от того, что может, вытянув ноги, напрячь все мышцы.

— Бежим!

Она взяла его за руку, и они пошли осторожно, на носках.

Центральный лифт.

Темные коридоры, мертвые лестницы и снова — залы, залы…

Но в руке принцессы сияет электрическая звездочка, указывающая путь своим единственным лучом.

— Сейчас ночь? — прошептал Брок.

— Да, ночь! Но Мюллер может создать день в любой момент, когда он этого захочет! Если бы он знал, что мы сбежали, все уснувшие солнца над нашими головами разом бы зажглись. Поэтому мы должны поскорее выбраться из Мюллер-дома.

— Выбраться из Мюллер-дома? А ты знаешь,

как это сделать? Ты смогла бы отсюда убежать?

— Ну конечно же, мой странный незнакомец! Ты доволен мной? В то время как тебя, несчастного бога, поймали в ловушку, я готовилась к побегу.

Брок покачал головой:

— Выйти из Мюллер-дома — ведь это невозможно! А если все-таки возможно, то почему ты уже давно не убежала в свое королевство?

— Одной мне отсюда не выбраться! Но я придумала отличную штуку! Я знаю, где живет лорд Гумперлинк, который увез меня из родного дома… Ты сыграешь роль Мюллера. Вернее, подделаешь его голос. Ты прикажешь, чтобы Гумперлинк отвез меня туда, откуда украл… Лорд ничего не узнает! Все распоряжения подданным отдает голос Мюллера. Никто из них еще не видел его лица!

— Посмотрим…

А принцесса, всецело захваченная своей мыслью, продолжает:

— Там есть аэродром! Площадка висит в воздухе наподобие стола, одной своей гранью прикрепленного к Мюллер-дому. Стальные птицы слетаются туда в то время, когда Мюллер пожинает золотой урожай. Но когда я заглянула туда, то

увидела лишь мертвый сон этих крылатых яхт. Среди них я нашла маленькую синюю птичку с двойным сиденьем! Ты и я… Мы полетим в наше королевство…

Она замолчала, словно уже готовилась к вылету. Ее слова наводили на мысль о далеком пути и долгожданном его окончании. Ио голос рядом с ней прозвучал приглушенно, словно он шел от самой земли:

— Я не могу, не имею права! Ты улетай, а я, я останусь.

— Тогда и я останусь! — воскликнула принцесса.

— А где же я укрою тебя, как защищу от его мести? Сам я могу скрыться в луче света, в его зрачках. Но как быть с тобой? Как скрыть твои глаза от его глаз? Твои руки от его щупалец?

— Милый мой, я сама прекрасно знаю, какая мне грозит опасность. Сколько раз я уже совершала побег, но сейчас я убеждена, эта попытка — последняя! Он позволял мне убегать и ловил меня, когда ему надоедала эта игра… Он издевался надо мной, натравливая на меня своих агентов и шпиков, которые каждый раз оказывались на моем пути. Сегодня, рядом с тобой, я уже не боюсь этого урода! Меня страшат лишь его солнца, ко-

торые наблюдают за нами во тьме. Сегодня они видят нас в последний раз. Но как же я убегу без тебя? Синий колибри ждет нас, пойдем, унеси меня!

Мой отец, последний король из рода белобородых, плачет на троне. У него нет никого, кому он мог бы оставить свое королевство. Единственную дочь украл у него колдун, и у подножия башни выросла первая ветка шиповника.

Парк, раскинувшийся вокруг нашего замка, одичал.

Ветви платанов трутся о крепостные стены, обдирая их.

Зубцы башен накрыты кронами лиственниц.

Окна утонули в кустах сирени, по парадной лестнице поднимается плющ, а на карнизах цветет вереск…

Ложе мое зарастает дикими розами…

— Несчастная, грустная ты моя сказка! Тяжело мне с тобой расставаться, но я не могу покинуть Мюллер-дом… А ты не можешь здесь оставаться. Лети домой! Подожди! Скажи своему белобородому отцу о том, какой у тебя странный жених. Однажды он придет за тобой. День этот будет таким, как и все предыдущие дни. Даже ты меня не узнаешь, потому что увидишь меня! Я сам

еще не знаю, что будет со мной, после того как я убью Агасфера Мюллера. Что-то заполнится, что-то опустошится, погаснет некий чудовищный свет! Что-то разрушится — этот немыслимый, невообразимый колосс в тысячу безумств, который давит на мозг невероятной тяжестью! Торчащее над миром порождение больного ума! Своей черной тенью он накрывает и твое родное, распадающееся королевство, расположенное на другом конце мира…

Не будет счастья и мира на Земле, пока живет Мюллер и стоит Мюллер-дом!

Но он рухнет!

Мюллер-дом сам рухнет, когда погибнет Он!

И тогда в моем сознании все прояснится и взойдет Солнце!

Принцесса слушает, но ее уста, утонувшие в темноте, крепко сомкнуты.

Все залы, через которые они проходят, однообразны своей молчащей, бархатной темнотой. Повсюду множество странных предметов, разбросанных по паркету, коврам и кафелю. В темноте они утрачивают смысл и цель своего существования. Они плывут по дну комнат, черные, угловатые, коварные. Неожиданно появляются на конце луча, как на конце удилища, — изло-

манные грани, осколки целого, бесформенная масса. Ноги обо что-то спотыкаются, скользят, что-то давят. Раздается треск, бульканье, что-то липнет к ногам. Сюда лучше не ступать…

— Какие страшные вещи, — шепчет Брок.

— Это не вещи, это — их смерть! Это гибель вещей! — Какая гибель?

— Последствия оргий. Так выглядит «рай» после ухода небожителей. Надо торопиться, чтобы не застать армии рабынь, которые чистят этот небесный хлев.

XXXVI. Переулок Воздухоплавателей — Морская чайка — лорд Гумперлинк — Солнце над Мюллер-домом — Брок прощается с принцессой — Сиденье рядом с ней остается пустым

Они долго идут по лабиринту узких улочек, которые как бы просыпаются, сбросив покров темноты и потягиваясь в неярком свете луча. Наконец они добираются до переулка с металлическими стенами, который называется

ПЕРЕУЛОК ВОЗДУХОПЛАВАТЕЛЕЙ

На стальных дверях с выпуклыми шляпками кованых болтов написаны экзотические имена мюллердомовских летчиков:

АРОН КОРКОРАН, штурман «Плачущего лебедя»

АХИЛЛ МОБИЛЬ, капитан «Разбойника»

ДУГЛАС ГУЛЛИВЕР, прыгун с парашютом

ЧЕРНЫЙ ВЕТЕР, придворный аэронавт Южного Креста

ГРАФ ЛЮСЬЕН Д'О, пилот высшего класса

РЕМ МАЙОРЕСКУ, акробат на «Альбатросе» — быстрее звука!

ЛОРД ГУМПЕРЛИНК, Морская чайка

— Мы пришли, — прошептала принцесса, остановив Брока перед этой дверью. Дверь была заперта, ключ вынут, в замочной скважине — тьма.

План действий был выработан быстро. Принцесса отошла в конец коридора и потушила электрическую звезду. Брок наклонился к замочной скважине и прокричал в темноту:

— Лорд Гумперлинк, Морская чайка! Немедленно заведи Синего колибри и будь готов к вылету!

Брок приложил к скважине ухо.

Тишина.

Глаз.

Тьма.

Он повторил свой приказ еще громче. На этот раз за дверью послышался шорох. Однако вскоре вновь наступила тишина.

Тогда Брок прокричал в третий раз.

Наконец-то! Шорох сменился топотом босых ног. Послышалось тихое проклятье. И вот уже в замочной скважине виден свет.

Растрепанный человек в пижаме недоуменно вертит головой. В руке у него револьвер, в глазах — подозрение и готовность пристрелить того, кто кричал в замочную скважину.

Темнота зевнула открывшейся дверью. Человек перешагнул порог и с недоверием посмотрел в стороны. В этот момент Брок проскользнул в спальню. Он прыгнул на стол и встал под стеклянным глазом на потолке. И когда лорд Гумперлинк вернулся к себе, снова раздался голос Брока.

На этот раз он доносился с потолка:

— Лорд Гумперлинк, Морская чайка! В конце переулка Воздухоплавателей тебя ждет черная дама! Это принцесса Тамара, которую ты похитил по моему приказу. Я приказываю тебе доставить ее туда, откуда ты ее привез! Такова моя воля!

Лорд Гумперлинк выслушал этот приказ, стоя по команде смирно, руки его вытянуты по швам, пальцы растопырены, на лице — выражение священного ужаса.

— Слушаюсь, о повелитель! — воскликнул он и быстро начал одеваться. Он надел кожаную форму, шлем с застекленными отверстиями для глаз, зажег факел и вышел в коридор.

В конце переулка его ждала принцесса. Желтый свет факела вырвал из темноты ее черную,

молчаливую, прислонившуюся к стене фигуру.

— За мной, — качнулся вперед факел лорда Гумперлинка.

Брок осторожно двинулся вслед за ними.

Они подошли к железным воротам. Морская чайка поднес факел к черному кольцу, которое было вдето в ноздри стального льва, охраняющего ворота. Через несколько мгновений, когда кольцо закоптилось, обе створки ворот бесшумно распахнулись настежь.

Резкий дневной свет ворвался в темноту.

Огромный солнечный диск купался в синеве неба. Это было фантастическое зрелище!

Брок на несколько мгновений совершенно ослеп.

Солнце!

Настоящее, живое солнце!

А здесь — ночь.

Он стоял на широкой площадке, с трех сторон окруженной стеклянными ангарами. В одном из них исчез лорд Гумперлинк.

Брок подбежал к принцессе.

— До встречи и с богом!

И не пытаясь подыскать нужные слова, он молча стал целовать ее глаза, лоб, волосы. Губы ее он оставил на прощанье — полуоткрытые,

ждущие. Она хотела что-то сказать. Но влажное прикосновение его губ обожгло ее.

Еще мгновение он может держать ее в объятиях, с откинутой назад головой, охваченную страстью и улыбающуюся раскаленному солнечному диску.

— Ты придешь? Придешь за мной?

— Приду! Обязательно приду!

— А как я узнаю тебя? Скажи мне одно лишь слово, то, которое ты шепнешь мне, когда придешь к нам… Скорее, скорее скажи мне его! Чтобы я узнала тебя…

В ангаре заработал мотор. Принцесса вздрогнула.

— Ну, мой милый, кто же ты?

— Петр Брок!

Принцесса вырвалась из его объятий и широко раскрытыми глазами посмотрела на него в пустоту.

— Петр Брок! Ты — Петр Брок?

— Да, а ты меня знаешь?

— Я никогда не видела Петра Брока. Но я слышала…

— Что ты слышала? Скорее! Морская чайка идет сюда…

— Я знаю, что Петра Брока когда-то звали

совсем не так… Он был единственным сыном андалузского короля, потом он удрал из дому и стал грабителем!

— Грабителем?

— Да, но каким грабителем! Он вскрывал сейфы, совершал нападения на банки, а золото раздавал беднякам. Грабитель, который грабил грабителей!

— Не знаю… Я ничего не знаю. Ничего не помню!

— Пять лет полиция гонялась за ним, но не смогла его поймать. Спустя много времени, когда эта игра ему надоела, он явился с повинной и сам стал детективом. Принц-детектив! Да, таков Петр Брок!

Синий стальной колибри стоит посредине площадки и нетерпеливо гудит. Лорд Гумперлинк машет принцессе рукой.

— До встречи!

— Скажи мне еще раз: Петр Брок — это ты?

— Я!

Последнее объятие на глазах ничего не понимающего Гумперлинка, и принцесса усаживается в синее кресло колибри.

Сиденье рядом с ней остается пустым.

XXXVII. Сирены тревоги — Приказ об аресте Петра Брока — Резиденция Мюллера — Брок приближается к Мюллеру — Сначала нужно искупаться

Когда колибри с принцессой черной точкой исчез за голубым горизонтом, Брок вернулся в Мюллер-дом и тихо закрыл за собой ворота. Он стремился ликвидировать все следы, которые могли бы привести преследователей к этому висячему аэродрому. Брок решил отдохнуть в пустующей спальне лорда Гумперлинка и дождаться там наступления мюллердомовского дня.

Но когда за ним закрылись ворота, он снова очутился в кромешной темноте. Он пожалел, что забыл попросить принцессу дать ему электрическую звездочку, которая освещала им дорогу. Брок сделал несколько шагов — и замер!

Над его головой раздался пронзительный звук, как будто кто-то засвистал, засунув в рот два пальца. Одновременно завыли сирены тревоги. Внезапно Брок увидел коридор, вырванный из тьмы обрушившимся светом.

Окна и двери с обеих сторон стали распахиваться, в них появились заспанные лица с вытаращенными глазами.

— Что случилось? Что происходит?

И словно в ответ сверху раздался громовой голос:

— Сбежал Петр Брок! Схватить его!

Толпа полуодетых людей выскочила из бокового коридора. Кинжалы, палки, пистолеты, сети, лассо, противогазы. Матовые шары освещают сверху растерянные лица, на которых страх гонимых перемешивается с азартом преследователей.

Брок в несколько прыжков догнал эту разношерстную толпу, словно стремился принять участие в погоне за самим собой. Он хотел узнать, что люди знают о его исчезновении и куда они мчатся. Слава богу, об исчезновении принцессы пока еще никто не знал.

После длительного бега по кривым улочкам они оказались на круглой площади, накрытой стеклянным куполом. По ее окружности возвышались административные здания этого этажа. Одно из них, напоминающее ратушу с башенкой, было все облеплено объявлениями и декретами.

Среди них было старое предупреждение о жел-

той эпидемии, свирепствующей на 489-м этаже, и постановление о герметизации этого этажа, до тех пор пока все больные не умрут.

Другой декрет провозглашал мобилизацию в связи с восстанием в пролетарском секторе.

Компания «Крематорий» объявляла о безболезненном умерщвлении больных и престарелых.

Небезызвестный концерн «Вселенная» предоставлял особые льготы тем эмигрантам с этого этажа, которые пожелают перебраться на звезду Л-9.

Братство бога Мюллера объявляло о молебне в честь благословенной баронессы Гортензии Мюллер.

Но все столпились вокруг черного плаката, на котором алели красные буквы:

ПРИКАЗ ОБ АРЕСТЕ
Всем обитателям этажа № 376!

«Невидимый дьявол, который искушал нашего Великого повелителя Агасфера Мюллера и которого вчера схватили в Шаре зеленых зеркал, сбежал. Согласно высочайшему постановлению, издан приказ о его аресте! Исходя из того что он и в дальнейшем будет совершать свои дерзкие преступления, нарушая общественный порядок в Мюллер-доме, я призываю всех обитателей этажа № 376 внимательно следить за своим имуществом и порядком на улицах и о каждом подозрительном движении, которое бы указывало на присутствие невидимого провокатора, немедленно сообщать в муниципалитет девятого департамента. Пожизненное пребывание в Гедонии, 100000 мюлдоров и 999 новых звезд — такова награда тому, кто сумеет схватить невидимого дьявола живым или мертвым».

Подпись: Ван Гросс, губернатор этажа № 376.

Броку вскоре надоели долгие и бесполезные споры, вспыхнувшие в связи с этим объявле-

нием. Но внезапно толпа затихла и взоры всех устремились к человеку, который показался в дверях ратуши.

Брок сразу же узнал его. Это был тот самый военный в гражданском костюме с жесткими синими глазами, который ударил его ногой, когда он лежал, окутанный сетью.

Толпа расступилась. Он, гордо подняв голову, спускался по лестнице, в уголках его губ затаилось плохо скрытое презрение.

Брок двинулся вслед за ним с мыслью о мщении.

Они вошли в лифт, и высокопоставленный спутник Брока нажал на кнопку с цифрой 100. Когда через мгновение стрелка остановилась против этой цифры, открылась дверь кабины, и Брок очутился в прекрасном парке. Сквозь густые кроны деревьев проникали лучи укрытых в них светильников, они освещали их сказочные, фантастические формы, напоминающие зеленые облака. Брок шел вслед за своим обидчиком мимо мраморных скульптур и опаловых фонтанов, по пальмовым аллеям, вдоль кустов роз. Они быстрым шагом прошли через ворота, образованные тысячью цветных струй, извергаемых двумя рядами фонтанов.

Вдали, посреди голубого озера, плыл прекрасный остров. Из веера пальм и гигантских папоротников вырастал дворец, построенный, казалось, из солнечных лучей. Над озером висела девятицветная радуга-мост, соединяющая берег озера с островком. Когда они вступили на него, радужный свод неожиданно отозвался минорным аккордом, словно заиграл невиданный до сих пор девятиструнный музыкальный инструмент.

Не встречая никаких препятствий, они вошли в первый зал ожидания. Оттуда вторая дверь вела в римскую баню, где военный должен был искупаться. Брок наблюдал, как под ладонями рабынь краснеет его кожа. Натертый пахучими мазями, припудренный и облаченный в римскую одежду, он, наконец, прошел во второй зал.

Там сидело пять человек в белых тогах, все они были вымыты, и от них пахло душистыми маслами. Они ждали своего часа, нервно барабаня сандалиями по земле. Кое-кто дрожал как в лихорадке. Губы шептали: «Мюллер, Мюллер!»

Среди сидящих Брок узнал облысевшего старика Шварца, который специализировался на производстве газа СИО и с которым он уже однажды встречался в трактире «Эльдорадо». Кто знает, как давно это было…

Военный направился прямо к двери, скрытой за гранатовой портьерой, на которой черными буквами было вытканно:

ПРИЕМНАЯ

Он насмешливо усмехнулся, обернувшись к пяти ожидающим, которые побелели от зависти и покраснели от злости. Когда они переступили порог приемной, Брока охватила дрожь…

Наконец-то!

«Наконец страшная тайна должна открыться. Еще шаг, и я увижу… Кого?

Человека?

Как выглядит голова, выдумавшая чудовищный Мюллер-дом?

Как бы он ни выглядел, я сумею взглянуть ему в глаза!»

XXXVIII. Оригинал бога Мюллера — Баррикады на 490-м этаже — „…нам придется уступить еще шестьдесят этажей…“ — Витек из Витковиц жив! — Старик Шварц и его газ — Ночью, когда враги уснут…

Царские покои. На фоне тяжелых черных занавесей, на пурпурном троне восседает невероятно тучный, но одетый в безукоризненный темный костюм человек. Его отвисший живот покоится на коленях. Лицо круглое, гладкое, мудрое в своей доброте. Нижнюю часть его украшает окладистая, раздвоенная, как у господа из Ветхого Завета, борода. Синие глаза, словно без век, мертвым взглядом смотрят вперед. Если бы не борода — вылитый Будда…

Это был тот человек, изображение которого, отлитое из золота, Петр Брок видел на бирже. Портрет в святилище Мюллера также наверняка писался здесь!

И вдруг Брок осознал, что это лицо — мертво.

Это лишь маска со стеклянными глазами. Тело живет, оно шевелится, дышит, но как выглядит

лицо, скрытое под маской? Почему Мюллер прячет свое истинное лицо? Может быть, оно так ужасно, что никто не вынес бы его вида? У Брока чесались руки сорвать маску и взглянуть на лицо, каким бы оно ни было!

Но — внимание! Человек на троне начинает говорить. Его губы еле шевелятся, будто он хочет что-то прошептать, но голос звучит резко и властно:

— Маршал Грант!. Что ты можешь сказать об исчезновении Брока?

Маршал прополз на животе от двери к самому трону. Лишь здесь он поднялся и проговорил дрожащим голосом:

— О повелитель, стражника Аокуна ночью чем-то усыпили…

— Это я знаю, стражника Аокуна уже нет в живых! Но кто посмел…

— О повелитель, я думаю, что этих невидимых дьяволов несколько! Другого объяснения не придумаешь!

— Да, если не принимать во внимание халатности стражника! А сражение на 555-м этаже, которое ты позорно проиграл, мой маршал?!

— О повелитель, — воскликнул Грант, — я в этом не виноват! Эти бандиты тайком спустились

на десять этажей и напали на нас с тыла!

— Настоящий военачальник помнит и о своем тыле! Осел! Как складывается ситуация на сегодняшний день?

— Они окружили три линии наших позиций. Нашим войскам пришлось пробиваться из окружения.

Тем не менее потери минимальны — 800 убитых, 2000 раненых, 1500 пленных. Мы отступили на шестьдесят этажей. В секторе 490 их продвижение остановлено наскоро сооруженными баррикадами.

— Я видел ваше паническое бегство и всю вашу трусость. Какие трофеи они захватили?

— Почти никаких, о повелитель! Филиалы складов перед отступлением вовремя удалось эвакуировать…

— Лжешь! — крикнул голос. — Я сам видел амбары, доверху засыпанные зерном, видел баррикады консервных банок, холодильники, набитые мясными тушами, подвалы, полные вина. Все это попало в их руки. Знаешь ли ты, животное, что через десять дней мы будем ощущать нехватку продовольствия? Ты никогда не испытывал голода? Теперь узнаешь, что это такое, когда тебя в камере обрекут на голодную смерть!

— О повелитель, — Грант бросился к его ногам, — дай мне пятьдесят тысяч человек, и я клянусь, что погоню этих бандитов до самой крыши. Я верну назад каждое зернышко, каждую консервную банку. У меня есть великолепный план! Мы уступим еще шестьдесят этажей, чтобы их армия вошла в Вест-Вестер, который будет затоплен вином и водкой. Сто этажей, где на каждом шагу встречаются кабаки, бары, проститутки и убийцы, охладят их революционный пыл, ржавчиной разъедят их железную дисциплину. Винные подвалы довершат этот гибельный для них процесс, ведь они испытывают мучительную жажду — у них кончается вода. Пленные рассказывают, что они уже начали пить собственную мочу.

— Неплохие у тебя рождаются идеи, когда становятся мокрыми штаны! Но не забывай, что Витекиз Витковиц еще жив! Никто из головорезов Вест-Вестера с ним не справился. Тебя бросят в карцер лишь после того, как будут освобождены тюрьмы. Пока что позаботься о своем животе, постарайся обрасти жиром, чтобы твоему желудку было чем питаться! А теперь — вон отсюда!

Маршал Грант вышел уничтоженный, словно генерал разгромленной армии. После него вошел

старик Шварц. Он тоже пал ниц перед троном и смиренно поцеловал левый ботинок Мюллера.

— Ты звал меня, о повелитель? — пролепетал он елейным голоском.

— Известно ли тебе, что твои компаньоны из «Эльдорадо» с треском провалились? Гипнотизер Мак Досс вообще не вернулся от Витка. Затея Чулкова также окончилась неудачей, и он был рад, что унес оттуда ноги. Перкера схватили и в наказание отравили собственным ядом. Я вспомнил о тебе, Шварц, точнее не о тебе, а о твоем газе. У меня в запасе есть еще бациллы Орсага, но он мне сейчас нужен для других целей. Итак, вначале продемонстрируешь свои способности ты! Ты можешь производить свой газ в больших количествах?

— Я выпускаю карманные баллоны, о повелитель, это доза для одного человека. Я ведь нищий, о повелитель, у меня нет средств. Никто не мечтает о старости…

— Сколько людей ты можешь заразить одновременно, если будешь выпускать свой СИО большими дозами?

— Весь Мюллер-дом, о повелитель, я за одну ночь превращу в богадельню, — захихикал старик.

— Я хочу, чтобы ты использовал свой СИО против армии рабов на 490-м этаже, Речь идет примерно о двадцати тысячах молодых рабов. Сколько времени тебе понадобится для производства необходимого количества газа?

— 20 000 мужчин? 18 000 галлонов, 86 мюлдоров. Время роли не играет…

— Значит, завтра?

— Завтра!

— Предупреждаю тебя, что у рабов есть противогазы. Они разворовали наши склады и пользуются запасами. Все предыдущие газовые атаки были безуспешными.

— Не велика беда! Пусть наши войска отступят еще на один этаж, и на оставленной территории бросят мехи, наполненные газом. Ночью, когда враги уснут…

— Достаточно, мистер Шварц! Я назначаю тебя главным адьютантом маршала Габлера! Вон!

Старик еще раз поцеловал левый ботинок Мюллера и мелкими шажками, держа руки по швам, попятился назад к портьере, пока не исчез за ней.

Вошел еще один маршал — Габлер.

У него был розовый, лысый, словно полированный череп. Вначале Броку показалось, что у этого

розового шара вообще нет лица, настолько совершенной была его форма, с какой стороны на нее ни смотри. К коже были прикреплены две мелкие ушные раковины. И только когда он посмотрел на Габлера спереди, то увидел, что идеальная поверхность шара в одном месте подпорчена каким-то морщинистым изъяном. Этот изъян был величиной с ладонь, но на нем умещались Все выпуклости и впадины лица, причем размеры их были микроскопическими. Этот дефект на розовом шаре и был лицом Габлера, нового маршала.

— Маршал, — произнес голос, — восемьдесят тысяч человек ждут твоих приказаний!

— О повелитель!

— Завтра утром к тебе явится твой главный адъютант Шварц.

— О повелитель!

— Немедленно поднимись на лифте на 490-й этаж. Войска двинулись по лестнице ночью. Утром они должны быть на месте! Все остальное тебе скажет Шварц!

— О повелитель!

— Вон!

XXXIX. Снова Ашорген, которым сдул белую пушинку с плеча Мюллера — Орсаг бросается на помощь — Дерущиеся падают на пол — „Держите его!..“

Как только Габлер удалился, из-за черной шторы позади трона вышел принц Ашорген.

Брока его появление не очень удивило.

Он понял, что Ашорген сумел сам избавиться от пут и сразу же пришел сюда. Следовательно, Мюллер уже знает об исчезновении принцессы! Диалог, который должен сейчас состояться между неподвижным Мюллером и его коварным секретарем, очень интересовал Брока. Быть может, Мюллер даже снимет маску, чтобы отдохнуть: ведь от Ашоргена ему наверняка нечего скрывать. Но — странное дело! Ашорген молча обошел трон, без всякого намека на почтительность поднялся по ступенькам к Мюллеру, положил сдвинувшийся локоть на ручку трона, сдул белую пушинку с плеча и поправил бороду.

Брок был изумлен. Неужели в этом набитом мешке нет ни капли крови? То, что лицо сделано из воска, — это сразу видно, но неужели и все

тело только чучело? Значит, и это не Мюллер?! Так почему же ему поклоняются эти негодяи?

Где сидит настоящий Мюллер?

Существует ли он вообще?

А как же голос?

Где же горло, в котором он рождается?

А может быть, это действительно Мюллер, но разбитый параличом? Может быть, все его тело мертво и работают лишь легкие и сердце? А как же мозг? А губы?

Брок вспрыгнул на пьедестал. Он приложил руку к левой стороне могучей груди. Биения сердца не было. Наклонился к губам, сложенным в улыбку. Дыхания — тоже!

И еще одна проверка — булавкой в живот! Если он живой, то должен взвиться от боли!

И вдруг — и-и-и-и — послышался тонкий свист от прокола надутой резины.

Мюллер на троне на глазах начал худеть. Живот стал опадать, головка — крениться в сторону, маска добродушия вместе с бородой — морщиться, уменьшаясь в размерах. В конце концов то, что только что было человеческой фигурой, превратилось в жалкую черную кучку.

Принц Ашорген наблюдал за стремительной гибелью лже-Мюллера с каким-то злорадным

удивлением. Внезапно, будто опомнившись, он панически закричал:

— Он уже здесь!

В ту же секунду сверху раздался голос:

— Орсаг!

Задняя черная штора раздвинулась, и из-за нее выплыл слепой Орсаг. Руки его были подняты к вискам, линзы таращились, как глаза хищной птицы. Он, вероятно, стоял так наготове бог знает как долго… Было ясно, что Брока здесь ждали! А может быть, все это было лишь ловушкой?

Брок затаил дыхание. Но прежде чем он успел прыгнуть в сторону, он почувствовал, что в горло ему вцепились острые когти.

— Помогите! — заорал Орсаг, и словно в ответ сверху послышался пронзительный свист. Потом кто-то закричал:

— Ашорген!

Но принц даже не пошевельнулся. В дикой драке не на жизнь, а на смерть участвовали лишь его глаза. В них отразились страх, сомнение; оплетенные сеткой морщинок, они все время меняли свое выражение.

Брок и Орсаг вначале дрались стоя, потом повалились на пол. На толстом ковре Орсаг несколько раз переваливался через своего невидимого со-

перника. Брок сумел оторвать руку Орсага от своего горла, но потратил на это столько сил, что оказался внизу, прижатый Орсагом к полу. В отчаянном броске он освободил руки, но зато Орсаг опять схватил его за горло. Собрав последние силы, Брок рванулся, выдернул руки из-под колен Орсага и сорвал с его висков обе коробочки. Что-то лопнуло. Руки, сдавливавшие горло Брока, разжались. Тело Орсага обмякло.

Брок вскочил на ноги. Самое время! Портьера распахнулась, и на фоне черного бархата появились десятки голов в блестящих шлемах.

Он бросился к двери, а за спиной его послышались возгласы:

— Держи его!

Радужный мост отозвался аккордом страха. Шлемы засверкали где-то между пальмами, и мост повторил тревожную дисгармоническую мелодию.

Брок прыгнул в лифт и нажал кнопку номер 490.

XL. Брок пытается спасти рабочих Витка от старости — „Напиток победы“ — Бой на лестнице — Старик Шварц на спине чудовища

Ведь прежде всего надо спасти 20 000 молодых революционеров от жуткого призрака преждевременной старости! А Мюллер никуда не денется. 100-й этаж! Стоит нажать белую кнопку, и мгновенно окажешься в солнечном дворце, где находится говорящее чучело Мюллера.

Вверх!

Но на этот раз механизм подъемника испортился. Стены скрипели, стрелка на циферблате дергалась, а пол начал раскачиваться. У Брока закружилась голова.

Быть может, снова возвращается сон?

В один из моментов, когда все потемнело, лифт превратился в странные носилки, на которых лежал Петр Брок. Два санитара его куда-то несли, они были во всем белом, и вообще все вокруг было белым как снег… Но этот снег постепенно тускнел, становился черным, пока не наступила темнота. Это была тьма без мыслей, с остановив-

шимся сердцем.

Но все это длилось лишь мгновение. Лифт резко дернулся, и Брок очнулся, Открылись двери… Тот ли это этаж?

Просторный зал превращен в лагерь. С обеих сторон тянутся длинные ряды палаток, слышатся крики, смех. Всюду толпятся воины в прозрачных остроконечных шлемах и черных гимнастерках. За красными поясами торчат пистолеты и кинжалы. Крест-накрест грудь перепоясывают гранаты, похожие на ветки с черными шишками.

Одни храпят рядом с палатками, другие пьют «напиток победы», третьи играют в странную игру — золотые звезды они складывают в роковые созвездия. Охрипшими голосами они воспевают легендарные подвиги и сказочные победы божественного полководца Мюллера на земле, на морях и на звездах.

Брок обошел несколько рядов — и всюду было одно и то же: палатки, гранаты и бутылки, призванные поддерживать героический дух наемников.

Неожиданно за проломом в стене показалась главная лестница. Она выглядела уже не так, как в тот раз, когда он проснулся на красном ковре. Ковер исчез, а белые ступени были забрызганы

запекшейся кровью. В лужах крови — обрезки бинтов и вата. На стенах — царапины и следы пуль. Часть перил с мраморными булавами сорвана взрывом, электрические лампы на потолке разбиты, поле недавнего боя освещают мощные прожекторы.

В нестерпимо белых лучах прожектора Брок увидел высокую баррикаду. Она построена из бочек, разбитых ящиков и мешков.

Вокруг нее было особенно многолюдно. Наемники окружили неуклюжий аппарат, напоминающий допотопную пожарную машину. Одни качают насос, другие подносят к металлическому шлангу мехи и сосуды. На хребте у машины сидит старик Шварц и шепелявым голосом отдает распоряжения. Наполненные сосуды укладывают в бочки и ящики.

Брок понял, что именно здесь Шварц наладил производство своего газа. Затем будет спровоцировано наступление рабов и наемники отступят на один этаж. Рабы захватят эту страшную баррикаду, а потом…

Но ведь он и пришел сюда, чтобы этому помешать!

Чтобы предупредить Витка из Витковиц!

Остановить его, пока не поздно!

Брок перелез через баррикаду и стал подниматься вверх.

Этажом выше чернело укрепление рабов. Оно было построено из металлических столбов, стальных конструкций, гранитных плит, колонн и бог знает из чего еще. Металл и камень во многих местах были сплавлены в единое целое. Выбоины в баррикаде свидетельствовали о том, что против нее боролись с помощью огня и кислот.

Но как пройти сквозь это затвердевшее месиво?

«Огонь с ним не мог справиться, а что могу сделать я голыми руками? Ведь баррикада поднимается до самого потолка!»

За железной колонной, разрезанной пламенем пополам, скрыта маленькая дверца. Она не заперта… За ней — коридор, по которому можно пробраться.

Так Петр Брок оказался в лагере рабов.

Вокруг тьма, озаряемая лишь пламенем факелов. «У этих нет прожекторов, — с сожалением подумал Брок, — нет даже ни единой лампочки…» Но на лестнице к чему-то готовятся. Факелы энергично носятся вверх и вниз, а под ними висят красные пятна человеческих лиц. Тела, одетые в рубище, поглощены тьмой.

Брок с трудом пробирался среди мечущихся факелов. Он хочет встретиться с Витеком. Но где его найти?

Лестница кончилась, этаж развалинами стен побежал в сторону. Глаза с трудом привыкают к кровавым языкам факелов, с которых капает смола и идет дым…

XLI. Пророк № 794 — „…потом я уничтожу живого Молоха!“ — Брок встречается с Витеком из Витковиц — „Отложи свое наступление до завтрашнего дня“

В просторном зале за обвалившейся стеной на груде обломков стоит старик, со всех сторон освещаемый языками пламени. Прямо над его головой в потолке зияет дыра, словно сквозь нее только что улетел сам сатана. Старик грозно возвышается над толпой рабов. Он слеп…

Брок вздрогнул. Это тот самый слепой пенсионер № 794, к которому он попал после бега по лестнице. В кровавом венце факелов он кажется похожим на последнего апостола, собравшего свою измученную паству в глубине катакомб.

— Я ждал десять лет, — говорит он взволнованным голосом, — пока однажды не открылась стена… Человек не мог пройти этим путем!

Это был Он, долгожданный Освободитель, Несущий свет!

Он пришел, чтобы вывести нас из этого ада в тысячу этажей!

Горе Мюллеру, тысячу раз горе!

Настал час отмщения!

Восстаньте против него и свергните его рабство!

Ибо Он сказал: «Я верну вам снова солнце и любовь, мечты и желания!

Я выведу вас из мюллердомовского плена и приведу вас в ваши дома!»

И сказал Он также: «Я сойду к вам, чтобы вы могли работать для меня здесь и я мог работать для вас!»

Из толпы раздался голос:

— Если он так могуществен, этот твой бог, почему он не уничтожит Мюллера, чтобы мы могли войти в Гедонию без кровопролития?

Старик воскликнул:

— Трусы! Разве не сказал он: «Ступени озарены будут факелами, а потолки лопнут, как стенки пузырей, проткнутые ножом!

Будет кровопролитие, какого еще не бывало на звездах! Кровь врагов поднимется выше баррикад **и** польется по ступеням кровавым водопадом…»

И снова послышался другой голос:

— Мюллер обещает нам после смерти жизнь на звездах. А какую загробную жизнь нам обещает твой бог?

Старец поднял руку к потолку, откуда сквозь

зияющую дыру низвергалась тьма.

— Он сказал: «Что для вас может быть хуже и в то же время лучше, чем смерть? Добрая и тихая смерть без сновидений, как сон слепого ребенка!»

В толпе зароптали:

— Зачем думать о смерти, когда нас ждет райская жизнь в Гедонии? Обожравшихся небожителей мы отправим в рабство на наше место. А сами будем наслаждаться в раю на земле!

— Горе вам, — крикнул пророк, — если вы хотите создать из своих желудков новых кумиров!

Ибо Он сказал: «Вы войдете в их храмы, опочивальни и трапезные, изгоните лжепророков, и торгующих, и сибаритов, и ладони ваши останутся неосквернеными!

Вы свергнете идолов Молоха, а потом я сам уничтожу Молоха живого!»

Многие из слушающих ропща отходили от этого пророка и присоединялись к другой толпе. Там проповедовал иной слепец, он возвещал радости, которые ждут их в райских уголках Гедонии.

Брок остался с несколькими верующими у своего старика, с огромным интересом внимая его пророчествам. Он был поражен тем, что придумал этот мудрый старик, как, используя

случайную с ним встречу, он стал провозглашать новые идеи, чтобы помочь Витку из Витковиц! На минуту у Брока возникло желание заявить о своем присутствии, чтобы подтвердить слова слепого пророка. Но он тут же отогнал эту мысль.

Его вдруг стало мучить сознание, что он не выполняет своего долга, что пора уже вернуться на сотый этаж, чтобы завершить начатое дело.

Несколько табличек со стрелками указали ему путь. По стремянкам через дыры в потолках он поднялся на несколько этажей. Наконец он очутился перед дверью, на которой было написано:

ГЛАВНЫЙ ШТАБ

Он проскользнул в дверь вместе с запыхавшимся связным, который только что откуда-то вернулся.

За дубовым столом вместе со своим штабом сидел Витек из Витковиц. Перед ним лежала карта военных действий в Мюллер-доме.

Это был сухощавый молодой человек с растрепанными черными волосами. У него были серые глаза, бледные, крепко сжатые губы, большой нос и энергичный, словно высеченный из-мрамора, подбородок. Он курил одну сигарету за другой, и кончики пальцев у него были желтыми от

никотина.

— Витек, — воскликнул связной, — пробиться не удалось!

Витек даже бровью не повел. Он склонился над картой, представляющей собой план 490-го этажа. В один из квадратов он воткнул черный флажок. Там уже чернели три таких флажка.

Связной, с трудом переводя дыхание, продолжал:

— В том месте, где ты указал, рота саперов увязла в песке. Весь подвал под этой спальней до самого потолка засыпан песком. В песке спрятаны мины. Одна из них от удара кирки взорвалась. Двоих братьев убило, троих ранило. Лица сидящих нахмурились.

— Проклятый этаж!

— Это уже в четвертый раз!

— Всюду песок и только песок!

— Неужели эти негодяи засыпали весь этаж с пола до потолка?

— Кажется, они кое-чему научились, — сказал Витек, — у них во всех комнатах находится охрана. Как только они слышат удары, моментально сообщают об этом и засыпают помещение, раньше чем нам удается пробиться.

В комнату вбежал новый связной. На лице Вит-

ка появилось выражение нетерпения.

— Ну что?

— Песок, — выдохнул связной.

Витек так закусил губу, что брызнула кровь. На карте появился новый черный флажок.

— Не остается ничего иного, — сказал он хмуро, — 1 как предпринять сегодня же фронтальную атаку на баррикаду.

Он взял другую карту. Это был длинный лист, на котором был изображен вертикальный разрез Мюллер-дома от основания до самой крыши. Проломы в потолках и на лестнице были обозначены красными флажками.

Генералы, которые, сжав губы, склонились над картой, вновь заговорили:

— Нелегкая это будет работенка!

— А до «Вселенной» осталось еще 98 этажей!

— Питьевой воды у нас меньше чем на 144 часа!

— А вина — на 66 часов!

— А потом польется водка Вест-Вестера!

— Сонные порошки, одурманивающие пилюли и кокаин!

— Спасти нас могут только воздушные транспортные средства концерна «Вселенная»!

— Да, но до них 98 этажей!

— Брут, — обратился Витек к одному из генералов, — этой ночью ты атакуешь девятую баррикаду. Второй эшелон обороны не очень укреплен, потому что наемники готовятся к наступлению. Пусть пять тысяч человек ждут моего сигнала!

Но в этот момент заговорил Петр Брок:

— Витек из Витковиц!

Все повскакали, оглядываясь по сторонам.

Между тем Брок продолжил:

— Отложи атаку на один день. Если ты начнешь наступление сегодня, то погубишь свою армию!

Витек опомнился первым. Он крикнул;

— Чей это голос?

Голос представился;

— Я Петр Брок!

— Это ты, вероятно, тот бог, учение которого проповедует пророк № 794?

— Я не бог. Я пришел предупредить тебя, чтобы ты не начинал наступления в эту ночь.

— Почему?

— Ни о чем не спрашивай! Поверь мне, и завтра во всем убедишься сам!

— Я верю тебе и сделаю, как ты велишь! Атака будет отложена…

Брок исчез, покинув изумленных и радостных

предводителей восстания.

XLII. Газ из мехов будет уходить — Красный треугольник — Тоска старика Шварца — Прежде чем постареть… — Кнопка 100

Повсюду на пути Брока восставшие рабы готовятся ко сну. Главная лестница освещена одним-единственным факелом. Брок проскользнул в дверь в железной баррикаде. В несколько прыжков он оказался перед линией фронта неприятеля и бесшумно перебрался на ту сторону.

На фоне серебристого света прожекторов на ящиках сидят два человека. Один из них, юноша, смотрит на баррикаду. Второй беззаботно улыбается, показывая все свои бесчисленные морщины. Это Шварц.

— Сегодня я могу спать спокойно, — прошамкал он, тряся сморщенной головкой, — если они что-нибудь предпримут, мы дадим несколько выстрелов, сделаем вид, будто отчаянно сопротивляемся, словно защищаем своих детей. Мы будем «вынуждены» отступить за бетонные сооружения этажом ниже. А они между тем расползутся здесь как вши…

— А что, если они обнаружат бочонки с вашим газом? Что делать тогда?

— Не обнаружат, мой мальчик, не обнаружат… Бочонки наполнены винцом, а газ из мехов, плавающих в вине, будет уходить. Таких бочонков «на всякий случай» там расставлено много, но они столь же безопасны, как грудное дитя в пеленочках. А настоящие, газовые бочонки обозначены красными треугольниками, они и стоят по углам. По сигналу…

— Ты, дед, все это здорово подстроил, но что, если эти пролетарии улягутся вдали от твоих бочонков?

— Не беспокойся, желторотик, я все продумал еще до того, как ты на свет божий появился. Они расположатся, так же как и мы, в районе лестницы! Витек будет их держать возле себя, чтобы они не загуляли по трактирам и барам, понял теперь, несмышленыш?

— А что, если они устремятся за нами на лифте?

— Не плачь, мой маленький, это у тебя зубки прорезываются, я тебе сейчас пеленочку переменю… Они давно бы уже ездили в отпуск в Гедонию, если бы управление лифтом было в их руках! Ты намочил пеленочку, мой бедненький…

Беззубый рот Шварца вытянулся в долгом зевке.

Этим воспользовался Брок. Он схватил ком ваты и заткнул им черную дыру старческого рта.

В следующую секунду он рассчитался с любопытным «ребеночком». Прежде чем тот пришел в себя, Брок ударил его в висок. С вытаращенными глазами тот провалился куда-то в темноту.

Между тем маразматик проявил удивительное проворство в попытке удрать от Брока. Но тот поймал его за ногу и дернул назад. Затем надежно связал его длинной веревкой.

— Не беспокойся, дед — прошептал он прямо в испуганные глазки Шварца, — тебе уже СИО не грозит. Или ты боишься, что постареешь еще на сто лет?

Затем с помощью кляпа и веревки Брок обезопасил себя и от его собеседника. Покончив с обоими, он осторожно подобрался к палаткам.

Лагерь спал.

С несколькими скучающими часовыми Брок расправился быстро и ловко. Он сразу же увидел бочонки, обозначенные красными треугольниками. Из-под них торчали резиновые шланги, стянутые веревкой. Брок стал их быстро развязывать.

Когда Брок возился с последним баллоном, у него вдруг закружилась голова. Перед глазами, причиняя острую боль, возник невыносимый кровавый треугольник. Брок чувствовал, что теряет сознание. Напрягая силы, он взял себя в руки.

«Прочь, прочь, отсюда, пока я не постарел!» Шатаясь, он двинулся вперед.

Еще три шага — и лифт!

Еще шаг — и в последний момент с врезавшимся в мозг тупым, болезненным треугольником Брок повалился в лифт.

Кнопка 100! 100! 100!

Брок упал на пол.

XLIII. 100-й этаж — „Тебя обманули, Морская чайка!“— Прежде всего разыскать Мюллера — Личные телохранители Агасфера Мюллера — Его библиотека

Ему кажется, что он лежит на прохладных простынях и смотрит в потолок. Потолок совершенно белый, а в центре его изображен красный треугольник. Он бессмыслен, его цвет невыносимо ярок и он давит на мозг, вызывая ужасную боль. Словно у этого треугольника есть отверстие и кто-то стремится втиснуть в него его круглый череп. О, если бы не было этого треугольника! Как прекрасно было бы здесь! Потолок белеет сахарной головкой, и его сладость даже ощущаешь на языке. На нем висит матовая лампочка, как уснувший бутон водяной лилии.

И вдруг — толчок!

Что случилось?

Ах да! 100-й этаж!

Открытая дверь лифта, пальмовая роща, звучащая радуга перекинувшейся арки.

Брок хотел перебежать по ней, но вовремя спо-

хватился.

Этого делать нельзя!

Ведь он выдаст себя.

Мюллер сразу поймет, что кто-то незваный хочет проникнуть в его резиденцию. Ведь это не мост — это дуга арфы, на которой должен сыграть мелодию каждый гость, входящий во дворец Мюллера!

Не остается ничего иного, как ждать, чтобы соединить свои шаги с другими, которые тоже направятся сюда.

Ждать пришлось недолго. Послышался шум шагов, и среди пальм показался… лорд Гумперлинк!

Это и вправду был он, Морская чайка! Его Брок меньше всего ожидал увидеть! Откуда он взялся? Воспоминание о принцессе обожгло его. Что с ней случилось?

Лорд Гумперлинк без колебаний вступил на мостик. Вслед за ним нога в ногу двинулся Брок. Мост отозвался грустной мелодией, которая затихла, только когда они остановились перед воротами дворца.

Морская чайка с наслаждением подвергся процедурам, предшествующим аудиенции. Наконец, в белом одеянии римских патрициев он предстал

перед идолом.

Надутый Мюллер вновь восседал на своем троне, разложив на коленях живот, с расчесанной, окладистой раздвоенной бородой, прилепленной к застывшей улыбке.

— О повелитель! — воскликнул Гумперлинк, касаясь лбом ковра. — Я исполнил твой приказ!

— Какой приказ? — голос доносится откуда-то изнутри фигуры.

— Принцессу Тамару я отвез обратно на родину!

Брок вздохнул с облегчением.

— И я тебе это приказал? — раздался громогласный крик.

— Я повиновался твоему голосу, о повелитель!

Морская чайка кратко рассказал, как его разбудили, как он вначале сам не поверил и с револьвером в руках бросился к дверям, но как потом повиновался, когда убедился, что голос звучит с потолка.

— Тебя обвели вокруг пальца, — послышалось злобное шипение, — обманули, как мальчишку, Морская чайка с ослиными ушами! Ты внял голосу не моему, а дьявола! Немедленно назад! Подними по тревоге весь флот! Он к твоим услугам! Но без принцессы не возвращайся! Вон!

Лорд Гумперлинк исчез. В зале остался только Брок. Он понимает, что действовать надо быстро, ибо его принцессе грозит опасность…

Скорее закончить это дело!

Но сначала надо найти Мюллера!

Надо обыскать весь дворец!

Все комнаты, все ниши, простукать все стены, полы, потолки…

Крадучись, он подошел к черной портьере позади трона. Отведя ее, он увидел стеклянную стену, разделяющую царские покои на две половины. Брок проскользнул в дверь. Насколько эта половина зала отличается от предыдущей с её сверкающим троном!

В диком беспорядке, как бы в минуту затишья между оргиями, здесь валяется около дюжины мужчин, могучих, полураздетых, с мускулистыми выбритыми лицами римлян. Их прозрачные пуленепробиваемые шлемы и панцири разбросаны тут же между матрацами, на которых они спят.

Это личные телохранители Агасфера Мюллера!

Брок прошел мимо них на носках. Длинный, узкий коридор, винтовая лестница ведущая вверх, и снова дверь:

БИБЛИОТЕКА

Четыре стены с пола до потолка заставлены книгами различной величины. Некоторые из них толсты, как стволы старых дубов. Из-за своей бессмысленной толщины они фактически перестали быть книгами!

Это — библиотека Мюллера!

Значит, и сам Мюллер должен быть где-то поблизости. Брок читает названия некоторых книг, лежащих на столе:

«Гимны и оды во славу бессмертного Мюллера».

«Молитвы, обращенные к всевышнему Мюллеру».

«О том, как Агасфер Мюллер завоевал мир. Подробное описание».

«Завоевание Агасфером Мюллером звезд. История Вселенной».

«Рай и ад Агасфера Мюллера».

«Тысяча лиц Агасфера Мюллера».

«Как строился Мюллер-дом».

«Путеводитель по Мюллер-дому».

«Гедония и виды наслаждений».

«О земных страстях Агасфера Мюллера. Как он любил весь мир».

«Агасфер Мюллер, бог и человек. Философская серия».

Брок понял, что все это огромное количество книг всевозможных жанров предназначено для поддержания культа таинственной личности Мюллера. Чем ближе он с ним знакомится, тем сильнее растет его любопытство. Как он выглядит? Кто он?

XLIV. Как мучить цветы — Агасфер Мюллер играет в детской комнате — Сокровищница — Маски из человечьей кожи — Орангутанг

Следующая комната — стеклянные витрины, и в них модели странных, не виданных Броком аппаратов иприборов. Может быть, это приспособления для пыток, созданные изощренным умом? Судя по форме, некоторые из этих орудий скорее предназначены для мучения животных, птиц, насекомых, а не человека!

На столе в вазе с желтой пахучей жидкостью ветка сирени с почерневшими цветами. Рядом книга в пергаментном переплете:

КАК МУЧИТЬ ЦВЕТЫ
Автор — Агасфер Мюллер

Брок наугад раскрывает страницу:

Как замучить розу

«Расцветшую розу надо с помощью пламени отделить от куста. При этом огонь надо держать у ствола так долго, пока роза сама не отвалится. Со стебля

соскоблить кожуру до самого цветка и поставить его в вазу с кипящей водой. С помощью стеклянного змеевика накапать в вазу концентрированный раствор серной кислоты. Подключив аромаметр, можно проследить за стремительным взлетом кривой запаха и ее внезапным падением. С помощью аромафона можно услышать тихий стон царицы цветов. Она побледнеет, затем посинеет и внезапно упадет. Пестик следует вырезать…»

Так вот, значит, какова душа Агасфера Мюллера! Что же это — безумие или патологическая извращенность? Вон та белая лилия в вазе заражена болезнью черных пятен. Хризантема задохнулась под стеклянным колпаком от испарений никотина! Красный пион, пестик которого проткнут отравленной иглой!

Но подобное издевательство над цветами — игра в целом безобидная, свидетельствующая скорее об инфантилизме извращенного кретина! А другие странные предметы, о чудовищном предназначении которых можно лишь догадываться, не являются ли они орудиями пыток живых существ?

Покинув эту жуткую комнату, Брок замер от

изумления — он стоял на пороге детской!

Какое невероятное противопоставление! Волшебный уголок сказок и грез ребенка! Детская кроватка… На красочном коврике — широкий круг железной дороги, у жестяного перрона стоит длинный поезд. Здесь же тоннель, мост и стрелки. Чуть подальше разбросаны строительные кубики, из которых кто-то начал возводить храм, намереваясь закончить его позже… Рядом лежит «Волшебный фонарь» со стеклянными диапозитивами. Детская типография, на клочке бумаги отпечатано сначала четко, а потом все слабее — Агасфер Мюллер… Агасфер Мюллер… Агасфер Мюллер…

Неужели у этого проклятого тирана и инквизитора есть сын? Или из-за какой-то невероятной сентиментальности он превратил в реальность священные воспоминания о своем детстве? Быть может, он сам заводит игрушечный поезд и проецирует на стену цветные изображения?

Что же находится рядом с детской? Гостиная со швейной машиной и семейными портретами, спальня или кухня с плитой и полкой, уставленной белыми чашками?

Красная, совершенно пустая комната. Лишь в центре на круглом столике стоит хрустальная

чаша с прозрачно чистой водой. В ней плавает человеческое сердце…

Следующая комната — синяя. И опять хрустальный сосуд с водой, в которую погружены два голубых человеческих глаза.

Но Брок уже ничему не удивляется. Он быстро проходит одну комнату за другой, пока не оказывается в душном зале, в котором мечутся, мяукают, царапаются около ста черных кошек. Из этого кошачьего царства он попадает в великолепный зал, полный несметных богатств.

Купленные, украденные и тайно вывезенные короны царей и императоров, золотые жезлы, державы, кафедральные дароносицы, ритуальные одежды из Ватикана, буддийских храмов и каменного святилища далай-ламы.

Обрамленные золотом бриллианты величиной с гусиное яйцо украшают рамы картин знаменитейших живописцев, привезенные сюда из самых известных музеев разоренной Европы.

Стержни из золота, платины, солиума и радия.

Кучи перстней, браслетов, ожерелий осыпаются, перемешиваясь друг с другом.

Бочонок, полный золотых часов!

Ящик серег!

Ряды сундуков с золотыми монетами всех госу-

дарств мира…

В центре зала зияет круглая черная дыра, огражденная перилами. Для того чтобы определить ее глубину, Брок бросил туда один из золотых стержней. Он долго считал и прислушивался — ничего!

Только сейчас Брок заметил электрический выключатель у края этого колодца. Когда он повернул его, то ствол колодца осветился до самого дна. Брок понял — это вход в гигантскую шахту высотой в сто этажей, служащую основанием Мюллер-дома и являющуюся величайшей сокровищницей, в которой Мюллер хранит то, что награбил во всем мире…

За золотой кладовой находился гардероб.

Несколько этажей платяных шкафов, набитых разнообразнейшей одеждой. Новенькие генеральские мундиры, безукоризненные смокинги биржевых маклеров, рясы монахов и мантии епископов, матросские тельняшки, ковбойские шляпы, цилиндры, залатанное тряпье нищих и белые балахоны призраков.

Но что странно — все это сшито на человека маленького роста с узкими плечиками и короткими ножками. У некоторых костюмов — накладные плечи, у других — накладной ватный живот.

Здесь висит даже пиджак с искусственным горбом.

А угол ощетинился деревянными, инкрустированными серебром тростями, кнутами, плетками, стеками с потайными кинжалами, посохами и клюками нищенок. В ящиках лежат трубки, очки, вставные челюсти, искусственные уши, носы, парики. Конечности с пружинными механизмами.

Но самое жуткое — это шеренга подставок с мумифицированными головами, на которые натянуты человеческие лица: их обработанная кожа снята вместе с усами и бровями! Растягивающиеся, почти как резиновые маски, при попытке их надеть, они создают полную иллюзию лица.

О, какие огромные возможности для виртуозных метаморфоз! Давно умершее лицо можно надеть, как шляпу! Теперь понятно, господин Мюллер, почему в тебе сам черт не может разобраться! Ты бродишь по своим этажам в качестве генерала или безногого калеки, биржевого маклера с золотой цепью на животе или горбатого шута — но кто же все-таки ты?

Брок замер в дверях следующей комнаты.

В открытой ржавой клети ствол дерева с высохшими ветвями напоминает раскинутые руки

скелета.

На одной из веток раскачивается страшный орангутанг!

Брок отступил назад. Он решил, что обезьяна заметила его. Ибо когда он показался в дверях, она оскалила зубы.

Но после нескольких робких попыток он осмелел и неслышно пробрался под клыками, ощетинившимися над его головой.

Он дотронулся до ручки следующей двери.

Очень осторожно, еле нажимая, он бесшумно приоткрыл ее. Прошло немало времени, прежде чем он сумел пройти в образовавшуюся щель. И так же бесшумно прикрыл ее.

XLV. Машина всеведения — Да, это Он! — Его голова на расстоянии протянутой руки — Голоса биржи

Брок огляделся.

Огромная чрезвычайно сложная машина возвышалась полукругом, занимая всю противоположную стену зала. При виде ее Брока даже бросило в дрожь. Хаотичное на первый взгляд переплетение дрожащих спиралей, проволочек, кнопок, электронных трубок с фосфоресцирующими циферблатами сливалось в некое удивительное создание, которое напоминало живой организм, тело универсального ожившего робота… Ряд бесчисленных клавишей, похожий на бесконечно длинное пианино. Клавиши разной длины, их концы округлены, словно хрупкие, бескровные девичьи пальцы с ухоженными ногтями.

Подобно стеклянному органу, прозрачные трубки в ряду постепенно удлиняются соответственно увеличению их диаметра. В этой машине каждый из непонятных компонентов повторяется с доводящей до сумасшествия пунктуальностью

тысячу раз. Тысяча клавишей, тысяча звонков, тысяча лампочек, тысяча выпуклых глазков. Изредка они подмигивают холодными зелеными точками, словно эти таинственные сигналы составляются из кошачьих зрачков.

В центре этой чудовищной машины, похожей на огромный алтарь языческого божества, поблескивает белый круг, напоминающий огромную облатку причудливой дароносицы. Под кругом расположен громкоговоритель в виде чаши из какого-то гладко отполированного материала.

Против алтаря в глубоком кресле кто-то сидит спиной к Броку. Виднеется лишь чуб рыжих волос, языком пламени торчащий над спинкой кресла.

Брок затаил дыхание.

Вот это и есть Мюллер?

Низкорослый, тщедушный, он утонул на дне кожаного кресла. Он скорее похож на девочку с рыжими волосиками — ведь из-за спинки кресла не видно даже его головы…

Брок, бесшумно ступая, зашел с другой стороны. В глубине сиденья он увидел маленького, сухонького человечка с отталкивающим лицом в ярко-зеленом халате. Дряблые щеки его от уголков губ свисали двумя безобразными складками.

Вывернутая нижняя губа почернела до самой десны. От нее брал свое начало водопад рыжих волос, который внизу расщеплялся на два тонких ручейка, доходящих до колен.

Но его нос! Гордая линия орлиного клюва! Великолепная дуга раковины, свидетельствующая о высокомерии, мизантропии, жестокости и стремлении покорить мир!

Агасфер Мюллер!

Да, это — он!

Этот смешной, желтый коротышка, заживо погребенный в глубине кресла, как на дне могилы!

И эти волосатые отверстия с серыми мочками — это и есть уши, которые заставляют замолчать любой голос в Мюллер-доме?!

А эти две ядовито-зеленые, слезящиеся, бегающие точки, обрамленные узорами сбегающихся морщин, — это и есть те всевидящие очи, которые замечают разом все, что творится в сотнях комнат на тысяче этажей?

А это та голова, в которой родился чудовищный план сотворения на земле ада и рая? И этот череп находится от меня на расстоянии вытянутой руки, и я могу раскроить его, убив живущее в нем безумие!

Вдруг Мюллеру захотелось чихнуть. Он при-

близил руку к носу, закрыв его ладонью. Брок наблюдает за тем, что будет дальше, и с изумлением видит, что нос, победоносный орлиный нос, остается у него в руке! Вместо него на лице торчит маленький вздернутый обрубок без всякого намека на переносицу, две круглые дырки в пуговице, очутившейся между щек. Вот теперь он это лицо узнал — он видел его в окошке, которое раскрылось над ним, когда он лежал, почти потеряв сознание, в зеркальном зале.

Орлиный нос снова занял свое место.

Но почему эти слезящиеся зеленые глаза, обрамленные морщинами, почему они так пристально смотрят на блестящий круг?

Что это такое?

Зеркало?

Да, зеркало, но очень странное. В его серебристо-прозрачной глубине не отражается ни один предмет, находящийся в комнате.

Зеркало пусто!

Гладкое серебристое дно — и больше ничего…

Внезапно эта непроницаемая серебристая даль приблизилась, потемнела, и Брок стал смутно различать, что там что-то движется, словно он смотрит на муравейник через мощное увеличительное стекло. Кишащая масса почернела, стала

приобретать формы, начали вырисовываться отдельные черты.

Брок от неожиданности чуть не вскрикнул:

— Биржа!

Да, это был вид биржи с птичьего полета.

Брок вспомнил о стеклянном окне в потолке…

Он увидел биржу с прозрачной статуей Атланта и с муравейником черных цилиндров.

Человек в кресле нажал на что-то своими костлявыми пальцами.

Послышался звук, напоминающий кошачий вой в мартовскую ночь любви. Но вот все затихло, и в центре алтаря заговорила чаша.

Брок сразу узнал голос биржи.

Хаос таинственных шепотов, шагов, восклицаний сливается с движением фраков, цилиндров, лиц…

Пальцы Мюллера снова касаются клавиш, общий шум рассыпается на отдельные звуки, из которых выделились два четких, своеобразных по тембру голоса:

— Купил?

— Я понес убыток!

— Плохие времена!

— Мюлдор падает…

— Сколько?

— 25!
— Ого-го!
— Тс-с-с!
Другая пара голосов:
— И что теперь будет?
— 99!
— А завтра?
— КАВАЙ…
— Проклятый голос!
— Удрал!
— Убил Орсага!
— Вырвал у него глаза!
— Кто?
— Голос!
— А великий Мюллер?
— Тс-с-с!
И еще один диалог:
— Курс белых падает…
— Принцесса удрала!
— Он унес ее…
— Кто?
— Голос!
— А наш повелитель и благодетель?
— Хватит этого елея!
— Близится конец!
— Тс-с-с!

— Чего бояться? Наступает нечто большее, нежели сам Мюллер!
— Тайна «Вселенной» раскрыта!
— С бога сорвана маска!
— На бирже крах!
— Ну так кто победит?
— Тс-с-с!
— Да хватит цыкать!
— Мюллер погибнет!
— Погибнет!
— А кто победит?..
— Он!
— Голос!

XLVI. „Герр Эрлебах!“ — Говорит горбун — „...из верблюда я превращусь в человека!“ — „Арестовать горбуна Чулкова!“ — Здесь будто бы место линьки целой собачьей своры — „Смерть паразитам!“

В эту минуту Агасфер Мюллер лениво приподнялся с кресла и нехотя взял на клавиатуре аккорд, который, казалось, ему давно опротивел. Затем он с ледяным спокойствием крикнул в хрустальную чашу:

— Герр Эрлебах!

В серебристом круге на фоне черно-белой мозаики фраков и манишек показалось побледневшее лицо. Оно было искажено от ужаса.

— Герр Эрлебах!

Человек пал ниц, воздев к потолку руки.

— Помилуй, помилуй! — взмолилась чаша.

Но Агасфер Мюллер сказал совершенно спокойно:

— Герр Эрлебах! 95! 64! Красные зеркала, дверь номер семь!

Диск заволокло беловатой пеленой, которая

вскоре вновь исчезла. Серебристая даль стремительно приблизилась, и вот уже на экране — гостиница-трактир «Эльдорадо». Под матовыми лампами, сделанными в виде черепов, за дубовым столом собрались сливки общества, о делах которых Брок узнал во время посещения Вест-Вестера. Когда же это было? Сколько времени прошло с тех пор?

Из знакомых здесь — горбун Чулков, безрукий убийца Гарпона, великан, поймавший в сети Брока, разжалованный, оскорбленный генерал Грант, манерой говорить, одеждой и поведением ничем не выделявшийся среди окружающих.

Говорил горбун:

— Ну, кто же из вас его схватит? Ко-ко-ко-ко! Может быть, ты, Гарпона, убьешь его голыми ногами? Или ты, Секретарь, дашь ему понюхать розу Шварца, пропитанную старостью? Ла-ла-ла-ла! А что можешь ему сделать ты, Мурно, со своим любовным напитком? Ты знаешь, сколько ему лет? Ты хочешь, чтобы он сгорел от любви к принцессе Тамаре? Ме-е-е! Все вы оказались в дураках со всеми вашими газами, порошками и пилюлями! Кто из вас кого поймал? Ме-е-е!

— Это не человек!

— Это бог!

— Бог позволил бы себя поймать в сети?

— Бог один, и этот бог — Мюллер!

— Значит, дьявол сильнее!

— Чем Мюллер?

— Тс-с-с!

Все сидящие за столом как по команде приложили палец к губам. Но горбун продолжал кричать:

— Трусы! Неужели вы еще ничего не поняли? Будь это бог, человек или ничто, но он больше, сильнее и могущественнее нашего Мюллера! И поэтому, пока есть время, давайте сменим кожу! Перейдем на сторону того, кто сильнее! К черту Мюллера!

Агасфер Мюллер снова приподнялся с кресла. Он взял на бесконечно длинной клавиатуре несколько мертвых аккордов и наклонился к хрустальной вазе.

— Сударь Чулков!

Все пятеро сидевших за столом повскакали с мест, волосы у них встали дыбом, лица перекосились от ужаса.

Лишь Чулков остался на месте. Он с такой силой оттолкнулся от стола, что стул под ним жалобно заскрипел. Потом он схватил стакан и с размаху разбил его о потолок. Все вокруг следили

за каждым его движением с полуидиотским, полузлорадным выражением лица.

Петр Брок ждал, что человек в кресле взорвется от злости, что кресло разлетится на куски, а разъяренный голос просвистит как пуля!

Но ничего подобного не произошло. Казалось, у человека в кресле вообще нет ни нервов, ни желчи. Нечеловечески бесстрастным, почти сонным голосом, он произнес в микрофон:

— Сударь Чулков! 95! 64! Красные зеркала, дверь номер семь!

Брок пристально следил за дрожащим от гнева лицом горбуна, который ударил кулаком по столу и закричал, подняв голову к потолку:

— Не пойду, никуда я не пойду! Я многое для тебя, благодетель, сделал! Ме-е-е! Но теперь я для тебя и пальцем не пошевелю! Ко-ко-ко! Я устранил старика Галио, а чем ты меня отблагодарил? Пятьдесят тысяч звезд — это, конечно, подарок божественный — ки-ки-рики — каждый вечер я смотрю на них и готов лопнуть от злости! Даже в Гедонию ты меня не пустил, отче небесный, обещал, но не пустил! Но я туда все равно попаду, вонючка проклятая, а своими звездами ты можешь заткнуть себе глотку, смотреть на них я могу, когда мне заблагорассудится! Звездами ты

можешь расплачиваться с другими идиотами, рыжий дьявол, я из барана снова превращаюсь в человека! Тра-ла-ла! Тра-ла-ла!

Горбун, у которого неожиданно лопнуло терпение, вероятно, еще долго продолжал угрожать потолку, но Мюллер, пробежав пальцами по клавишам, остановил поток его красноречия, и надменный горб исчез, стертый дымчатой пеленой.

На экране появилась фигура согнувшегося полицейского инспектора. Мюллер продиктовал:

«Этаж 411 — Вест-Вестер, гостиница «Эльдорадо»! Арестовать сударя Чулкова! Поместить его в Красных зеркалах, 95, 64, 7!»

Мундир полицейского тоже растворился в тумане. Агасфер Мюллер опять нажал на клавиши. Стеклянный орган зазвучал тягучими, по-детски жалобными стонами, будто кого-то душили. Все это напоминало крики черных кошек в одной из комнат, через которую прошел Брок. А может быть, действительно существует связь между сладострастными кошками и этим сатанинским алтарем?

Ряды зеленоватых глазков машины фосфоресцируют, словно тысячи кошек смотрят из

темноты…

Кошачий концерт оборвался, и диск стал светлеть. Брок различил лагерь. На экране медленно прокручивается картина боя, видимая с птичьего полета. Вот баррикада революционеров, «ничья земля», укрепления наемников, их бивуаки.

Внезапно на лице Мюллера появилось выражение беспокойства. Это хрустальное жерло заговорило огневым языком взрывающихся гранат и бомб! В огромном зрачке отражается отчаянная атака восставших на предательскую баррикаду. На деревянной стене из ящиков и бочек неожиданно распускается тысяча цветов голубого пламени. Пылающая смола огненными когтями впивается в деревянные сооружения.

Но — странное дело! Баррикада мертва! Никто на ее вершине не размахивает среди огня флагом смерти! Восставшие рвутся вперед, в огне и грохоте взрывов им чудится черный ангел, опоясанный красным кушаком, по его нет!

Брок с таким же напряжением, как и Мюллер, следит за победным штурмом пустой баррикады.

Но что это?

Толпа облысевших стариков, жмущихся по углам с поднятыми руками. А захваченный лагерь — какая это жалкая картина бессилия! Всюду

натыкаешься на впалые щеки, заострившиеся подбородки, согнутые крючком фигуры!

Армия блестящих лысин, беззубых ртов, лиц, изборожденных морщинами, стоит на коленях перед изумленными победителями. Под ногами — выпавшие волосы, как будто это место линьки целой собачьей своры.

А из громкоговорителя доносятся крики ликования и восторга:

— Это Он! Он!

— Петр Брок!

— Детектив!

— Бог!

— Тот, о котором вещал пророк!

— Наш новый бог!

— Он сотворил чудо!

— Он с нами!

— Он!

— Бог и детектив!

— Тише! Тише!

Над стихающей волной криков раздался громовой голос:

— Все за мной!

— Лестница свободна!

И снова крики:

— Победа!

— Вперед!
— Смерть паразитам!

XLVII. Генерал Окс — „… око за око!“ — Мюллер предлагает Броку стать живым богом в Мюллер-доме — „Вот мой ответ!“ — Брок погребен…

Наконец, не выдержав, Мюллер выскочил из своего кресла и обоими кулаками ударил по краю клавиатуры.

Зеленые зрачки сверкнули, и уши Брока резанула пронзительная кошачья симфония. Одновременно на экране появился новый огромный лагерь, полный молодых, здоровых солдат.

Брок понял — Агасфер Мюллер хочет ввести в действие резервные силы! Он хочет закрыть брешь и задержать победное наступление рабов!

Пришло время сорвать замыслы Мюллера. Все, что он хотел узнать, он видел и слышал. Он проник в тайну всеведения Мюллера и теперь остается лишь…

Агасфер Мюллер нагнулся к чаше, чтобы отдать приказ войскам. Но в этот момент Брок поймал его за бороду и рванул назад.

Мюллер схватил его руку и так дико закричал, что Брок от испуга отпустил бороду. Рыжий

карлик вдруг начал бешено прыгать по залу, и в этих безумных прыжках было что-то настолько жуткое, отталкивающе карикатурное, что Брок задрожал от охватившего ужаса. Он пристально следил за его прыжками и, когда Мюллер приблизился к машине, выхватил нож.

— Прочь, — крикнул он. — Прочь от машины! Не то — смерть!

— Смерть! — захохотал Мюллер. — Да если ты только коснешься меня, то сам погибнешь вместе со мной. Рухнет весь Мюллер-дом!

Он ударил руками по клавишам, словно хотел призвать на помощь ад!

Брок опустил руку с ножом — на экране снова стали меняться картины, изображающие лестницу, по которой стремглав мчится вниз армия рабов. Над лицами, опьяненными легкой победой, развевается обагренный кровавыми пятнами флаг.

Этаж за этажом несется вниз лавина восставших в рубище, без отдыха, без остановки, не встречая сопротивления. И это падение лавины на экране сопровождается гробовым молчанием хрустального динамика.

Мюллер несколько мгновений смотрит на эту киноленту и с проклятьем обрывает ее. И снова

на экране — беззаботная веселая жизнь резервного лагеря.

Пальцы Мюллера забегали по клавишам.

Вдруг он закричал:

— Генерал Окс!

Но Брок сумел оторвать его от микрофона, безжалостно дернув его за бороду, так что едва не выдрал ее!

В течение доли секунды Брок продел конец бородки за спинку кресла и связал оба конца мертвым морским узлом.

Агасфер Мюллер начал бесноваться, он отчаянно кидается из стороны в сторону, словно саранча, у которой прищемили усики. Его попытки высвободиться из этой ловушки, злобные выкрики и, наконец, охватившее его бешенство испугали Брока. Он следит, как Мюллер грызет собственную бороду, дергается и пытается оторвать ее вместе с кожей.

В конце концов ему удается перегрызть рыжую косицу у самого узла. Он медленно выпрямляется, но, странное дело, он смирен, как ребенок после взбучки.

Между тем Брок удобно устраивается в кресле Мюллера и произносит, глядя ему прямо в глаза:

— Ну что же, господин Мюллер, — око за око,

зуб за зуб! Ты не явился на свидание в комнату номер 99, и мне пришлось самому прийти к тебе, чтобы с тобой поговорить!

Трудно понять, что в этот момент выражает лицо Агасфера Мюллера, что скрывает его уродливая маска гнома. Его рука в широком рукаве халата, напоминающая высохшую тычинку в увядшем цветке, жестом указывает на кресло:

— Сядь, Петр Брок!

— Я и так уже сижу, — улыбнулся Брок, — ты хочешь что-то сказать?

— Петр Брок, я признаю твою силу и твое могущество, являющиеся следствием того, что ты невидим. Человек ты или нет, но ты так же неодолим, как и я. Итак, Петр Брок, Агасфер Мюллер предлагает тебе свою дружбу. Конечно, на определенных условиях, которые мы поклянемся оба соблюдать. У тебя есть своя тайна, так же как и у меня! Моя тайна — это Мюллер-дом! Я знаю, что ты в нем заблудился! Я знаю о каждом твоем шаге в моей империи. Я твердо знаю, что ты не бог. Я поймал тебя в сети великана Мастиша! Боги так не поступают, боги не убегают, не скрываются… Так что ты не бог, но я могу сделать тебя богом!

Ты слышишь, Петр Брок! Я предлагаю тебе стать богом в Мюллер-доме! Я делаю тебя богом своего

мира! Я буду властелином, а ты — богом! Я поделюсь с тобой своей властью, отдам тебе половину своих богатств! И если ты будешь верным богом, я смогу добиться еще большего, чем добился до сих пор! Рука об руку мы будем строить Мюллер-дом, он будет все, выше и выше, без конца, до самого неба вопреки всем!

Мюллер протянул свою руку по направлению к креслу.

— Согласен?

Брок плюнул в нее.

— Вот мой ответ!

Мюллер вытер ладонь краем халата и сказал со зловещим спокойствием:

— Петр Брок! Будь осторожен! Я знаю, как ты проснулся на лестнице! Я подслушал твой разговор с № 794! Я знаю больше, чем сказал тебе! И если тебе известна тайна «Вселенной», то мне известна тайна твоих снов! Ты не бог, ты отвратительный, кошмарный сон, который ты сам принимаешь за действительность! Ну что, Петр Брок, ты все еще готов помериться силами с Агасфером Мюллером? Если будешь молчать ты, то буду молчать и я… Смотри!

И Агасфер Мюллер показал ему левую ладонь.

У Брока от ужаса потемнело перед глазами.

Он увидел багровый треугольник…

Брок закрыл глаза, но было поздно… Треугольник проник в мозг и своими острыми углами вонзился в затылок и в оба виска.

Брок на секунду приходит в себя. Он видит Мюллера, который снова сидит в кресле и кричит в чашу: «Генерал Окс! Генерал Окс!»

Брок сжимает руку, чувствуя рукоятку ножа. Он понимает, что сил у него осталось на одно движение!

Он коротко размахивается и бьет сверху вниз. Лезвие ножа входит в спину и проникает в сердце Мюллера.

Где-то в немыслимой глубине слышится такой оглушительный грохот, будто Луна сорвалась со своей орбиты и врезалась в Землю. Стены, пол и потолок стали заваливаться на одну сторону. Все вещи скатываются с пола на стену. Алтарь падает на Брока. Металлическая клавиатура обрушивается на его череп.

Короткий удар, мгновенно растворившийся в пустоте — бесцветной, бесформенной пустоте…

XLVIII. Багровый треугольник остался на потолке — „Теперь будь здоров!" — Сон про тысячу этажей

Никто не может сказать, сколько времени Петр Брок находился в объятиях смерти, настигшей его под стальной махиной перевернувшегося органа Агасфера Мюллера. Однако случилось так, что безымянный человек, проснувшийся в начале этого рассказа на лестнице, открыл глаза и увидел потолок, сияющий чистотой, ангельской белизной.

В центре этого чудесного белого потолка алеет треугольник! Человек вздрагивает и зажмуривает глаза! Но, странное дело, треугольник остается на потолке и не причиняет ему никакой боли, не давит, не вонзается в него. Медленно, очень медленно человек разлепил веки, вглядываясь в треугольник. Он убеждается, что знак, нарисованный на потолке, прочно сидит на своем месте и не собирается нападать на него. Наоборот. Ему хочется смотреть на него, наслаждаясь его совершенной, строгой простотой.

Потом он слышит голос:

— Смотрите, просыпается…

Он удивленно поворачивает голову и замирает от неожиданности.

Он видит человеческие лица! Настоящие, живые, с добрыми улыбками, губы у них шевелятся, веки моргают.

Поблескивающие очки, сидящие на носу, седая бородка, которую все время поглаживает рука, — это, наверное, доктор. А рядом — молодые, светлые, ясные улыбки людей в белых халатах.

Это сестры милосердия, так как на груди у них красные кресты. Много, очень много прекрасных лиц окружает его ложе.

Врач в белом халате и с седой бородой склоняется над ним и берет его за руку.

— Выкарабкался! — произносит он, — Хочешь — верь, хочешь — нет, но он выкарабкался! Я в чудеса не верю, но это для меня загадка…

— Где я? — несмело, шепотом говорит человек, вспоминая о своем тысячеэтажном сне.

Доктор усмехается:

— На этом свете! А по всем правилам ты уже должен был бы лежать под слоем извести в тифозной яме за лагерем! — Он потрепал его за ухо.

— Ну, теперь будь здоров! Я сам сегодня выпью за твое здоровье и буду спокойно спать… Да зна-

ешь, черт полосатый, что ты бредишь уже третий день? Мы принесли тебя из барака смерти! Ты несешь какой-то вздор, ругаешься, пытаешься спрыгнуть с кровати. Мы даже хотели привязать тебя ремнями… Тебя невозможно было разбудить… Это был какой-то страшный тиф… Какая-то чертовщина. А что тебе снилось, что это за Агасфер Мюллер, сынок, который так обижал тебя?

Но странный пациент уже не слушает говорливого седобородого доктора. Он сразу же вспомнил о себе, вспомнил свое прошлое, свое имя, свое место в жизни, вспомнил, что он будет делать, когда вернется из плена. Все вдруг прояснилось, стало близким и понятным как свои пять пальцев. И лишь имя Агасфера Мюллера напомнило ему жуткий сон.

Полуудивленный, полуулыбающийся, он говорит:

— Мне снилось, что я блуждал по дому в тысячу этажей. А Агасфер Мюллер был владельцем этого дома.

Никто вас не звал

Наконец-то я добрался до деревянной будки. Стены ее как бы вросли в землю, с одной стороны — вход, с противоположной — окошко. Я постучал по листу ребристой жести, которым был загорожен вход. Так обычно гости оповещают о своем приходе, но здесь вместо дверей зияла дыра.

— Кто это? — послышался неприветливый голос.

— Доктор Ружичка, — представился я. — Можно к вам на минутку?

— А в чем дело? — ворчливо спросил человек в будке.

— Я хочу вас осмотреть. Как вы себя чувствуете?

— Не жалуюсь. Все в порядке. Здоров как бык.

— Но вы хоть выгляните, чтобы я мог вас послушать. Или давайте я войду.

— Идите своей дорогой и оставьте меня в покое!

— Из этого ничего не получится. Меня привел сюда мой долг. Я обязан вас осмотреть.

— А я протестую против насилия! Где ваша

хваленая свобода слова и действий? И вы еще утверждаете, что каждый пользуется ею как воздухом?

— Да, но такое понимание свободы предполагает определенную степень сознательности…

— Наши предки протестовали против насилия, объявляя голодовки, в тюрьмах. Теперь иное время, и я в знак протеста объявляю забастовку молчания!

— Послушайте, пан Сильвестр! Общество уважает ваше решение вернуться назад к природе. Вы можете наслаждаться всеми благами цивилизации, но вам хочется спать на рогожах — это ваше дело! Вы отказываетесь от всего, что дает обществу культура, — как от духовных, так и от материальных благ — пожалуйста. Но все же и вы должны уважать определенные законы, если не общественные, то хотя бы присущие человеческой природе. Ведь вы и в этом ските должны оставаться человеком. Вы слышите меня?

Молчание. Из будки не доносится ни звука. Сильвестр начал свою забастовку.

— Я заверяю вас, пан Сильвестр, что с уважением отношусь к вашему решению жить в бедности и скрыться от общества, чтобы предаться размышлениям, как древние философы. Но ведь

я новый гигиенист в вашем районе и должен заботиться наряду со всеми и о вас. Вы слышите меня?

Снова тишина.

«Ну ладно, — подумал я, — не хочешь по-хорошему — пеняй на себя».

— У меня больше нет времени, дорогой пан Сильвестр, — сказал я громко, — я ухожу, но завтра снова вернусь. Надеюсь, к этому времени вы поумнеете.

Стараясь побольше шуметь, я пошел прочь, но за ближайшим кустом присел и стал внимательно наблюдать за будкой.

Минут пятнадцать спустя из дыры высунулась голова с густой шевелюрой и жесткой щетиной на щеках. Голова осторожно огляделась по сторонам, и вскоре из будки вылез Сильвестр. На нем болтались штаны — когда-то они, по-видимому, были белыми — и черный свитер, который собрал всю окружающую грязь. Сильвестр приподнялся, поддерживая штаны. Согнувшись, он пробежал несколько шагов по склону и нырнул в густую чащу из веток малинника и ежевики, переплетенных между собой. Его никто не мог увидеть, но и он никого не видел. Я воспользовался этим и влез в будку. На полу была постлана солома,

прикрытая дырявым одеялом.

Через пару минут притащился и Сильвестр. Увидев меня, он крепко выругался. Встать во весь рост там было невозможно, поэтому он опустился на колени рядом со мной:

— Ах ты, проклятая гиена-гигиена! Ты что лезешь в мой дом? Кто тебя сюда звал?

Я огляделся. На косых стенах не было даже гвоздя, не то что картины. Лишь заступ со сломанной ручкой стоял в углу.

— Вы боитесь, что я стащу у вас драгоценности? Ну правда, что вы здесь делаете? Вы возненавидели весь мир? Вас кто-то обидел?

— Вы мне надоели! Убирайтесь! Я хочу остаться один!

— Вы можете оставаться в одиночестве, — начал я назидательно, — но не должны возбуждать недовольство. Мой вам совет — вернитесь к людям, станьте опять человеком. Покажите-ка ваши ноги — между пальцами впору сажать горох!

Он поджал под себя обе ноги и промолчал. Я смягчил тон:

— Я предлагаю вам переселиться в одну из стоящих на отшибе маленьких вилл. Там тишина — как в лесу под снегом. Если вы не выносите мебели, можете ее выкинуть или изрубить, как

вам заблагорассудится. В двух шагах от дома журчит ручей — он может заменить ванну или душ. У вас будет мыло и жесткая мочалка, чтобы как следует отмыться, и, конечно, зубная щетка! И паста, которая пахнет травами. Я сделаю из вас другого человека!

— Ну что вы надо мной издеваетесь, — вдруг сказал Сильвестр. — Я живу здесь уже тысячу лет, у меня свои права и обязанности, так почему же вы не оставите меня в покое? Ведь я никому не мешаю, провожу дни, словно трудолюбивый жук. Я не блещу красотой, но приношу пользу. Для чего мне нужна ваша зубная паста — разве чтобы зубы испачкать? Если бы я мог дать вам совет, то сказал бы: «Бросьте вы всю эту вашу возню и идите сюда ко мне. Постройте хорошую будочку рядом с моей и плюньте на все…»

Я не лгу — этот человек действительно стал уговаривать меня, чтобы я последовал за ним! Чтобы рафинированный космовек я променял бы на робинзонаду, которая представляет собой не просто примитивное существование, но, видите ли, напряженную борьбу извечной человеческой мудрости и хитрости со стихиями. Меня — гигиениста! — старался распропагандировать этот новоявленный Диоген с его философией грязных

ног! Достаточно было всего лишь нескольких тезисов, чтобы разрубить его убеждения пополам, как червя, эти две половинки — еще пополам и так далее, но все было напрасно. Каждая часть жила своей жизнью, изворачивалась, утверждала свой примитивизм, насмехалась над цивилизацией.

— Вы представляете уже не род человеческий, а племя отвратительных всезнаек. Вы создали на своей планете какой-то чудовищный автоматический рай. Вы отдалились от природы, подчинили ее себе, заставили ее работать на износ, до самоуничтожения, вы изломали, изнасиловали ее своими открытиями. Когда вам и этого стало мало, вы выдумали в своих лабораториях новую природу, искусственную, химическую, машинную, вопреки целям и воле самой природы. Ее должна окружать тайна, ибо далеким будущим векам грозит всемогущий человек — сфинкс, голем, чей мозг и руки создадут вещи еще более страшные, ведь эти руки уже не будут принадлежать человеку…

Я ответил Сильвестру, что он сам потерял человеческий облик и в его словах нет никакого смысла. Будущий человек станет развиваться гармонически. И, кроме того, он забыл об иных

мирах, о новых планетах, которые мы открываем во время космических полетов и на которые спускаются наши звездолеты. Было бы действительно грустно, если бы у человечества над головой всегда сверкало только одно солнце и никогда не взошла бы другая звезда. Если бы люди всегда были обречены возиться лишь со своей Землей, переделывать, улучшать — только ее! Но, к счастью, дух человеческий, его руки, мысль нашли новые, неизведанные области применения на далеких планетах.

Я хотел развить эту мысль, но Сильвестр, словно не слыша меня, продолжал бубнить свое:

— Все вы сегодня уже даже не помните, что это за чувства — тяжесть, усталость, боль, вы не знаете, как приятен физический труд. Вам недоступны величайшие наслаждения — ощутить вкус черного хлеба после длительной голодовки, испробовать глоток воды после утомительной дороги, уснуть обессиленным от тяжелой работы.

Вы — неженки, приравнявшие себя к богам. Не успели еще родиться, а для вас уже все приготовлено. Школы возводятся быстрее, чем успевают подрасти новые ученики, у вас есть больницы, но в них нет больных. Ваши спортивные залы, площадки, стадионы так велики, что никогда не

заполнятся, у вас столько картинных галерей, столько концертных залов, столько театров, что вы устали, наступило пресыщение, отравление мозга. И никто никогда не знает, на чем ему остановиться.

Что я мог ему на это возразить? Что человек останется человеком и люди — людьми, пока они не растеряют все человеческое. Его слова — что бы он там ни говорил — панегирик нашему времени. Он отвергает излишества и благополучие, но, кто знает, не является ли его теперешний отказ от всех благ и добровольный пост результатом вчерашней пресыщенности?

В мире все сейчас великолепно налажено, и в нем царит гармония. Каждый человек напоминает трубку гигантского органа, исполняющего симфонию о жизни на Земле. И если во время этого исполнения прозвучит фальшивая нота, что не удивительно, так как трубок — миллиарды, то одной из таких треснувших трубок является именно он, Сильвестр.

Весь мир в настоящее время стерилен. Улицы, например, опрыскивают пеной, которую затем смывает искусственный дождь. Дома сверкают яркими красками, но преобладает белый цвет, символ чистоты и здоровья! Целая армия гиги-

енистов поднялась на борьбу против тех, кто оскверняет чистоту.

— А вы, — сказал я ему, — один из них. В нашем районе вы скоро войдете в поговорку: «Грязный, как Сильвестр!» Я не могу этого допустить! Я должен бороться против вас, как против поборника антиэстетических норм.

— О прекраснодушный мечтатель, — сказал Сильвестр, заметно обидевшись, — знайте же, что грязь никогда не исчезнет с лица Земли, ибо каждая пылинка является, в сущности, частицей нашей планеты…

— О вы, осколок планеты, — в тон ему ответил я, — если эти пылинки скапливаются у вас под ногтями — это уже грязь, и ее надо удалить с помощью воды и щетки! Кстати, давайте вылезем отсюда. Мое обоняние отказывается воспринимать запахи, столь своеобразные…

— Никто вас сюда не звал, — ответил Сильвестр, но выкарабкался наружу. — Если кроме длинного носа вы обладали бы еще и фантазией, вы бы заметили на том месте, куда вы забрались и которое вас так раздражает, еще и расцветшую яблоньку…

— Не напоминайте о цветущих деревьях! — разозлился я.

— К вашему сведению, господин Гигиена, все деревья вокруг посадил я! Я сделал это, чтобы улучшить структуру почвы. Весь этот сад, мой дорогой, — результат многолетних исследований проблемы, связанной с искусственными удобрениями. Если бы вы поднялись вместе со мной вверх по склону, то обнаружили бы, что чем выше поднимаешься, тем старше возраст деревьев. На каждом стволе табличка с данными — сколько азотно-фосфатных удобрений и сколько торфа пошло на подкормку деревца.

Вы видите ряд колышков, забитых прошлой осенью? Это граница моего сада. Вы, наверное, уже догадались, что здесь — места будущих посадок. Внизу я сею, наверху собираю урожай. Черешней я угощаю птиц, грушами — окрестных мальчишек. Правда, я вынужден заботиться и о том, чтобы меня чуть-чуть побаивались.

С каждым годом я отдаю людям все больше золотистых яблок, оранжевых апельсинов и других плодов и прошу только одного — чтобы мне дали возможность продолжать мою работу. Я знаю, что в мою кожу въедается земля, но что делать — ведь я служу ей!

Зато осенью я держу в руках дивные плоды с чудесным запахом, цветом и вкусом, хотя под

ногтями у меня грязь. Приходите сюда осенью, и я вас ими попотчую! Вы даже сможете сами сорвать их.

Как видите, я живу не в праздности — обществу я даю больше, чем беру от него. Так что вы, господин Гигиена, меня здесь не беспокойте. Иногда мне нужна тень, иногда — солнце. И, может быть, именно в тот момент, когда вы его от меня загораживаете. Вы сами, по всей вероятности, упали с какой-нибудь спиральной туманности. Старый гигиенист пан Шилганек, передавая вам свой район, видимо, забыл вместе с ним передать и старого Сильвестра. Я даже могу показать вам его деревце. Он должен был заранее сказать вам, что мои визитные карточки обрамлены черной каймой. Но траур под ногтями у меня — цвет не отпевания, а труда.

Короче говоря, перед этой крепостью в форме деревянной будки мне пришлось капитулировать. Слегка пристыженный, я извинился перед Сильвестром.

— Простите меня, пан Сильвестр, если я вас чем-то обидел. Шилганек действительно не совсем точно все изложил. О самом главном он умолчал, словно нарочно, чтобы я сам обжегся. Будьте здоровы, пан Сильвестр, пусть все у вас

будет хорошо. Делайте свое дело, столь полезное для всех, и не сердитесь на меня….

— Да я не сержусь, — улыбнулся Сильвестр, — приходите как-нибудь, посидим, пофилософствуем. Лучше осенью, когда я собираю урожай. Я уже стар, мне нужен помощник. И, может быть, когда вам опротивеет ваша гигиена, мне удастся убедить вас в своей правоте…

Тысячи людей ждут…

Он. Дорогая, что мы будем делать сегодня вечером? Убивать время или беречь его, заполнять или тратить?

Она. А почему тебя это беспокоит, мой милый? Ведь, наверное, по таким вопросам существует консультант, он посоветует…

Он. Ты имеешь в виду Кира Мордобия? Вероятно, у тебя в памяти осталось его объявление: «Вы не знаете, что делать с временем? Приходите ко мне: я по желанию сокращаю или продлеваю время…»

Она. В таком случае пошли к нему. Пусть он поломает голову за нас.

Он. Господин Мордобий — за то, чтобы коротать время любой ценой. Он считает, что каждый должен развлекаться так, как хочет, но есть и другие точки зрения, согласно которым время, потраченное впустую, способствует моральной деградации человека. Я вдруг вспомнил знаешь кого? Помнишь темнокожего человека с лицом аскета, которого мы встретили, когда бродили по Луна-парку? Даже не знаю, откуда он взялся.

Появился неожиданно, не сверху, а скорее снизу, из-под земли…

Она. Все, все, вспомнила, кого ты имеешь в виду. Такой гладкий, острый подбородок и очень нравоучительный тон.

Он. Да, и он спросил, как мы проводим свободное время. Он был таким навязчивым, что у меня закралось подозрение, не замышляет ли чего этот тип. Я подумал, не инспектор ли он по свободному времени…

Она. Он еще дал тебе прикурить, хотя сам не курит, а носит с собой зажигалку, чтобы при случае услужить другому…

Он. Его интересовало, как я, работающий на автоматической линии, где не надо ни думать, ни прилагать физических усилий, провожу свободное время. Я обманул его, сказав, что во время работы изучаю санскрит. Он на это с умным видом ответил, что в наши дни личность может развиваться не только в часы отдыха, но и во время трудового процесса; человек учится, а машины работают сами…

Она. Но я хочу развлекаться, а не развиваться. Ну как, пойдем к Мордобию?

Он. Я — за то, чтобы проконсультироваться у самого себя.

Она. Мне хочется пойти туда, где мы еще ни разу не были. Чтобы увидеть это в первый раз. Ведь когда видишь что-то новое, становишься моложе.

Он. Я знаю, чего тебе хочется. Эрик выставил в Бета-галерее картины, написанные сверкающими красками. Его картины светятся.

Она. О да, зарницы на небе — словно живые! Солнечные закаты — словно горящие крылья ангелов. Золотые поля пшеницы, от которых исходит жар, сжигающий любовников. Лунный лик — бледный, желтый, болезненный, мертвенный, лживый, льстивый, луна-апельсин, луна-фонарь, луна-монета, луна грешной любви, луна сатириков, луна нудистов, луна кутил — обожаю бездарность, но…

Он. Хорошо, давай сходим в Дом поэзии. Там много залов, в каждом поэты читают свои стихи. Что ни зал, то свой цвет — в розовом, например, влюбленные читают стихи, посвященные любимым, в белом проходят конкурсы начинающих стихотворцев…

Она. Я хотела бы, мой дорогой, чтобы в розовом зале ты читал мне свои стихи. Мне бы все завидовали, а тобой бы восхищались.

Он. Катюша, славная ты моя, я написал для тебя

стихи, но их я могу сказать шепотом тебе на ухо. Я хочу быть знаменитым только в твоих глазах, только для тебя!

Она. Я так люблю твой голос, который тихо звенит, будто рой пчел возвращается в улей.

Он. Сейчас уже поздно. К поэтам мы не попадем, там все места занимают задолго до начала.

Она. Но ведь там нет кресел! Все сидят на полу или на коврах, а тот, кто придет заранее, устраивается на подушках.

Он. Пойдем лучше на концерт «Тысячи красок»! Голубая симфония, транспозиция тонов, переходящая в феерию цвета! Зрители впадают в транс, рыдают. Потрясающее зрелище! Ты, наверное, слышала о нем?

Она. Для чего ты говоришь об этом? Ведь ты же знаешь, что эта мечта несбыточна. Билеты на него проданы на три года вперед.

Он. И все же мы могли бы попытаться, ведь кое-кто возвращает билеты перед самым началом. Многие боятся таких концертов — не каждый может вынести подобное зрелище. Были случаи внезапной смерти. Если перейти грань, красота может стать убийственной!

Она. Но нам ничто не будет угрожать, если мы отправимся в паноптикум! Не криви губы: мы же

там ни разу не были.

Он. Да ты же сама туда не пойдешь, ты просто дразнишь меня.

Она. Ведь есть много всяких паноптикумов, мой дорогой, — паноптикум Диктаторов, Мучеников и даже паноптикум Фашизма — какой-то Муссолини с кокардой там таращит глаза, вызывая всеобщий смех, а человек с усиками ораторствует, стуча кулаком по столу.

Он. Я люблю живых людей, но терпеть не могу «как живых». Боюсь электрических манекенов, говорящих и дышащих роботов, похожих на оживших мертвецов.

Она. Тогда давай сходим в клуб!

Он. Ты говоришь так, будто их можно пересчитать по пальцам!

Она. Да, клубов не счесть, и не знаешь, какой выбрать. Их очень много — и среди них нет двух похожих друг на друга. И кто только все это придумал!

Он. Молодым не нужны клубы. Я думаю, они созданы для стариков и одиноких чудаков.

Она. У них такие привлекательные названия, например клуб «Назло всем холодным краскам».

Он. Ближе всего отсюда Клуб лжецов.

Она. Я хочу сходить в Клуб лжецов. Я уже так

давно не лгала — мне вдруг захотелось наврать с три короба…

Он. Не горячись, может быть, там культивируют ложь на очень высоком уровне, ложь, которая приближается к настоящему творчеству.

Она. Скажи мне, поэты и писатели тоже лжецы?..

Он. Да, но только бездарные поэты! А ты так часто теряешь и забываешь свои вещи, что тебе, пожалуй, стоит вступить в Клуб рассеянных.

Она. А тебе — в Клуб твердолобых!

Он. А тебе — в Клуб лакомок!

Она. А тебе — в Клуб сонь!

Он. А тебе — в Клуб болтливых!

Она. Ты хочешь сказать, что я много говорю?

Он. Вместо потока слов всегда можно обойтись одной короткой фразой…

Она. Значит, туда впору вступить нам обоим!

Он. Для всех наших добродетелей и пороков можно найти соответствующий клуб. В них можно делать все, что хочешь — от разведения бессмертников до культивирования грешной любви. Но существуют и такие клубы, где можно ничем не заниматься, там старики играют, как дети. Выбирай любой клуб! Хочешь — Клуб трубачей? Или Клуб мертвецов? Или Клуб капи-

талистов? Или Клуб шулеров? Клуб левшей? Или Клуб дальтоников? Или Антиклуб?

Она. Ты их все перечислил лишь затем, чтобы мы не пошли ни в один из них, не так ли, мой дорогой?

Он. Мы спорим, как провести время, а оно тем временем уходит!

Она. Но ведь есть тысячи способов! Главное — быстро выбрать самый верный! Я предлагаю отправиться в Город сбывшихся желаний…

Он. Неужели мы и в самом деле так беспомощны? Город для отчаявшихся, для тех, кто теряет рассудок, не зная, как избавиться от времени. Одни от него скрываются, другие убивают его, третьи позволяют, чтобы оно убивало их! Но наше милое, ласковое время, наша крошка…

Она. Ты кончил? Знай же — этот город, с тех пор как мы там побывали, заметно вырос. Поднялись новые дома, новые улицы. Теперь там есть улица Волшебников, парк Близнецов, водопад Ревнивцев, озеро Утонувших. И как раз сегодня на площади Возлюбленных открывается Киоск дарителей и, кажется, Дворец любителей танцев и игр. Там робкие знакомятся друг с другом, а старая любовь омолаживается. Пойдем туда — ведь мы стали слишком мудрыми для влюбленных!

Пойдем в Город сбывшихся желаний, я хочу видеть все новое, все, чего еще не видела!

Он. Неужели ты забыла, как мы удирали оттуда, чтобы не умереть со скуки?! Я помню картинную галерею Выродившегося искусства, которую во что бы то ни стало хотели видеть твои ненасытные глаза. Там был портрет, сделанный из паутины и лапок паука-косиножки, а рядом — картина, составленная из обгаженных пеленок. А помнишь лабиринт, где мы заблудились, натыкаясь на кривые зеркала? Или Мило-сад с фонтанами, откуда мы возвращались обрызганные с головы до ног — это было очень смешно, но на тебе было платье из эмтелина, и оно стало совершенно прозрачным. А Карусель времен года? Помнишь, как испортился тетрафор и вдруг в июле — мы катались на верблюде — пошел снег и ты простудилась?

Она. Я уже давно забыла…

Он. Ну, хорошо, если тебе так хочется, пойдем туда! Служители будут беспредельно рады и благодарны за то, что мы их посетили. Они будут веселиться больше, чем мы. Я загляну в Шар невесомости, если там не будет слишком большой давки, и пушинкой взлечу в воздух.

Она. Нет, туда я не пойду. Я боюсь… Говорят,

там чувствуешь себя словно надутая жаба, нельзя пошевельнуться…

Он. Все это чепуха, моя дорогая, пойдем скорее!

Она. Но куда?

Он. Куда угодно, тысячи людей ждут, чтобы как по команде начать тратить, наверстывать или убивать время!

Она. Боже мой, но все так же просто, как найти цветок клевера с тремя лепестками. Пойдем в лес, мой дорогой. Ты только представь себе поляну с травой по пояс. Мы там будем видеть лишь облака, друг друга и лежать в тишине, которую хранит небо и земля.

Он. Пойдем, я тоже хотел тебя туда позвать. И ты будешь рассказывать мне…

Она. Нет, нет, мы оба будем молчать.

Тайну надо беречь

Главного психолога Шмидркала ночью разбудил сигнал фотоэлемента, помещенного в ушной раковине, Шмидркал уже несколько ночей подряд спал с фотоэлементом, ибо им овладела навязчивая идея поймать этого человека, и упрямство, наконец, принесло свои плоды.

Он всмотрелся в темноту и заметил крадущуюся фигуру, которая напоминала паука на бархатном фоне тьмы. Паук замер, словно испуганный шорохом открывшихся век. Он был темнее самой ночи, как будто вобрал в себя все окружающие его тени.

Шмидркал нажал на кнопку, спрятанную под подушкой, и внезапно спальню залил яркий свет. В ту же секунду автоматически защелкнулись двери. Паук оказался в ловушке.

Он был худ и долговяз, в его прищуренных глазах блуждал только страх и ничего больше. Шмидркал осмотрел его, несколько разочарованный. Во всяком случае, не таким он представлял себе лицо человека, скрывающего тайну. Оно было каким-то незаконченным, невыразительным,

с мелкими чертами, словно его делали наспех.

— Вот я вас и поймал, — сказал Шмидркал и сел в кровати. — Что вы принесли на этот раз?

— Великолепные шахматы, — неуверенно сказал пришелец, и выражение его лица вдруг стало намного приветливее. — Вам они понравятся, фигурки сделаны из слоновой кости, каждая — самостоятельное произведение искусства. Это венецианская работа, обратите внимание на ладьи — это же кампанильи с хрустальными колокольчиками. Они звенят каждый раз, когда вы трогаете фигурку. Слышите? Я вам даже завидую…

Он поднес к уху белую ладью. Колокольчик тоненько прозвенел, будто звук доносился издалека.

— Зачем мне шахматы, если я не умею в них играть? — неуверенно спросил Шмидркал, слегка ошеломленный ответом, и потрогал ладью. — Она действительно звенит, но какой в этом смысл?

Пришелец не ответил и весь как бы сжался. Казалось, он не знает, что сказать. Шмидркал понял, что поймал паука за ножку.

— Ну так как же, — спросил он, — зачем вы пришли? Зажгите-ка свой волшебный фонарь!

Для чего вы приносите гербарии, скрипки, коллекции марок, редкие книги и шахматы тем, кто всего этого не собирает?

— О, у меня есть еще столько прекрасных и полезных вещей…

— Я спрашиваю, почему вы их приносите по ночам, когда люди спят? Что у вас на уме, когда вы преподносите все эти подарки?

— Если б я только знал, — сказал пришелец и грустно посмотрел на психиатра.

Шмидркал торжествовал.

— Хорошо, тогда я вам скажу! — воскликнул он так, что гость вздрогнул. .

— Я знаю, что виноват, делайте со мной что хотите, — сказал он сокрушенно.

— Вы нарушаете спокойствие…

— Да, я занимаюсь недозволенными делами. Но как мне быть, как бороться с собой, когда наступает ночь, и я остаюсь один на один со своими вещами?

— Они вам мешают, но вам их жалко, вы не хотите их уничтожать и нашли способ избавиться от них — подсунуть своим ближним. Верно?

— Нет, не верно. Они мне совсем не мешают. Я их очень люблю, и мне очень не хочется с ними расставаться. Я каждый раз говорю себе: «Хватит!

Больше никому ничего не дам!»

— Так в чем же дело? Вам хочется оригинальничать, удивлять людей?

— Нет!

— Значит, вы просто вводите их во искушение, подсовываете им вещи, словно червю-древоточцу — кору или листья…

— Да нет, какие там листья! Это сильнее меня!

— Что сильнее вас?

— Ночь! Всюду такая тишина — тьма дразнит, нашептывает, влечет — рождается смелость, появляется желание совершить что-то таинственное. И когда это чувство меня охватывает…

— Какое чувство?

— Не знаю. Глаза спят, губы спят, всюду — мертвые вещи, но стоит возникнуть звуку, чуть более сильному, чем удары сердца, как все сразу же просыпается! Поэтому движешься незаметно, словно часовая стрелка…

— Кажется, я понял, — сказал психолог, — вы говорите, что вас влечет тьма? Что вами овладевает желание, заставляя что-то делать, и вы не в силах противиться? Скажите, а кем был ваш дед?

— Гардеробщиком в отеле «Исфаган».

— А ваш прадед? Прапрадед?

— Меня это никогда не интересовало…

— Давайте договоримся: вы пойдете домой и как следует выспитесь. А я изучу эти ваши ночные похождения под увеличительным стеклом утреннего солнца и завтра приду к вам…

Утром главный психолог Шмидркал посетил ОПИС — отдел превентивной информационной службы. В одном из залов там стоял огромный, до потолка, старинный «дед-всевед». Шмидркал уселся за пульт, взял перфокарту, заполнил ее, вложил в отверстие и включил машину. Электронный мозг на мгновение проснулся. По его клеткам молнией пронесся импульс на уровне мышления, и машина выдала ОПИСание…

— Дорогой господин Андреас, — обратился на следующий день к своему пациенту Шмидркал, — должен вам сказать, что ваш предок Франц Ксавер Андреас был вором. Так раньше называли людей, у которых за душой не было ничего и которые присваивали чужое. Однако ваш предок брал не деньги, а вещи, это был не карманник, а домушник. И вот, господин Андреас, дурные наклонности вашего уважаемого предка через несколько поколений передались вам. Вы, конечно, можете возразить — как же так, ведь вы, нынешний Эдуард Андреас, приносите людям вещи, в то время как ваш предок Франц Андреас

их отбирал…

— Да нет, я понимаю, что вы хотите сказать…

Но Шмидркал вошел во вкус, и его невозможно было остановить:

— Давать намного выгоднее, чем брать. Если бы вы поступали так, как ваш прапрапрадед, то вы походили бы на сумасшедшего, который нагромождает вещи в одну огромную кучу. Мы ведь задыхаемся среди вещей, ищем способ, как выбраться из этого болота…

— И вы считаете, что я нашел такой способ, — перебил его Андреас, — я, у которого есть лавка, забитая всяким хламом так, что глаза разбегаются…

— А откуда у вас эта лавка?

— Я получил ее в наследство — даже не знаю от кого…

— Ну, тогда все ясно. Это, вероятно, те вещи, которые накопил ваш знаменитый предок…

— Видите ли, я вроде бы управляющий своей лавкой. Это моя работа, мой труд. Я предлагаю людям что-нибудь выбрать, взять на память, но никто ничего не берет. Время от времени кто-нибудь остановится у витрины, возьмет что-нибудь в руки, но потом отложит и идет дальше. Я начал сходить с ума, не мог больше ждать, когда

кто-нибудь смилуется надо мной, и решил сам избавляться от своих вещей, разносить их людям. Теперь я горд, когда мне удается хорошо пристроить достойную вещь. Вы говорили, что раньше одни люди воровали у других. Я поступаю наоборот — ворую у себя и отдаю людям…

— Однако вы и тут наносите вред обществу, — не дал ему договорить Шмидркал. — Вы избавляетесь от заботы о вещах и перекладываете ее на плечи других. Вы тоже действуете во зло…

— Вы хотите сказать, что я тоже злоумышленник?

— Злоумышленник, только наоборот!

— И притом злоумышленник пойманный! — горестно воскликнул Андреас. — И что теперь будет? Как мне дальше жить? Что я буду делать по ночам? Ведь кому бы и что бы я ни принес, каждый будет знать, что это сделал я, что все это — краденое…

— Вам все вернут, — усмехнулся психолог.

— А что делали с вором, когда его ловили?

— Не знаю, но, наверное, высмеивали его.

— Теперь меня выставят па потеху людям… — убивался Андреас.

— Подождите, — смягчился психолог, — а если я буду молчать?

— И вы на это пойдете?

— А почему бы и нет? Дарите и дальше свои вещички, ведь в конце концов вы никому этим не угрожаете, никому не вредите…

— Я клянусь, что буду дарить лишь самое прекрасное из того, что у меня есть!

— Дело не в самих вещах, а в окружающей их тайне. В дразнящем, безответном «зачем», в тех странных обстоятельствах, которые связаны с подаренными вами предметами. Насколько мне известно, те, к кому вы полночам приходили, собирались вместе, чтобы разрешить эту загадку… И я подумал: надо беречь любую тайну, пусть даже самую незначительную, не раскрывать ее, ведь чем дальше, тем их становится меньше. Пусть люди спрашивают, пусть ищут! Лучше маленькая тайна, чем никакой! Но берегитесь, если вас поймают…

— Никогда! — воскликнул Андреас.

Он пригласил Шмидркала осмотреть старую лачугу, находящуюся под охраной Института архитектуры и памятников. Они вошли в сводчатую комнату, уставленную полками. На них лежали вещи, навевающие грусть своей явной ненужностью, избыточностью, никчемностью, бренностью существования. Шмидркал был

убежден, что как психолог он может проникнуть не только в глубины человеческой души, но и понять сущность вещей. Он брал их в руки, рассматривал, приблизив к глазам, стряхивал с них пыль, слушал их, принюхивался к ним и снова клал на место.

Внезапно прозвучали куранты — пять мерных металлических ударов. И как только замер последний удар, послышался дрожащий голос:

«Приятный час,
И если верные друзья
И доброе вино…»

— Да это же говорящие часы! — удивился Шмидркал.

Он подошел к застекленному ящику, в котором был скрыт механизм часов с циферблатом, сделанным в виде золотого лунного диска. Андреас передвинул стрелку на 10, чтобы продемонстрировать, на что они способны. На этот раз в голосе послышались нотки предостережения:

«Вечерний час — мгновеньем пролетишь,
Исчезнешь
в вечности,

себя преобразишь...»

— Ты много говоришь! — перебил его Шмидркал и поставил стрелку на полночь:

«Дни осени — короче,
Но выпьем еще — трах!
Пока нам
не сыграют —
Бах-бах,
бах-бах,
бах-бах!»

— Что это такое — «бах-бах»?

— Это же удары барабана, похоронного оркестра, исполняющего траурный марш — бах, бах, бах...

— Ах, вот оно что...

— А вам не нужны часы? — неожиданно спросил Андреас Шмидркала. — Возьмите их на память...

Шмидркал всячески отбивался от подарка, но в конце концов сдался, не устояв против такого страстного желания дарить.

— Я вам дам запасной валик с радостной, веселой мелодией, и время для вас полетит птицей, на душе станет так легко...

— Хватит с меня и часов, — со вздохом проворчал психолог.

— Но часы без валика, — старался объяснить ему Андреас, — как человек без языка. В валике заключена вся их мудрость…

И когда главный психолог Шмидркал отправился домой, вслед за ним с часами шел Андреас. Он думал о том, насколько приятнее работать при дневном свете, чем в темноте.

Нам было его жаль...

Я нередко захожу в лавку к пану Марцелану. У него там полно всевозможных вещей, свидетельствующих о том, что он как был, так и остался большим ребенком.

Мне здесь ничего не нужно, но, интересуясь каждой его безделушкой, я всякий раз убеждаюсь в том, как он их обожает и как, предлагая их покупателям, мрачнеет и, наоборот, радуется, если какая-нибудь из них в конце концов остается на своем месте. Иногда я не могу избавиться от мысли, что ему становится легче на душе, когда посетитель отказывается от покупки, и всегда не по себе от сознания, что данный предмет может исчезнуть навсегда. Предлагая свой товар, он говорит о каждой вещи восторженно, подыскивая новые сравнения и образы, словно в нем просыпается поэт.

В качестве платы он просит пустяки, ерунду, еще менее значимую, чем то, что предлагает сам. У писателя он просит книгу, музыкант ему что-нибудь сыграет, художник мгновенно набросает этюд на вырванном из блокнота листке, поэт

прочитает стихи. Иногда Марцелан от избытка чувств не прочь приврать, выдумать какую-нибудь историю, но делает это не без таланта, и потому слушать его интересно.

Я как-то спросил его:

— Не завалялся ли у вас случайно серебряный ланжан? Мне он очень нужен, и я буду вам весьма признателен… '

Я просто выдумал это слово, но пан Марцелан тут же ответил:

— Мне жаль, но один ланжан я как раз вчера выменял на перстень с транзистором. Придется вам зайти еще раз…

Он любит говорить, что некоторые его товары привезены со звезды Акшонар, — кто не верит, пусть сам туда слетает. Два обстоятельства не то чтобы подтверждают его слова, но по крайней мере способствуют тому, чтобы они воспринимались с большим доверием и дружеским участием. Во-первых, пану Марцелану далеко за сто, но, несмотря на преклонный возраст, он сохранил ясность мысли и принимает участие в трудовом процессе. Во-вторых, когда-то в молодости он был звездолетчиком и до сих пор поддерживает с ними связь…

Однажды, когда я был у пана Марцелана, к

нему явился важный господин в темных очках, распространяющих радужное сияние. Я отошел, чтобы не мешать. Важный господин с недоверием оглядел все, что было перед ним разложено. Чувствовалось, что он преследует определенную цель. Пан Марцелан все внимание сосредоточил на пришельце, подробно рассказывая о каждом предмете, к которому тот проявлял интерес.

Господин в черных очках взял в руки пузатую бутылку, внутри которой находилась модель кристалла каменной соли. Это был куб, составленный из белых и красных шариков, скрепленных с помощью множества палочек. Каждый, кто брал бутылку, вероятно, спрашивал, как этот куб мог попасть в сосуд с таким узким горлышком. Однако господина в черных очках подобные пустяки не интересовали. Он встряхнул бутылку, подул в нее и заявил:

— Кому-то, видимо, было нечего делать, вот он и решил убить время. Для чего все это нужно?

Марцелан лишь слегка удивился, взял бутылку и поставил ее на место.

Господин в черных очках сказал:

— Я бы хотел взглянуть на лепесток, перышко или цветок с какой-нибудь далекой планеты. Нет ли у вас чего-то в этом роде?

Пан Марцелан молча показал на витрину, где под стеклом лежали семена, раковины, камни. О происхождении их свидетельствовала табличка, прикрепленная рядом.

— Здесь написано, что они со звезды Акшонар. Вы это серьезно? Могли бы вы сказать, где находится эта звезда?

Пан Марцелан неожиданно улыбнулся и погладил витрину. Думая о чем-то своем, он, казалось, не заметил язвительного тона господина в очках.

— Говоря «звезды», я имею в виду планету. Я знаю, что звезды раскалены, каждая из них — это солнце, мать своих планет. Скорее даже не мать, а раскаленное лоно. Я знаю, что на Солнце жизни быть не может, но даже если бы она была, мы не смогли бы узнать об этом с помощью своих органов чувств. Жизнь на планетах может быть лишь предметом нашей фантазии.

Марцелан открыл стеклянную крышку витрины, словно приглашая: «Пожалуйста, смотрите!»

Господин в черных очках будто ожидал этого жеста — быстро схватил первое попавшееся перышко:

— Это же перо из хвоста зимородка, алцеде аттис! Он свивает гнезда у рек, откладывая по

пять-семь яичек. Ловит под водой рыбок и хотя бегает плохо, но в воду бросается стремглав. Рыбаки его обвиняют в том, что он губит молодь...

Потом пришелец стал вынимать одну за другой раковины, давая каждой из них латинское название. Его прикосновение окончательно разрушило остатки романтического ореола. Латынь как бы надевала на предметы скучные маски.

— Все эти вещи, — сказал он наконец, — появились на нашей планете. Природа Земли создала их также, как вас или меня. Они земного происхождения и не имеют никакого отношения к звезде, название которой вы изволили придумать.

Пока произносились эти суровые слова осуждения, на лице пана Марцелана не дрогнул ни один мускул. Наконец, пан Марцелан ответил:

— Я хочу задать вам вопрос, уважаемый господин. «Земля» — единственное имя нашей планеты?

— Конечно. Как же иначе она может называться?

— У нее есть еще тысяча других имен. Миллион! И каждое имя — истинное!

— Я знаю лишь одно имя — Земля! Все остальные — вымысел и ложь!

— Она наречена Землей, мой милый. А как планета она не имеет собственного имени…

— Но вы же сейчас сказали, что их у нее миллион!

В этот момент я выскочил из своего угла. И тут господин в темных очках заметил меня. Он живо подошел ко мне, словно заранее заручился моей поддержкой. Радужное сияние подбадривало меня. И я сказал:

— Поэт может утверждать, что у Земли есть миллион имен, он может даже придумать для нее имена, которые будут звучать так же нежно, как имена любимых. Любой бухгалтер или ревизор будет вправе опровергнуть его, но поэт останется поэтом…

Господин в очках, распространявших радужное сияние, нахмурился, а старый Марцелан зарделся. Вот видите, в свои сто лет он еще умел краснеть, этот старик, в душе оставшийся ребенком.

— Ну, это уж вы чересчур! — воскликнул он. — Когда-то и я писал стихи, но это были плохие стихи. Не знаю, может ли плохой поэт считаться поэтом. Вероятнее всего, нет…

— А меня сейчас больше интересует, с какой целью этот господин пришел сюда, — сказал я.

Пришелец весь как-то сник. Радужный блеск

его очков погас, в них осталась лишь тьма.

— Я, господа, — сказал он грустно, — психолог Центра по устранению моральных дефектов. Моя специальность — человеческая ложь. Я всегда появляюсь там, где оскорбляют истину! Я защищаю правду, вступаюсь за нее, убеждаю в ее правоте, разоблачаю ложь. Иногда мне приходится нелегко, так как не все категории лжи пока известны. И я был убежден, господа, что ваша история со звездой Акшонар — просто обман общественности. Однако я не знал, какие цели вы при этом преследуете. Теперь я это понял. Для поэзии святы и горькая истина и возвышенная ложь. Но я не разбираюсь в поэзии — до сих пор мне приходилось сталкиваться с прозаическими вещами. Я изучил до тонкостей все теории лжи, все разновидности лжелогии. Но где кончается ложь и где начинается поэзия или, простите, наоборот — этого я не знаю. Мне здесь делать нечего, и я ухожу. Будь по-вашему — пусть Земля называется миллионом имен, данных ей поэтами!

Он ушел. Нам было его жаль…

Однажды пан Марцелан сказал мне, что он устал и подумывает о том, чтобы закрыть лавочку. Я вначале не поверил ему, но он стал меня убеждать:

— Как все продам, так уйду на покой.

— Ну, до этого дело не дойдет. Ведь к вам сюда приходят все новые люди и приносят новые вещи…

— Посмотрим.

Но во время дальнейших посещений я убедился, что вещей в лавочке становилось все меньше. Пан Марцелан не брал ничего нового, а то, что у него было, отдавал за все, что бы ему ни предлагали взамен: за билет в театр, за сигарету. Часто достаточно было лишь залюбоваться выставленным предметом, чтобы получить его. И наконец, у него осталась лишь вечная шляпа, которая не мялась, не пачкалась и всегда была новой.

Странное дело, но ее никто не брал. Вероятно, многим приходила в голову мысль о безжалостных годах, их пугал образ вечной шляпы над стареющим лицом. Я этого не понимал. Ведь их никто не заставлял носить эту шляпу до самой смерти. Но если человеком овладеет навязчивая, пугающая мысль, то отогнать ее так же трудно, как извлечь червяка из яблока.

Я перестал навещать пана Марцелана и постепенно стал забывать и о нем, и о его шляпе. Не знаю, сколько воды утекло, но однажды мысль о нем снова подкралась ко мне. Я бродил по лесу,

собирая грибы и в полной мере наслаждаясь всеми разочарованиями и радостями, которые приносит это занятие. Неожиданно я увидел громадный белый гриб, шляпка которого живо напомнила мне вечный картуз пана Марцелана. Она была, конечно, меньше по размеру, но цвет, шелковистая поверхность и даже форма были почти такими же. По дороге домой мысль об этой шляпе неотступно преследовала меня. Не знаю, как я очутился перед знакомой лавкой. Я вошел, осмотрелся и мне сразу же стало ясно, что час пробил. Полки были совершенно пустыми, словно после пожара, и лишь шляпа находилась на старом месте — висела на вешалке из оленьих ножек, насмешливо сверкая своей новизной, как бы глумясь надо всем, что старело, покрываясь желтовато-зеленым налетом, в том числе и над самим паном Марцеланом.

Бедняга, он неподвижно сидел под своей шляпой и даже не повернулся, когда я вошел. Несчастный, поникший, весь сгорбленный, всем своим видом он символизировал тщетность ожидания.

— Я пришел за шляпой, — ни секунды не раздумывая, заявил я. — Я дам вам за нее такую же, похожую на вашу как две капли воды, если вы,

конечно, не откажетесь. Она тоже новая, тоже на ножке, но она не вечная. Больше того, это прямая противоположность вечности — пасквиль, насмешка над вечностью, месть времени…

— Немедленно, сегодня же, сейчас же, на масле, на сметане… — взглянув на корзину с грибом, вскричал пан Марцелан и бросился меня обнимать. Он ткнулся своим столетним влажным носом в мои щеки и так благодарил и благословлял меня, что мне стало стыдно. Я выскользнул из его объятий и вынул белый гриб, освободивший его от ожидания.

Он поднял его со слезами на глазах, восхищаясь красотой. Потом нахлобучил на меня вечную шляпу с таким серьезным видом, словно короновал меня.

— Наконец-то! Я так счастлив, что не знаю, как отблагодарить вас…

Надо сказать, что шляпа сползала мне на уши, но какое это имело значение по сравнению с тем, что происходило?

Пан Марцелан ликвидировал свое дело. Наконец-то он мог с чистой совестью закрыть свою лавочку. Он дождался. С него сняли заклятье.

Редкая профессия

Я был безработным всего лишь неделю, но мне уже казалось, что прохожие оглядываются на меня. Правда, разговаривали со мной, как и прежде, но не без оттенка иронии. Не могу утверждать, что это было пренебрежение — скорее какой-то неопределенный тон, в котором сквозило удивление. А меня это злило. И поэтому я решил что-нибудь подыскать. Но не просто работу. Я мог приступить к ней немедленно, если бы согласился на то, что мне подсовывали, но мне хотелось заняться чем-нибудь интересным, таким, чем не занимался еще никто.

И я заглянул в «Бюро редких профессий» — так называл свою круглую комнату в вилле «Дар Берте» пан Йозифек. Мы знакомы давно, и пару раз он действительно помог, когда дело мое было швах. Я знал, что он мне начнет капать на мозги — но сейчас это было необходимо, так как я пребывал в некотором душевном расстройстве.

Йозифек — действительно мастер своего дела. Он придумывает специальности для людей моего типа. Когда-то он был таким же чудаком, как и я,

правда, обладал фантазией, которой мне недостает. В один прекрасный день он открыл в круглой башне свое «Бюро редких профессий», и теперь его не мучают никакие проблемы. Он сочувствует всем, каждого выслушивает до конца. Любит морализировать, но относится к этому не то чтоб уж очень серьезно, и поэтому его нравоучения проглатываешь, как подслащенные пилюли.

— Опять вы здесь, — начал Йозифек, едва взглянув на меня.

Память у него — как у слона. Я ответил:

— Маэстро, я не виноват, что работа бежит от меня, словно я чумной. Кстати, не нашлось бы у вас чего-нибудь интересного, но такого, чтобы не очень пачкать руки?

Его мозг сразу же заработал:

— Значит, так: я подобрал вам в свое время тепленькое местечко в библиотеке приключенческой литературы. Но пользы от вас там было, как…

— …как от пустого звука, проносящегося над океаном книг, — подхватил я, — отчужденного от людей благодаря пяти громкоговорителям. Я все время бормотал одно и то же: «Когда прочитаете, пожалуйста, сдайте! Дома они вам будут мешать!» Или: «Пользуйтесь лестницами вме-

сто сидений!» Все впустую! Каждый бросается к сиденьям-подъемникам и катается вверх-вниз, болтая ногами. А когда сиденья застрянут, то раздается крик о помощи.

— Короче, — подытожил мистер Йозифек, — с модернизацией ничего не получилось. Приставную лесенку библейских времен вернули на то место, откуда ее когда-то убрали…

— Да, вроде того, — ответил я, — и читатели снова карабкаются по ступенькам, словно обезьяны. Но от крика у меня воспалились голосовые связки, и я удрал из этого заведения…

— …чтобы больше туда не возвращаться, бесплодное вы семя! — И тут мистер Йозифек сел на своего конька, превратившись в пастыря тех, кто ищет утраченное. Труд, нравоучительно начал он, — это дело совести каждого человека, руководствующегося определенными моральными принципами. Раньше люди, исповедуясь, избавлялись от вины сваливая ее на господа бога. И в наше время существуют грешники, но они уже другие. Сейчас самый тяжкий грех — проступок против Ее величества Работы. У этой медали две стороны. Люди определенной категории — алчные, потерявшие совесть, которые готовы работать, не заботясь о других, хоть по восьми ча-

сов в день, стараясь наработаться «от пуза». Они уклоняются от встреч со мной, так как я их перед всеми обличаю и позорю. К этой категории вы, молодой человек, естественно, не относитесь. Вы скорее принадлежите к другому типу людей — к тем, кто не может усидеть на месте, к паломникам, которые вечно чего-то ищут и ни на чем не могут остановиться. Это и желторотые всезнайки, голова которых набита всяческими сведениями, и болтуны, которые хотели бы немедленно своими руками, точнее, языком, переделать мир. Я из кожи вон лезу, чтобы удовлетворить свою клиентуру: ищу, выдумываю, добиваюсь, чуть ли не колдую. Пока что все идет нормально — работы больше, чем людей, она есть и на земле, и под землей, и в воде, и в воздухе, под крышами и на крышах; куда ни глянь — всюду она смотрит на тебя, подмигивает тебе, ее надо лишь ухватить!

Мистер Йозифек просто лопался от гордости, а я лишь покорно ждал, когда он, наконец, вспомнит обо мне и даст мне какой-нибудь совет.

— Я рад, маэстро, — сказал я, — что на свете так много работы, что ее больше, чем надо людям, и что вы мне предоставите возможность выбора…

— Вы играете в шахматы?

— Нет…

— Почему?

— Не умею…

— Это не имеет значения. Достаточно позаниматься год, из вас сделают среднего шахматиста, и вы станете учить новичков.

Он также сказал, что игра в шахматы — это основы человеческого интеллектуального развития, гигиена мозга. Я ему ответил, что от квадратиков у меня рябит в глазах, особенно когда они идут сплошняком, и что на меня благотворно действуют лишь кружочки…

— А что, если наняться к какому-нибудь писателю? У больших людей большие дома. Около них всегда вертится десятка два учеников, и всем находится дело — переписывать, стенографировать, печатать на машинке, считывать, учиться писать или следить за библиотекой, рвать сорняки…

— Вы это серьезно, маэстро?

— А почему бы и нет? Знаменитому Арпаду Виндишу нужен мажордом.

— Мальчиком на побегушках я не стану. Покорно благодарю.

Я испугался, что маэстро обозлился на меня, но он и бровью не повел. Демонстрировать свои возможности он стал скорее всего от гордости, открывая козыри, которых у него были полны

руки.

— У вас есть фантазия?

— В какой степени?

— В такой, чтобы ее хватило для придумывания новых красивых имен для детей, цветов, только что родившихся животных — нужны свежие более благозвучные фамилии, интересные имена…

— Это не для меня, пан Йозифек.

— А как насчет сострадания? Посещать покинутых женщин, утешать их, беседовать с ними, и, главное, давать им возможность выговориться, почитать им роман с продолжением и…

Насколько я знаю, шеф, для покинутых женщин и вдов построены мраморные дворцы, там у них чего только нет, и утешители тоже…

И все же есть много одиночек, которые остаются дома по каким-то непонятным причинам.

— Но это же настоящие ведьмы!

— Облагораживает и переписка с теми, кто несчастен. Надо найти путь к их сердцам, исповедать их и потом написать им счастливые письма от имени тех, кто их позабыл…

— Я сам нуждаюсь в таком милосердном письме, маэстро…

Он махнул рукой, но ничего не сказал. Затем взял картотеку — длинную шкатулку с картон-

ными карточками — и прошелся по ним, как по клавиатуре, будто проветривал их. На одной из карточек его взгляд задержался, и он прочитал:

— Создатель возможностей, комбинатор неожиданностей, инициатор событий, глашатай идей. Здесь есть инструкция — как это делается…

Он уже открыто издевался надо мной. Йозифек все время пытался опутать меня шелковыми нитями, но я бесцеременно рвал их:

— Какой из меня инициатор, создатель, глашатай, комбинатор? Еще провозгласить номер рейса отходящего поезда или спровоцировать моралиста — на это я способен. Мне бы чего-нибудь попроще, пан шеф…

— И чтобы при этом не нужно было бы много думать, не так ли? Но я хочу, чтобы вы мыслили во время работы! Не бойтесь этого! Кстати, разве уже не стерлась грань между трудом физическим и умственным? Воспряньте духом! Не хотите же вы, чтобы я послал вас в замок Хараштепин!

— А что там надо делать? — спросил я на всякий случай.

— Людей пугать — если вам действительно не хочется заняться чем-нибудь более полезным. Кстати, должен же кто-то этим заниматься. Туристы хотят слышать стоны и скрип зубов из

пыточных камер и видеть хромого епископа с кровавым посохом.

— Нет, только не это! Уехать из столицы в такую дыру — это не для меня! Я прошу вас подыскать что-нибудь здесь, в Праге!

Мистер Йозифек снова перетасовал картотеку, задержавшись на букве М.

— А как насчет муравьев?

— Что такое?

— Ну, сторожить муравьев, чтобы они не разбежались…

— С этим я наверняка не справлюсь.

— Они живут в стеклянной колбе под наблюдением знаменитого мирмеколога Маркупа. Вы будете их кормить, купать, наблюдать за ними, описывать их поведение. Маркуп ежедневно выпускает одного муравья. Вам нужно будет следить, куда он направится… Таким образом, вы примете участие в научном эксперименте, и Маркуп согласен опубликовать ваше имя среди тех, кто помогал ему в исследованиях…

— А что, если этот муравей засветло не вернется домой? Если он заблудится? Я что, должен ночью с фонариком гоняться за ним?

— Не знаю. Все это вам скажет профессор. И — хватит!

Я видел по его глазам, что капля переполнила чашу его терпения. Я быстро сказал, что согласен, и удалился.

Так я стал муравьиным сторожем у господина профессора. И почему именно я сподобился получить такую работу — самую идиотскую из всех, какие когда-либо существовали! И такую ответственную! С утра до вечера я сидел во дворе и глядел во все глаза, так что из них текли слезы. И все-таки двух муравьев я не досчитался. Один обварился, когда я мыл стеклянную колбу с муравьями, стараясь при этом внимательно следить за тем, что они делают и как копошатся. А второй куда-то забежал и, бесцельно побродяжничав три дня, потерялся в траве. Я поймал другого, но эта была роковая ошибка! Старик это сразу понял — он ведь всех их знает наперечет, — и его чуть было не хватил удар! А на моей совести оказалось черное пятно.

Разочарованный, я покинул профессора. И теперь снова брожу в поисках работы и боюсь, что это у меня на лбу написано. Мне кажется, что я скособочился и под рубашкой меня все время щекочет бегающий муравей. Но к мистеру Йозифеку я больше не пойду. Лучше уж вернусь к этим проклятым муравьям!